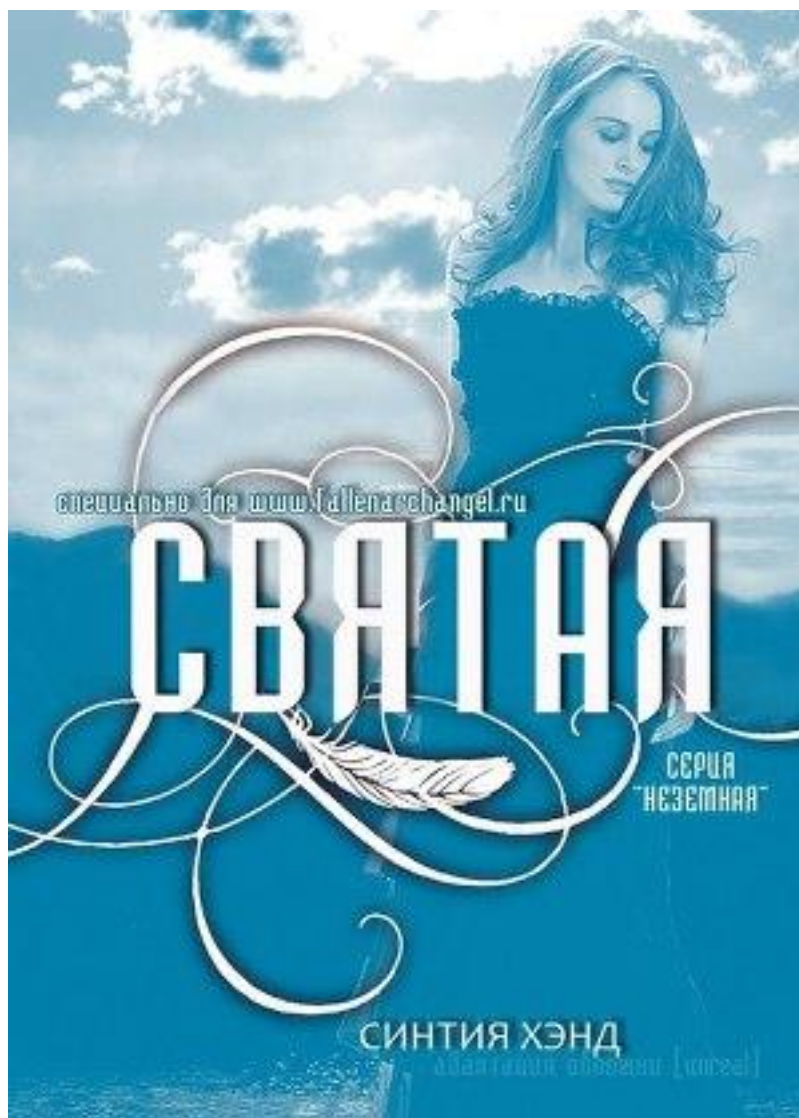

Синтия Хэнд
«Святая»
Неземная - 2

Перевод «Святой» подготовлен специально для сайта <http://fallenarchangel.ru>

АННОТАЦИЯ:

На протяжении многих месяцев наполовину ангел Клара Гарднер встречается в своих видениях лицом к лицу с сильным лесным пожаром, из пламени которого спасает притягательного и таинственного Кристиана Прескотта. Но даже это не могло подготовить её к судьбоносным решениям, которые ей предстоит принять в день пожара, или поразительному открытию, заключающему в том, что ее предназначение - задача, ради выполнения которой она и была послана на землю – не настолько легкое, как ей казалось раньше. Сейчас, разрываемая между все более усложняющимися чувствами к Кристиану и любовью к своему парню - Такеру, Клара пытается понять, что же она должна сделать в день пожара. И, будучи вовлеченной в мир полу-ангелов, где с каждым днем все сильнее разрастается конфликт между Белыми и Черными Крыльями, Клара узнает о новой страшной реальности, с которой должна будет встретиться лицом к лицу: кто-то очень близкий ей умрет, и это лишь вопрос времени.

Пока её будущее остается покрытым завесой тайны, единственное, что Клара знает наверняка, так это то, что пожар - это только начало.

Описанная Райчел Мид как «совершенно пленительная» *«Неземная»* получила выдающиеся рецензии, лестные отзывы от авторов бестселлеров по версии *«Нью-Йорк Таймс»*, а также была названа *Indie* «обязательной к прочтению» книгой. В этом затрагивающем сердце продолжении Синтия Хэнд мастерски показывает всепоглощающую радость первой любви и агонию потери. Эта прекрасно сотканная история придется по душе любителям Лорен Кейт, Бекки Фитцпатрик и Эприлин Пайк.

Синтия Хэнд «Святая»

Для моей мамы Кэрол

*Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери,
тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы,
и брали их себе в жены, какую кто избрал.
Ветхий Завет 6:1-2*

ПРОЛОГ

(Переводчик: Наталья Цветаева; Редактор: [unreal])

Мне грустно во сне. Это чувство перекрывает все остальные. Ужасная скорбь душит меня, застилает глаза, делает мои ноги неподъемными, когда я иду среди высокой травы. Я поднимаюсь вверх по склону вдоль сосен. Это не тот холм из моих видений. Здесь нет лесного пожара, и раньше я здесь не бывала. Это что-то новое. Небо над головой безоблачное – чистое и голубое. Светит солнце. Птицы поют. Теплый ветерок покачивает деревья.

Черное Крыло должен быть где-то поблизости, *очень* близко, если силу скорби можно использовать как индикатор. В этот момент я вижу брата, идущего рядом. На нем костюм: черный пиджак, темно-серая рубашка на пуговицах, блестящие туфли и серебристый полосатый галстук. Он смотрит прямо перед собой, его челюсть напряжена от гнева или чего-то еще, чему я не могу подобрать название.

- Джеффри, - шепчу я.

- Давай просто пройдем через это, - говорит мой брат, даже не взглянув на меня. Хотелось бы знать, о чем он.

Затем кто-то очень знакомо берет меня за руку: жар его кожи, то, как тонкие, но мужественные пальцы переплетаются с моими. Руки, как у хирурга, однажды пришло мне в голову. Руки Кристиана. Дыхание перехватывает. Я не должна позволять ему держать себя за руку, не сейчас, не после всего, но я не отстраняюсь. Поднимаю глаза вдоль рукава его пиджака к лицу, к его серьезным зеленым глазам с золотистыми крапинками. И на мгновение скорбь притупляется.

- *Ты выдержишь*, - шепчет он у меня в голове.

ГЛАВА 1. В ПОИСКАХ МИДАСА

(Переводчик: Наталья Цветаева; Редактор: [unreal])

«Блюбелл» больше не голубой. Огонь превратил автомобиль Такера «Шевроле ЛУВ» 1978 года в смесь черного, серого и ржаво-оранжевого, стекла разбились от жары, шины пропали, салон же забит тошнотворно-черными металлом, расплавившимися пластмассой приборной доски и обивкой. Глядя на это, сложно поверить, что еще пару недель назад моим любимым занятием было кататься в этом старом фургоне с опущенными стеклами, позволяя пальцам скользить по воздуху, украдкой бросать взгляд на Такера просто потому, что мне нравилось смотреть на него. Здесь все и случилось, на этих потрепанных, пахнущих плесенью сиденьях. Здесь я влюбилась.

А теперь все сгорело.

Такер смотрит на то, что осталось от «Блюбелл» с горечью в темно-голубых глазах, одна его рука лежит на опаленной крыше, словно он говорит свое последнее «прости». Я беру его другую руку. С тех пор, как мы пришли сюда, он был не разговорчив. Мы провели день, гуляя по сгоревшей части леса в поисках Мидаса - лошади Такера. Часть меня думала, что это плохая идея, возвращаться сюда на поиски, но когда Такер попросил меня подвезти его, я согласилась. Понимаю, он любил Мидаса не только потому, что этот конь был чемпионом в родео, а потому, что Такер присутствовал при его рождении, видел его первые неуверенные шаги, обкатывал и тренировал его, они вместе проехали почти все дороги в Титон Каунти. Он хочет знать, что с ним случилось. Окончательно.

Я знаю это чувство.

В одном месте мы наткнулись на тушу лося, почти превратившуюся в пепел, и на какой-то ужасный момент я решила, что это был Мидас, пока не увидела рога, но это было все, что мы нашли.

- Прости, Так, - говорю я. Знаю, что не могла спасти Мидаса. Я никак не могла вытащить и Такера, и взрослого коня из горящего леса в тот день, но я все равно по-прежнему чувствую себя виноватой.

Его рука сжимает мою. Он поворачивается и демонстрирует мне легкие ямочки.

- Эй, не извиняйся, - говорит он. Я обвиваю руки вокруг его шеи, и он тянет меня ближе. - Это я должен извиняться, что притащил тебя сюда. Это удручает. Мне кажется, что сейчас мы должны были бы праздновать. Ты, кстати, спасла мне жизнь. - Он улыбается, в этот раз уже настоящей улыбкой, наполненной теплом, любовью и всем тем, о чем я мечтала. Я наклоняю его лицо вниз, находя утешение в том, как его губы движутся по моим, в стуке его сердца под моей ладонью, в постоянстве и силе этого мальчика, который украл мое сердце. На минуту позволяю себе раствориться в нем.

Я не выполнила свое предназначение.

Пытаюсь отогнать от себя эти мысли, но это не так просто. Что-то скручивается во мне. Сильный порыв ветра толкает нас, и усиливается дождь, который до этого слегка моросил. Дождь идет уже три дня, со дня пожара. А еще очень холодно. Этот влажный холод тут же проникает под пальто. Туман покрывает все пространство между чернеющими деревьями.

Вообще-то напоминает ад.

Дрожа, я отстраняюсь от Такера.

Боже, мне пора лечиться, думаю я.

Конечно. Уже могу представить себя рассказывающей свою историю психиатру, вытянувшись на кушетке и говоря, что я немножко ангел, что у всех, в ком течет ангельская кровь, есть предназначение на земле, которое нужно выполнить, и что однажды я наткнулась на падшего ангела. Ангела, который буквально отправил меня в ад где-то на пять минут. Который пытался убить мою мать. И что я боролась с ним чем-то вроде волшебного сияния. Затем мне пришлось улететь, чтобы спасти мальчика от лесного пожара, только я не спасла его. Вместо него я спасла моего парня, но получилось так, что тот мальчик и не нуждался в спасении, потому что он тоже немножко ангел.

Да уж, почему-то мне кажется, что первый же мой визит к психиатру закончится смиренной рубашкой и белой мягкой палатой.

- Ты в порядке? - тихо спрашивает Такер.

Я не рассказала ему про ад. И про Черное Крыло. Потому что мама сказала, что если знать про него, то ты с большей вероятностью можешь привлечь его внимание. Не знаю точно, как это работает.

Я многого ему не рассказала.

- Все хорошо. Я просто... - Что? Что я? Безнадежно запуталась? Совсем не в себе? Навеки обречена?

Я выбираю: - Замерзла.

Он обнимает меня, растирает мои руки, пытаюсь согреть меня. На секунду я ловлю его обеспокоенный, немного обиженный взгляд, который обычно получаю, когда он знает, что я не сказала ему всей правды, но я вытягиваюсь и нежно его целую в уголок рта.

- Давай больше не расставаться, ладно? - говорю я. - Не думаю, что смогу это пережить.

Его взгляд смягчается: - Договорились. Больше никаких расставаний. Пошли, - говорит он, беря меня за руку и ведя назад к моей машине, припаркованной у края сгоревшей поляны. Он открывает мне дверь, затем бежит к пассажирскому сиденью и садится внутрь. Такер улыбается. - К черту, давай убираться отсюда.

Мне нравится, что он чертыхается.

С меня хватит этого ада.

В этом году уже совсем другая девушка сидит в серебристом «Приусе» на парковке школы Джексон Хол в первый день занятий. Во-первых, эта девушка блондинка: у нее длинные волнистые золотистые волосы с мягким рыжеватым отливом. Ее волосы собраны в низкий хвост у основания шеи, на голове серая фетровая шляпа. Она надеется, что шляпа сойдет за винтаж и отвлечет внимание от ее волос. Ее кожа тронута солнцем – это не совсем загар, но он определенно сияет. Но волосы и кожа – это не то, что я не узнаю, когда смотрюсь в зеркало заднего вида. Это глаза. В этих огромных серо-голубых глазах горит новое знание о добре и зле. Я выгляжу взрослее. Мудрее. Надеюсь, так и есть.

Я выхожу из машины. Небо над головой серое. Все еще идет дождь. Все еще холодно. Ничего не могу с собой поделать, я сканирую облака, ищу в своем сознании малейший намек на скорбь, которая может означать, что где-то здесь скрывается злой ангел, хотя мама и сказала, что маловероятно, что Семъйза¹ тут же придет за нами. Я ранила его и, очевидно, ему понадобится время на лечение, потому что в аду время идет по-другому. День здесь – это тысяча лет там, тысяча лет – это один день, что-то в этом духе. Я не пытаюсь понять, а просто радуюсь, что нам не придется сбегать из Джексона и оставлять позади всю мою жизнь. По крайней мере, какое-то время.

Не обнаружив следов злых ангелов, я оглядываю парковку, надеясь увидеть Такера, но его еще нет. Мне ничего не остается, кроме как пойти внутрь. В последний раз я поправляю шляпу и иду к двери.

Мой выпускной год ждет.

- Клара! – зовет знакомый голос, прежде чем я успеваю сделать третий шаг. – Подожди. – Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Кристиана Прескотта, выходящего из своего новенького пикапа. Этот пикап черный, огромный, сверкающий серебром на колесах, с надписью «МАКСИМАЛЬНАЯ НАГРУЗКА» на бампере. Старый грузовик, серебристый «Аваланш», который постоянно появлялся в моих видениях, тоже сгорел в лесу. Это был неудачный день для пикапов.

Я жду, пока он бежит по направлению ко мне. Взгляда на него хватает, чтобы почувствовать себя странно, нервно, словно я теряю равновесие. Последний раз я видела его пять дней назад, когда мы стояли на моем крыльце, промокшие под дождем, перемазанные сажей, пытающиеся справиться с нервозностью и войти внутрь. Нам нужно было разобраться со многими странностями, но мы так и не сделали этого, что, конечно же, не вина Кристиана. Он звонил мне. Первые несколько дней очень часто. Но как только его имя высвечивалось на моем телефоне, часть меня замирала, как олень в свете фар, и я не брала трубку. Когда я все же ответила, мы не знали, что сказать друг другу. Все сводилось к: «Итак, мне не нужно спасать тебя?» «Нет. Может, мне нужно спасать тебя?» И мы смущенно смеялись, словно все наше предназначение было простой шуткой, а затем оба замолкали. А что тут скажешь? Извини, я провалилась, похоже, я испортила твою божественную цель? Я виновата?

- Привет, - запыхавшись, говорит он.

- Привет.

- Симпатичная шляпа, - говорит Кристиан, но его взгляд скользит по моим волосам, как и всякий раз, когда он видит меня с моим натуральным цветом волос, и лишний раз убеждается, что это именно я – девушка из его видений.

- Спасибо, - выдавливаю я. – Стараюсь быть неузнанной.

Он хмурится: - Неузнанной?

- Ну, знаешь, из-за волос.

- Ааа. – Его рука поднимается, как будто он хочет прикоснуться к непослушной пряди, которая успела выбиться из хвоста, но роняет руку, сжимая ладонь в кулак. – Почему бы тебе снова не покраситься?

- Я пыталась. – Я делаю шаг назад, возвращая беглую прядь за ухо. – Краска больше не держится. Не спрашивай почему.

- Загадочно, - говорит он, и его губы кривятся в легкой усмешке, которая растопила бы мое сердце, как масло, в прошлом году. Он привлекателен и знает это. Я занята. Кристиан знает, что я занята, но продолжает мне так улыбаться. Он путает меня. Я пытаюсь не думать о том сне, который видела всю эту неделю, как Кристиан казался единственным во всем сне, кто мог помочь мне не сойти с

¹ Комм. редактора: Семъйза – в первой части серии «Неземная» известен как Самджиза. Перевод его имени, данный во второй книге, является наиболее правильным, т.к. именно под ним он значится в «Книге Еноха».

ума. Стараюсь не думать о словах, что мы принадлежим друг другу, эти слова я слышала в моем видении вновь и вновь.

Я не хочу принадлежать Кристиану Прескотту.

Улыбка увядает, его глаза снова становятся серьезными. Он выглядит так, будто хочет что-то сказать.

- Ладно, еще увидимся, - говорю я, возможно, слишком радостно и иду к школе.

- Клара, - он легко бежит за мной. – Эй, стой. Я подумал, что мы могли бы сесть вместе за ланчем.

Я останавливаюсь и пристально смотрю на него.

- Или нет, - говорит он со своим привычным смешком-выдохом. Мое сердце ускоряется. Я больше не интересуюсь Кристианом, но, похоже, мое сердце еще этого не поняло. Стук. Стук. Стук.

Кое-что изменилось. Кое-что, кажется, нет.

Все замечают мои волосы. Естественно. Я надеялась, что они будут смотреть молча, может, немного пошепчутся, пару дней немного посплетничают, а потом потеряют интерес. Но через две минуты после начала урока французского учительница заставляет меня снять шляпу, и это похоже на ядерный взрыв.

- Какая красота, какая красота, - повторяет мисс Колберт, еле удерживаясь от того, чтобы подойти и погладить меня по голове. Я придерживаюсь придуманной ранее истории о том, что этим летом в Калифорнии мама нашла потрясающего стилиста, который за астрономическую плату превратил мои волосы из оранжевого кошмара в пшеничную сказку. Объяснять все это на французском уровня средней школы, претворяясь, что не владею им в совершенстве – самое забавное, что я делаю этим утром. Еще нет девяти утра, а я уже готова сбежать домой. Затем я ныряю в кабинет информатики, звенит звонок, и этот кошмар начинается заново. *Твои волосы, твои волосы, как красиво!* И снова, на третьем уроке искусства, словно они все уже готовы начать рисовать меня и мои чудесные волосы.

Четвертый урок – политика – еще хуже. Там Кристиан.

- Еще раз привет, - говорит он, пока я стою в дверях, уставившись на него.

Наверное, я не должна была бы удивляться. В школе Джексон Хол всего около шестисот учащихся, так что нет ничего странного в том, что у нас совпадают уроки. Такер тоже был на него записан, когда я проверяла в последний раз.

Где же Такер, *черт побери*? Кстати, Венди я сегодня тоже не видела.

- Ты собираешься заходить? – спрашивает Кристиан.

Я опускаюсь на место рядом с ним и рою в сумке, чтобы достать тетрадь и ручку. Я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю, поворачиваю голову из стороны в сторону, чтобы немного расслабить шею.

- День уже успел стать тяжелым? – спрашивает он.

- Ты даже не представляешь, на сколько.

В этот момент влетает Такер.

- Я тебя весь день ищу, - говорю я, пока он занимает соседнюю парту. – Ты только что приехал?

- Да. Проблема с машиной, - отвечает он. – У нас есть старая машина, на которой мы обычно ездим по ранчо и этим утром она не завелась. Если ты думала, что мой пикап был развалюхой, ты должна посмотреть на этот.

- Я никогда не думала, что «Блюбелл» - развалюха, - говорю я ему.

Он улыбается и прочищает горло. – И что ты об этом думаешь? У нас совместный урок, ты и я, и в этом году мне даже не придется никого подкупать.

Я смеюсь: - Ты кого-то подкупил в том году?

- Не официально, - соглашается Такер. – Я спрашивал миссис Ловелл из бюро, ответственную за расписание, не могла бы она меня перевести на историю Британии. В последний момент, то есть где-то за десять минут до начала занятия. Мы с ее дочерью друзья, она и помогла.

- Но зачем...?

Он смеется. - Ты такая милая, когда долго соображаешь.

- Из-за меня? Да ну! Ты ж меня ненавидел. Я была той самой крутой калифорнийской цыпочкой, которая оскорбила твой грузовик.

Он улыбается. Я в недоумении трясую головой.

- Знаешь, ты псих.

- Ой, а я-то думал, что был милым, романтичным и так далее.

- Правильно. Так ты дружишь с дочерью миссис Ловелл? Как ее зовут? – спрашиваю я наигранно ревниво.

- Элисон. Хорошая девчонка. Она была одной из тех девушек, с которыми я был на выпускном в прошлом году.

- Хорошенькая?

- Ну, она рыжая. Кажется, меня тянет к рыжим, - говорит он. Я несильно бью его по руке. – Эй. А еще меня тянет к буйным. – Я снова смеюсь. И в этот момент я чувствую огромное разочарование, такое сильное, что это стирает улыбку с моего лица.

Кристиан.

Такое уже случалось раньше. Иногда, обычно, когда я меньше всего этого ожидаю, словно у меня появляется доступ к мыслям других людей. Как, например, сейчас, я ощущаю присутствие Кристиана по другую сторону от меня так остро, словно он прожигает во мне дыры своим взглядом. Я не понимаю, о чем он думает, но знаю, что чувствует – он замечает, как естественно я болтаю с Такером. Ему бы хотелось, чтобы я так же шутила с ним, чтобы мы, наконец, могли разговаривать друг с другом, наконец, объединились. Ему хочется, чтобы с ним я смеялась так же.

Кстати, знать такое – это реально отстой. Мама называет это эмпатией, говорит, что это редкий дар среди полу-ангелов. Редкий дар, ха! Интересно, можно ли вернуть его назад?

Такер заглядывает мне через плечо и, кажется, впервые замечает Кристиана.

- Как дела, Кристиан? Хорошо провел лето? – спрашивает он.

- Да, отлично, - отвечает Кристиан, и его разум внезапно отталкивает мой волной наигранного безразличия. – Как прошло твое?

Они пристально смотрят друг на друга одним из тех пресловутых тестостероновых взглядов. – Потрясающе, - говорит Такер.

В его голосе вызов. – Лучшее лето в моей жизни. – Я размышляю, можно ли еще сбежать с урока.

- Ну, летом всегда так, правда? – говорит Кристиан через минуту. – Но оно рано или поздно кончается.

Какое же облегчение, когда занятие заканчивается. Но затем я стою в проходе в кафетерий и решаю, что делать с ланчем.

Вариант А: Как обычно. Столик Невидимок. Венди. Болтовня. Может, несколько неловкий разговор о том, что теперь я встречаюсь с ее братом, возможно, она задаст вопрос, что конкретно произошло в лесу в день пожара, на который я не знаю ответа. Она все еще одна из моих лучших подруг и я не хочу ее избегать.

Вариант Б: Анжела. Анжела любит есть в одиночестве и, обычно, люди позволяют ей это. Может, если я сяду с ней, они и мне это позволят. Но тогда мне придется отвечать на ее вопросы и выслушивать ее теории, которыми она атакует меня последние несколько дней.

Вариант С (на самом деле не вариант): Кристиан. Стоящий у стены в привычной позе и старательно не смотрящий в мою сторону. Он ничего не ожидает, не давит на меня, а просто хочет, чтобы я знала, что он здесь. Надеюсь.

Ни за что не пойду в его сторону.

А затем решение принимают за меня. Анжела устремляет на меня свой взгляд, поднимает руку и указывает на пустующий стул рядом с собой. Когда я не реагирую, она требует: - Иди сюда.- Командирша.

Я иду к углу, где она сидит, и опускаюсь на стул. Анжела читает маленькую, пыльную книгу. Закрыв ее, она через стол толкает ее ко мне.

- Просмотри, - говорит она.

Я читаю название. – «*Книга Еноха*»?²

- Да. Очень-очень странная старая копия, посмотри на страницы. Они тонкие. Нам нужно будет поговорить про ASAP. Но сначала...- она поднимает голову и громко зовет: - Эй, Кристиан!

О. Мой. Бог. Что она творит?

- Анежела, подожди, не надо...

² **Прим. пер.:** знаменитое издание первой книги Еноха, содержащей апокрифы Ветхого завета. Вошла в канон эфиопской Библии и впервые была обнаружена в XVIII веке.

Она машет ему. Это может плохо кончиться.

- Что такое? – говорит он, как обычно, холодно и невозмутимо.

- Ты будешь есть свой ланч на улице, да? – спрашивает Анжела. – Ты всегда так делаешь.

Его глаза вспыхивают, когда наши взгляды встречаются. – Я думаю над этим.

- Хорошо, так, я не хочу нарушать твои планы, но думаю, ты, я и Клара должны встретиться после школы. В театре моей матери, в «Розовой подвязке», в городе. – Кристиан выглядит растерянным.

- Эээ, ладно. Зачем?

- Давай просто назовем это новым клубом, который я создаю, - говорит Анжела. – Ангельский клуб. - Он снова смотрит на меня и да, в его зеленых глазах обида, потому что я пошла и разболтала Анжеле его самый большой секрет. Мне хочется объяснить ему, что если дело касается секретов, то Анжела хуже пиявки, совершенно невозможно скрыть от нее что-либо, но это не важно. Она знает. Он знает, что она знает. Ущерб нанесен. Я зло смотрю на Анжелу.

- Она такая же, - просто говорю я, в основном потому, что знаю, что Анжела хотела бы сама рассказать ему об этом, и я чувствую себя лучше, разрушив ее планы. - И, очевидно, она сошла с ума. - Кристиан кивает, как будто это откровение совершенно его не удивило.

- А ты придешь в «Розовую подвязку»? - спрашивает он у меня.

- Думаю, да.

- Хорошо. Я тоже, – говорит он Анжеле, продолжая смотреть на меня. – В любом случае, нам надо поговорить.

- Отлично.

- Отлично, - бодро говорит Анжела. – Увидимся после школы.

- До скорого, - говорит он и выходит из кафетерии.

- Я поворачиваюсь к Анжеле: - Ненавижу тебя.

- Знаю. А еще я нужна тебе. В противном случае, ты так бы ничего и не сделала.

- Я все еще тебя ненавижу. – Говорю я, хотя она права. В некотором роде. Вообще-то, ангельский клуб кажется отличной идеей, если это поможет мне выяснить, что же для нас с Кристианом значит то, что мы не выполнили свои предназначения, с тех пор мама так и не объяснила мне ничего конкретного. Анжела – профи в собирании информации. Если кто-то и может выяснить последствия проваленного предназначения, то это она.

- Ой, ты же знаешь, что любишь меня, - говорит она и снова подталкивает ко мне книгу. – А теперь возьми ее и иди есть к своему парню.

- Что?

- Вон там. Он уже соскучился. – Она указывает нам за спины, где, скорее всего, за одним из столов невидимок Такер болтает с Венди. Оба смотрят на меня с одинаково ожидающим видом.

- Кыш. Ты свободна, - говорит Анжела.

- Заткнись. – Я беру книгу и заталкиваю в рюкзак, затем направляюсь к столам невидимок.

Ава, Линдси, Эмма – мои друзья-невидимки, все улыбаются мне и здороваются, вместе с парнем Венди, Джейсоном Ловеттом, который в этом году ест с нам, вместо своих товарищей по компьютерным играм.

Это странно, что у нас теперь есть парни.

- И что это было? – спрашивает Венди, бросая на Анжелу любопытные взгляды.

- Ааа, просто Анжела есть Анжела. Так что у нас сегодня в меню?

- Гамбургеры.

- Вкуснятина, - говорю я с энтузиазмом.

Венди закатывает глаза и обращается к Такеру: - Кларе не нравится здешняя кухня. Она ест как птичка.

- Хм, - отвечает он, подмигивая мне, потому что у него со мной совершенно другой опыт. Рядом с ним я всегда ела как лошадь. Я опускаюсь на соседний с ним стул, он придвигает свой стул поближе и обнимает меня одной рукой. Все в рамках приличия, но я слышу, как нас начинают обсуждать. Думаю, я становлюсь девушкой, которая держится за руки со своим парнем, пока они идут по школьному коридору, которая целуется в перерывах между уроками, которая оглядывает кафетерий затуманенными глазами. Никогда не думала, что стану такой.

Венди фыркает, и мы оба поворачиваемся, чтобы посмотреть на нее. Ее взгляд бежит от меня к Такеру и назад. Конечно, она знает о нас, но она еще не видела нас вместе.

- Вы, ребят, немного мерзкие, - говорит она, а затем подвигает свой стул поближе к Джейсону и кладет свою руку в его.

Такер дарит мне озорную улыбку, которую я так хорошо знаю. У меня нет времени, чтобы возразить, когда он наклоняется для поцелуя. Я смущенно прижимаюсь к нему, затем таю и на минуту забываю о том, где мы находимся.

Наконец, он отстраняется. Но в том, чтобы быть такой девушкой есть свои преимущества.

- Фу, снимите комнату, - говорит Венди, пряча улыбку. Трудно сказать, о чем она на самом деле думает, но, кажется, она пытается смириться с тем, что ее лучшая подруга встречается с ее братом, поэтому делает вид, что ей противно. Это значит, что она одобряет.

Я замечаю, что в кафетерии повисла тишина. Затем все возобновляется шквалом болтовни.

- Знаешь, мы стали главной городской сплетней, - говорю я Такеру. С таким же успехом он мог бы взять маркер и написать у меня на лбу большими буквами «СОБСТВЕННОСТЬ ТАКЕРА».

Его брови взлетают. – Тебя это волнует?

Я тянусь к его руке и переплетаю наши пальцы.

- Нет.

Я с Такером. Несмотря на проваленное предназначение и все остальное, кажется, мне удалось его удержать. Я самая везучая в мире девчонка.

ГЛАВА 2. ПЕРВОЕ ПРАВИЛО АНГЕЛЬСКОГО КЛУБА

(Переводчик: iloved; Редактор: [unreal])

Мистер Фиббс - мой учитель по углубленному изучению английского, который - слава Богу! – является моим последним уроком сегодня, заставляет нас начать делать первое задание из курса “College English”³, которое представляет собой личное эссе о том, какими мы видим себя через десять лет. Я достаю блокнот, щелкаю авторучкой, чтобы приступить к написанию вариантов, и смотрю на пустой лист. Смотрю. Смотрю. Так какой же я вижу себя через десять лет?

- Попробуйте себе это представить, - говорит Фиббс, будто замечает меня здесь, сидящую в углу, и знает, что у меня возникли небольшие трудности.

Мне всегда нравился мистер Фиббс. Он вроде нашего личного Гэндальфа, Дамболдора или еще кого-то невозмутимого в комплекте с круглыми очками и длинным белым хвостом, торчащим сзади из воротника, но сейчас он меня просто убивает. «Представьте себе», - говорит он. Я закрываю глаза. Картина медленно начинает материализоваться в моей голове. Лес под оранжевым небом. Горная цепь. Кристиан. Ждет. Я открываю свои глаза. Нет, я не думаю об этих подробностях. Это не мое будущее. Это прошлое. Мое будущее с Такером, и это не трудно представить. Я закрываю глаза снова, и, приложив немного усилий, вижу очертания большого красного амбара в «Ленивой Собаке». Небо над головой чистое и синее. Вижу человека, ведущего на пастбище лошадь, которая очень похожа на Мидаса: красивая, блестящая, гнедая. И еще - это та часть, от которой перехватывает дыхание - верхом на лошади сидит маленький мальчик и хихикает точно так же, как Такер. Человек, ведущий лошадь по кругу, безусловно, сам Такер. Я узнаю его где угодно. Мальчик видит меня и машет. Я машу в ответ. Такер подводит лошадь к забору.

- Посмотри на меня, посмотри на меня, - привлекает мое внимание мальчик.

- Я тебя вижу. Привет, красавчик, - говорю я Такеру.

Он наклоняется через забор, чтобы поцеловать меня, обхватив мое лицо руками, и тогда я вижу блеск золотого кольца на его пальце.

Мы женаты.

Это лучшая мечта всех времен. Где-то в глубине души я осознаю, что это только мечта, результат моего воображения и фантазий. Не видение. Не мое будущее. Но это единственное, чего я хочу. Я открываю глаза, сжимаю пальцы вокруг ручки и пишу: *«Через десять лет я буду замужем. У меня будет ребенок. Я буду счастлива»*.

Затем щелкаю авторучкой и смотрю на слова. Они удивляют меня. Я никогда не была одной из тех девчонок, которые мечтают о замужестве; никогда не заставляла мальчиков на детской площадке давать мне клятвы или оборачиваться в простыни и делать вид, будто мы идем к алтарю. Когда я была ребенком, я смастерила мечи из ветвей деревьев, и мы с Джефффри гонялись друг за другом вокруг

³ “College English” – курс, имеющий своей целью формирование прочной основы письменных навыков общения.

двора, крича: «Сдавайся или умри!». Не то, чтобы я была сорванцом. Мне нравились: фиолетовый цвет, лак для ногтей, ночевки, писать свое имя на полях тетрадки в школе, как и любой другой девчонке. Но я никогда, если честно, не представляла себя, состоящей в браке и будучи «миссис Кто-то». Кажется, я предполагала, что выйду замуж, в конце концов. Просто это казалось слишком далеким, чтобы беспокоиться. Но, может, я все-таки одна из этих девушек. Я смотрю на страницу. У меня написано три предложения. Венди, очевидно, написала целую книгу о том, как здорово обернется ее жизнь, а у меня есть всего лишь три предложения. Такое чувство, что они вряд ли входят в разряд тех предложений, которые оценит мистер Фиббс.

- Ладно, еще пять минут, - говорит мистер Фиббс, - а затем, мы разделимся.

Во мне поднимается паника. Итак, чего я хочу? Анжела собирается стать поэтом, Венди - ветеринаром, у Кей Паттерсон есть глава, включающая в себя вступление в университетский клуб и женитьбу на сенаторе, Шон получит олимпийское золото за сноубординг, Джейсон - один из тех программистов, которые делают миллионы, придумывая какие-то новые фишки для «Google», и я - директор круизного судна. Я прима-балерина в «Нью-Йорк Сити Балет»⁴. Я - кардиохирург. Да, пожалуй, остановлюсь на кардиохирурге. Моя ручка порхает по всей странице.

- Время вышло, - говорит мистер Фиббс, - заканчивайте свое последнее предложение, а потом мы поговорим.

Я перечитываю то, что написала. Неплохо. Абсолютная ложь, но хоть что-то.

- Нет ничего более вдохновляющего, чем сложность и красота человеческого сердца, - пишу я в последнем предложении, и почти заставляю себя поверить в это. Грезы о Такере почти стерлись из моего сознания.

- Кардиохирург, да?- говорит Анжела, когда мы идем с ней вместе по набережной «Бродвей» в Джексоне. Я пожимаю плечами.

- Ты остановилась на юристе. Действительно считаешь, что собираешься стать юристом?

- Я хотела бы стать отличным адвокатом.

Мы шагаем через арку, на которой написано «Розовая подвязка», и Анжела выуживает свои ключи, чтобы открыть дверь. Как обычно, в это время театр выглядит совершенно безлюдным.

- Заходи.

Она кладет руку мне на плечо и толкает меня через пустой вестибюль. С минуту мы стоим в темноте. Затем Анжела ускользает, исчезая во тьме, и мгновение спустя ореол света появляется на сцене, которая по-прежнему украшена декорациями «Оклахомы!», фальшивой фермой и кукурузой. Я неохотно бреду вниз по проходу, мимо рядов красных бархатных кресел и до линии чистых белых столиков перед оркестровой ямой, где весь прошлый год мы с Анжелой сидели с её тетрадками и стопкой пыльных книг. Где мы говорили об ангелах, ангелах, и еще раз ангелах, до тех пор, пока я не начинала думать, что мой мозг вот-вот расплавится. Анжела практически вприпрыжку скачет в переднюю часть театра, поднимается по лестнице с краю сцены, останавливается и смотрит, ведь именно так она сможет получить четкое представление о том, кто входит. На свету ее длинные черные волосы отливают темно-синим оттенком, что выглядит не совсем естественно. Убрав челку за ухо, она смотрит на меня этим «я-супер-довольна-собой» выражением. Я сглатываю.

- Так что все это значит? - спрашиваю я, стараясь, чтобы мой голос звучал так, будто бы меня это не волнует, - Умираю от нетерпения.

- Терпение – это добродетель, - шутит она.

- Я не настолько добродетельна.

Она загадочно улыбается.

- Ты думаешь, что я еще не догадалась?

В задней части театра появляется фигура, и я понимаю, что меня охватывает паника. Эта фигура выходит на свет, и у меня снова перехватывает дыхание, но уже по другой причине. Это не Кристиан. Это мой брат. Я бросаю взгляд на Анжелу. Она лишь пожимает плечами.

- Он заслуживает права знать то, что знаем мы. Верно?

Я оборачиваюсь и смотрю на Джеффри. Он неловко переминается с одной ноги на другую.

Моего братца было трудно понять в последнее время. С ним определенно что-то происходит. Впервые, в ночь пожара он выбежал из-за деревьев так, будто бы за ним гнался дьявол, и его крылья

⁴ «Нью-Йорк Сити Балет» - крупнейшая балетная труппа Америки.

были цвета свинца. Я не знаю, отражает ли это состояние его душевного благополучия или еще что-то, так как мои крылья в то время тоже были довольно-таки темными из-за копоти. Он сказал, что был там, смотрел на меня, но я не купилась. Хотя одно ясно точно - он был там. В лесу. Во время пожара. На следующий день он был приклеен к телевизору, каждую минуту следя за новостями. Джеффри будто ожидал чего-то, а после у нас состоялся такой разговор:

Я (после того как проболталась о поисках Кристиана в лесу и его ангельской сущности): «Так, это было отчасти хорошо, что я спасла Такера вместо него».

Джеффри: «Ну, что ты должна была делать, если твое предназначение не заключалось в спасении Кристиана?» Вопрос на миллион долларов.

Я (несчастно): «Я не знаю».

Затем Джеффри совершил очень странный поступок. Он рассмеялся горьким смехом, неправильным, который моментально напомнил мне о неверном выборе пути. Я только что призналась, что напортачила с самой важной вещью, которую я должна была когда-либо сделать в своей жизни, причиной, по которой я на Земле, а он засмеялся, глядя на меня.

- Что? – рывкнула я на него. - Что тут смешного?

- Черт, - сказал он, - это прям как в долбанной греческой трагедии. - Он недоуменно покачал головой, - Ты спасла Такера вместо него.

Я могла бы назвать это судорогой на его лице, но он все продолжал смеяться, пока я всерьез не захотела побить его. Затем мама каким-то сверхъестественным образом уловила нотки неминуемого насилия в воздухе и сказала:

- Хватит. Оба.

И я гордо удалилась в свою комнату.

Просто, думая об этом сейчас, мне хочется врезать ему.

- Так что ты думаешь? – спрашивает Анжела, - Он может присоединиться к нам?

Тупик. Но в своем уме я или нет, мне довольно любопытно узнать, о чем именно ему известно. Поскольку мы не общались все эти дни, это может быть лучшим способом все разузнать. Я оборачиваюсь к Анжеле и пожимаю плечами.

- Конечно. Почему бы и нет?

- Мы должны сделать это быстро, - говорит Джеффри, повесив свой рюкзак на один из стульев, - У меня тренировка.

- Не проблема, - говорит Анжела, подавляя еще одну улыбку, - Мы ждем только...

- Я здесь.

И вот по проходу шагает Кристиан, засунув руки в карманы. Его взгляд скользит по театру, будто он пытается оценить место, разглядывая сцену, кресла, столы, лампы и оснастки в стропилах. Затем его взгляд падает на меня.

- Так давайте сделаем это, - говорит он, - Чтобы это ни было.

Анжела не тратит времени впустую.

- Подойдите ко мне сюда.

Мы медленно пробираемся на сцену и встаем в круг рядом с Анжелой.

- Добро пожаловать в ангельский клуб - говорит она театрально.

Кристиан издает звук, похожий не то на смех, не то на вздох.

- Первое правило ангельского клуба - вы не говорите об ангельском клубе

- Второе правило ангельского клуба - вмешивается Джеффри, - Не говорите никому об ангельском клубе.

Ох, ребят. Поехали.

- Весельчак. Смотрю, вы уже спелись, - Анжеле не до смеха, - Теперь серьезно. Я думаю, что у нас должны быть правила.

- Зачем? – интересуется Джеффри, с видом а-ля «мой милый младший брат», - Зачем нам нужны правила для клуба?

- Может быть, так бы мы знали особенности клуба, - добавляет Кристиан.

Глаза Анжелы вспыхивают. Я узнаю этот взгляд – происходит то, что не соответствует ее тщательно выстроенному плану.

- Это точка, - говорит она спокойно, - Нам необходимо узнать как можно больше об ангелах, нравится вам это или нет, в противном случае, как вы знаете, мы можем умереть.

Опять мелодрама. Она хлопает в ладоши.

- Хорошо, давайте удостоверимся, что мы все на одной волне. На прошлой неделе наша девочка Клара наткнулась на Черное Крыло в горах.

- Разбилась - больше похоже на правду, - бормочу я.

Анжела кивает.

- Хорошо. Разбилась. А все потому, что этот парень выделяет своего рода токсичное горе, которое (во многом из-за того, что у Клары сильно развиты чувствительные навыки к скорби) впитало всю ее легкость, когда она должна была улететь, из-за чего Клара упала. Причем упала с неба, прямо там, где он этого хотел.

- Ты упала? – спросил Джеффри.

Я упустила эту часть истории, когда рассказывала ее дома.

- Чувствительные навыки к скорби? – переспрашивает Кристиан.

- У меня, кстати, есть теория, что Черные Крылья не могут летать, - продолжает Анжела. Очевидно, что беседа строиться не в форме вопрос/ответ. - Их скорбь слишком тяжела, чтобы они могли держаться в воздухе. Это всего лишь теория, на данный момент, но мне она нравится. Это означает, что если ты когда-нибудь наткнешься на Черное Крыло, может быть, ты сумеешь спастись, если улетишь, потому что он не сможет поймать тебя в воздухе.

Я думаю, что если она в чем-то нуждается, так это в доске, на которой пишут мелом.

- Таким образом, Клара была выведена из строя, просто оказавшись в присутствии Черного Крыла, - говорит она, - Если есть что-нибудь, какой-нибудь способ, чтобы каким-либо образом блокировать эту печаль, мы должны этому научиться.

Я определенно соглашусь с этой идеей.

- И, так как Клара и ее мама поразили Черное Крыло с помощью славы, я думаю, что это наш ключ.

- Мой дядя говорит, что требуются годы, чтобы быть в состоянии контролировать сияние, - говорит Кристиан.

Анжела пожимает плечами.

- Клара сделала это, а она только Квортариус. На каком уровне ты?

- Только Квортариус, - отвечает он с ноткой сарказма.

Глаза Анжелы вспыхивают. Она единственная Демидиус в нашей группе. Анж имеет большую концентрацию ангельской крови. Я думаю, что это делает ее нашим единственным лидером.

- Итак, на чем я остановилась? – говорит она и, начиная загибать пальцы, продолжает, - Первая цель - найти способ заблокировать печаль. Это в основном работа для Клары, поскольку у нее, кажется, повышенная чувствительность к этому. Я была с ней, когда мы увидели Черное Крыло в торговом центре в прошлом году, и я ничего не почувствовала, кроме легкого мороза по коже.

- Притормози, - прерывает Джеффри, - Вы вдвоем увидели Черное Крыло в торговом центре в прошлом году? Когда?

- Мы были там, чтобы купить платья к выпускному.

Анжела бросила на Кристиана многозначительный взгляд, будто бы в этом инциденте виноватым был он, потому что он как бы был моим кавалером.

- И почему я ничего не слышал об этом? – спрашивает Джеффри, обращаясь ко мне.

- Твоя мама сказала, что знание о них опасно. По ее словам, когда ты узнаешь о Черных Крыльях, они узнают больше о тебе, - отвечает за меня Анжела.

Он смотрит скептически.

- Таким образом, она должно быть думает, что вы достаточно выросли, раз уж она рассказала вам о них сейчас, не так ли? – услужливо предлагает Анжела.

Я думаю о каменном лице мамы на утро после пожара, когда я рассказала Джеффри о Семъязе⁵.

- Или она думала, что Джеффри необходимо иметь представление о Черных Крыльях, в случае, если один из них заявится в дом, желая отомстить, - добавляю я.

- Что приводит нас к цели номер два, - продолжает Анжела спокойно, смотря на меня, - Ты уже прочитала книгу, которую я тебе дала?

- Анж, ты дала мне ее только за ленчем.

Она вздыхает и бросает на меня взгляд, который означает, что она думает, будто я дилетант.

⁵ Комм. редактора: **Семъяз** – в первой части серии «Неземная» известен как Самджиза. Перевод его имени, данный во второй книге, является наиболее правильным, т.к. именно под ним он значится в «Книге Еноха».

- Ты можешь достать ее, пожалуйста?

Я спрыгиваю вниз, чтобы принести книгу из моего рюкзака. Анжела решает, что, может быть, за столом будет более удобно погрузиться в глубокие и тяжёлые исследования, что для нее означает, очевидно, прыгать в омут с головой. Мы вновь собираемся вокруг стола. Анжела берет у меня из рук книгу Еноха и начинает перелистывать страницы.

- *«И случилось, - она откашливается, прочищая горло, - ...после того как сыны человеческие умножились в те дни, у них родились красивые и прелестные дочери. И ангелы, сыны неба, увидели их, и возжелали их, и сказали друг другу: "Давайте выберем себе жен в среде сынов человеческих и родим себе детей"!»*⁶

- Ага, поделимся ангельской кровью, - прокомментировала я.

- Просто подожди. Я дошла до самого интересного. *«И Семъйяза, начальник их, сказал им: "Я боюсь, что вы не захотите привести в исполнение это дело и тогда я один должен буду искупать этот великий грех".»*⁷ Это имя звучит знакомо, не так ли?

Дрожь проходит по моей спине.

- Это он, тот Семъйяза? Ангел, который напал на маму и Клару? – спрашивает Джеффри.

Анжела откидывается назад.

- Я думаю, что да. Она продолжает говорить о том, как он женился на человеческой женщине и учил людей, как делать оружие и зеркала, и показал им волшебство, заклинания и другие запрещенные вещи. У них было много детей, которые в книге описаны как злые гиганты – Нефилимы⁸ – которые были мерзостью в очах Божьих, потом их стало так много, и Земля стала так зла, что Бог послал потоп, чтобы уничтожить их всех.

- Так что, получается, мы - злые гиганты, - повторяет Джеффри, - Ребят, но мы ведь не высокие.

- Люди тогда были гораздо ниже, - говорит Анжела, - плохое питание.

- Но это не имеет смысла, - говорю я, - Как мы могли быть мерзостью? В чем наша вина? В том, что мы рождаемся с ангельской кровью в жилах? Я думала, что Библия описывает Нефилимов как героев.

- Да, - отвечает Анжела, - но «Книга Еноха» не Библия. У меня есть теория, что это может быть своего рода антипропаганда кровных ангелов. Но ведь это интересно, не так ли? Думаю, это заслуживает изучения. Потому что этот парень - Семъйяза находится в центре всего этого. Он лидер группы Черных Крыльев, называемых Стражами, которые на основе некоторых других моих исследований, являются группой падших ангелов, основной работой которых является соблазнить человеческих женщин и произвести на свет столько кровных ангелов, сколько возможно.

Потрясающе.

- Итак, значит цель номер два – узнать больше о Семъйязе, - говорю я, - Понятно. Есть еще цели?

- Одна, - говорит Анжела беспечно, - Я думаю, что одной из целей ангельского клуба является помощь друг другу в выполнении наших предназначений. Я имею ввиду, что у вас двоих они были, но вы не выполнили их. Так что это значит? – говорит она, взглянув на Кристиана и меня, - А Джеффри и я еще не получили свои. Может быть, если бы мы все вместе хорошенько подумали, то смогли бы разобраться в этих предназначениях лучше.

- Великолепно. Эй, послушай, я должен идти, - говорит Джеффри отрывисто, - Тренировка началась десять минут назад. Тренер заставит меня наматывать круги до тех пор, пока я не упаду.

- Подожди, мы еще не добрались до правил для участников, - закричала Анжела ему в след, но он уже закрывал дверь.

- Клара сообщит мне их позже, - произнес он через плечо, - Ну, или вы могли бы сделать, например, каменные скрижали, или что-то еще. Десять заповедей ангельского клуба.

Затем он ушел. Так много выяснено, но я так и не узнала, что еще ему известно. Анжела смотрит на меня.

- Он смешной.

- Да, он просто бочка смеха.

- Так. Правила.

Я вздыхаю.

⁶ «Книга Еноха», 2:1-2

⁷ «Книга Еноха», 2:3

⁸ В русскоязычном варианте «Книге Еноха» именуются Исполинами.

- Выкладывай, давай.

- Ну, во-первых, это и ежу понятно, никому не рассказывать об этом. Мы единственные, кто знает о клубе, окей?

- Никому не говорить об ангельском клубе - говорит Кристиан с ухмылкой.

- Я именно это и имею в виду. Не говори своему дяде, - Анжела поворачивается ко мне, - Не говори своей маме. Не говори своему парню. Поняли? Второе правило: ангельский клуб - тайна для остальных, но мы не храним секреты друг от друга. У нас – полное отсутствие секретов. Мы говорим друг другу все.

- Ладно, - соглашаюсь я, - Какие еще правила?

- Это все, - говорит она.

- Ох. Я за каменную скрижаль, - шучу я.

- Ха. Ха, - она снова поворачивается к Кристиану, - А что на счет тебя? Ты был очень тих все это время. Ты должен поклясться тоже.

- Нет, спасибо, - говорит он вежливо.

Она опирается на спинку стула от неожиданности.

- «Нет, спасибо»?

- О правилах. Я не буду болтать об этом с моими приятелями по лыжной команде, но дяде я расскажу все. Я собираюсь сказать ему и об этом, - его глаза ищут зрительный контакт со мной. - Глупо не сообщать то, что вы знаете взрослым. Они только пытаются защитить нас. А что касается отсутствия секретов в клубе, я не могу согласиться на это. Я даже не знаю вас, ребята, так почему же мне рассказывать вам свои секреты? Ни в коем случае.

Анжела теряет дар речи, а мне это кажется забавным.

- Ты прав, - говорю я, - Мы угробили правила. Правил больше не существует.

- Я думаю, это здорово, хотя... - говорит он, ища способ успокоить Анжелу, - Встречи и выяснение того, что мы можем сделать, пытаюсь разобраться во всем... считайте, что я в игре. Я буду здесь до тех пор, пока идет снег, ведь я член лыжной команды. Думаю, мы можем проводить встречи в воскресенье после обеда. Мне будет удобно.

Анжела успокаивается и даже слегка улыбается.

- Конечно, это выполнимо. Наверное, так будет лучше, да и с графиком Джеффри тоже должно совпасть. Давайте встречаться по воскресеньям.

Наступает неловкое молчание.

- Ладно, - говорит Анжела, наконец, - Я считаю, что эту встречу можно закончить.

Уже почти темнеет, когда я выхожу из театра. Грозовые тучи собираются над головой и издают звуки, похожие на урчание желудка. Полагаю, что должна быть благодарна дождю, так как буря потушит пожары, и, возможно, тем самым спасет жизни людей и их дома. Это только погода, напоминаю себе, но иногда я задаюсь вопросом, который беспокоит меня: а что если ее специально насылают, чтобы наказать меня за то, что я не справилась со своим заданием? Я надеюсь на быстрое, случайное прощанье с Кристианом в углу, но он кладет свою руку на мою.

- Я все еще хочу поговорить с тобой, - говорит он, понизив голос.

- Мне надо идти, - упираюсь я. - Моей маме станет интересно узнать, где я была. Позвони мне, ладно? Или я тебе позвоню. Один из нас обязательно позвонит другому.

- Правильно, - его рука исчезает, - Я позвоню тебе.

- Я должна бежать. Опаздываю.

И тогда я пошла в противоположном направлении. *«Трусиха»* - говорит ворчливый голос в моей голове. *«Ты должна поговорить с ним. Выяснить, что он хочет тебе сказать»*. А что, если он скажет, что мы принадлежим друг другу? *«Хорошо, тогда ты будешь иметь дело с этим. Но, по крайней мере, ты не будешь убегать»*. Я думаю, что это больше похоже на быструю ходьбу. Неважно. У меня спор с самой собой. И я в проигрыше. А это является не очень хорошим знаком.

ГЛАВА 3. ЧУЖИЕ СЕКРЕТЫ

(Переводчик: Наталья Цветаева; Редактор: [unreal])

Мама выходит из своего кабинета сразу же, как слышит, что я переступаю порог дома.

- Привет, - говорит она. – Как дела в школе?
- Все обсуждали мои волосы, но все нормально.
- Мы снова можем попробовать их покрасить, - предлагает она.

Я пожимаю плечами. – Должно быть, это что-то значит, да? Бог хочет, чтобы в этом году я была блондинкой.

- Ну да, - соглашается она. – Блонди, хочешь печенья?

- А ты как думаешь? – Я бегу за ней на кухню, где чувствую запах чего-то потрясающего, пекущегося в духовке. – Шоколадное печенье?

- Конечно. – Пищит таймер, она надевает кухонную рукавицу, вытаскивает противень с печеньем и ставит его на стол. Я подтаскиваю табурет и сажусь рядом с ней. После всего произошедшего это кажется странно-нормальным, весь тот драматизм, борьба за жизнь, попытки разобраться в себе, а сейчас...печенье.

В день пожара я пришла домой уверенная, что вот теперь-то у нас состоится разговор на чистоту, и мне станет ясно, что же на самом деле случилось. Но когда я оказалась дома, мама спала, спала в самый важный вечер в моей жизни, и я не стала ее будить, не стала винить ее за это, потому что в тот момент мы обе были выжаты, как лимон. Она сражалась и чуть не умерла. Но все же. Все прошло не совсем так, как я надеялась, выполняя свое предназначение.

Это вовсе не означает, что мы не разговаривали. Разговаривали, но в основном лишь подробно обсуждали то, что уже случилось. Никакой новой информации. Никаких открытий. Никакого объяснения. Однажды я спросила: - Ну, а что теперь? - и она ответила: - Не знаю, милая. - И это было все. Я бы и дальше давила на нее, но у нее на лице было то самое выражение: глаза полные боли и печали, словно она ужасно расстроена из-за меня и того, чем обернется мне проваленное предназначение. Конечно, она бы никогда не сказала мне этого прямо. Никогда не сказала бы мне, что я все провалила, что она думала, что я окажусь лучше, чем она думала, что смогу сделать правильный выбор, когда придет время и докажу, что имею право называться полу-ангелом. Но ее взгляд говорит за нее.

- Итак, - говорит она, когда мы ждем, пока остынет печенье. - Я думала, ты приедешь домой раньше. Видела сегодня Такера?

И мне снова предстоит принять важное решение: говорить ей об ангельском клубе или нет.

Ладно. Я думаю о первом правиле, которое упомянула Анжела: не рассказывать никому, особенно взрослым, а затем думаю о том, как Кристиан просто отказался, сказав, что он все рассказывает дяде.

Раньше у нас с мамой тоже так было. Раньше. Теперь у меня нет желания делиться с ней чем-либо, ни про ангельский клуб, ни о странном повторяющемся сне, который вижу по ночам, ни о своих чувствах, касающихся того, что случилось в день пожара, или о том, что же было моим настоящим предназначением. Не хочу снова касаться этого.

Поэтому я не рассказываю.

- Я была в «Розовой подвязке», - говорю я. – С Анжелой.

Это ведь не совсем ложь.

Я уже готова к тому, что она скажет, что однажды из-за Анжелы и ее хороших намерений мы попадем в серьезные неприятности. Она знает, что все время, проведенное с Анжелой, мы обсуждаем полу-ангелов и множество ее теорий.

Вместо этого она говорит: - О, очень хорошо, - и, пользуясь лопаткой, перекладывает печенье в глубокую чашку, стоящую на столе. Одно мне удастся стащить.

- Очень хорошо? – недоверчиво повторяю я.

- Поддай, пожалуйста, тарелку, - просит она, и я выполняю. И, пока я сижу с полным ртом, наслаждаясь шоколадным чудом, она говорит: - Я не собиралась ограждать тебя других полу-ангелов. Я просто хотела, чтобы ты жила нормальной жизнью столько, сколько это возможно, чтобы знала, каково это – быть человеком. Но теперь ты уже достаточно взрослая, у тебя были видения, ты видела зло, и я думаю, что для тебя совсем неплохо начать узнавать, что на самом деле значит быть полу-ангелом. А это значит, проводить время с такими же, как и ты. - Интересно, она все еще имеет в виду Анжелу, или теперь говорит о Кристиане? Думает ли она, что мое предназначение - быть с ним? Не очень феминистично с ее стороны, если она на самом деле считает, что все мое предназначение на земле заключается в том, чтобы зависать с каким-то парнем.

- Молока? - спрашивает она, затем идет к холодильнику и наливает мне стакан.

И в этот момент я набираюсь храбрости и спрашиваю: - Мам, меня накажут?

- За что? - она тянется за печеньем. - Ты сделала сегодня что-то, о чем мне стоит знать?

Я качаю головой. - Нет. Я про предназначение. Меня накажут за то, что я, ну, знаешь, не выполнила его? Я отправлюсь в ад?

Печенье застревает у нее в горле, и она делает глоток моего молока.

- Это работает не совсем так, - говорит она.

- Тогда как? Я получу второй шанс? Или будет еще что-то, что я должна буду сделать?

Минуту она молчит. Я практически вижу, как мысли крутятся в ее голове, пока она решает, как много можно мне рассказать. Конечно, это усиливает чувство страха, но я ничего не могу поделать. Поэтому жду.

- Каждый полу-ангел имеет свое предназначение, - наконец говорит она. Кажется, прошла целая вечность. - Для некоторых, их предназначение заключается в единственном событии, где ты должен быть в определенное время в определенном месте, чтобы сделать что-то определенное. Для других... - она смотрит на свои руки, аккуратно подбирая слова. - В их предназначение входит больше.

- Больше? - спрашиваю я.

- Больше, чем одно-единственное событие.

Я пристально смотрю на нее. Наверное, это самый странный разговор матери и дочери за молоком и печеньем. - Насколько больше?

Она пожимает плечами. - Не знаю. Мы все разные. Наши цели тоже разные.

- А какая была у тебя?

- У меня... - она изысканно прочищает горло. - Это было больше, чем одно событие, - признается она.

Этого мне не достаточно.

- Мам, ну перестань, - требую я. - Не оставляй меня в неведении.

Неожиданно она слегка улыбается, словно находит меня забавной. - Все будет хорошо, Клара, - говорит она. - Ты все узнаешь, когда придет время. Я знаю, что тебя это огорчает. Поверь, знаю.

Я подавляю гнев, который уже поднимается у меня в животе. - Откуда? Откуда ты знаешь?

Она вздыхает. - Потому что мое предназначение длится больше ста лет. - Мой рот непроизвольно открывается.

Сто лет.

- Так... так ты говоришь, что для меня еще не все кончено?

- Я говорю, что твое предназначение более сложное, чем простое выполнение задания. - Я подсказываю на ноги. После такого я просто не могу больше сидеть. - Ты не могла сказать мне всего этого, ну, не знаю, до пожара?

- Клара, я не могу дать тебе ответы, даже если и знаю их, - говорит она. - Если бы я сделала это, то результат бы изменился. Ты просто должна доверять мне, когда я говорю, что ты получишь ответы, когда они тебе потребуются.

И снова этот взгляд: грусть. Как будто прямо сейчас я ее разочаровала. Но в ее светящихся голубых глазах я вижу что-то еще: веру. Она все еще верит. Для наших жизней существует какой-то план, какое-то назначение или направление стоит за всем этим. Я вздыхаю. У меня никогда не было такой веры, как у нее, и боюсь, никогда не будет. Но я понимаю, что, хотя между нами все еще осталось некоторое недопонимание, я доверяю ей. Свою жизнь. Не только потому, что она моя мать, а потому, что она спасла меня, когда я в этом нуждалась.

- Ладно, - говорю я. - Хорошо. Но это не значит, что мне это нравится.

Она кивает, снова улыбается, но грусть не покидает ее лица. - Я не жду, что тебе это будет нравится. Если бы это было так, ты не была бы моей дочерью.

Я думаю о том, чтобы рассказать ей про сон. Узнать, считает ли она, что это важно, просто ли это сон или видение. О возможном продолжении моего предназначения.

Но как раз в этот момент Джеффри заходит в дверь, и, конечно, кричит: - Что на обед? - для него еда важнее всего. Мама кричит ему в ответ, начинает суетиться, готовя для нас еду, а я восхищаюсь ее способность так легко переключаться с одного на другое, вселять в нас чувство, что мы - это какие-то другие дети, пришедшие домой после первого дня в школе, что для нас нет никакого небесного задания, нет падших ангелов, охотящихся на нас, нет плохих снов, а наша мама такая же, как и все остальные мамы.

После обеда я лечу на ранчо «Ленивая собака», чтобы увидеться с Такером.

Он удивляется, когда я стучу к нему в окно.

- Привет, красавчик, - говорю я ему. - Можно войти?

- Естественно, - говорит он и целует меня, затем перекатывается через кровать, чтобы закрыть дверь. Я влезаю в окно и останавливаюсь, осматриваясь вокруг. Люблю его комнату. Она теплая, удобная и чистая, но не стерильная, плед небрежно брошен поверх простыни, стопки учебников, комиксов и журналов про родео разбросаны по его столу, пара спортивных носок и скомканная майка валяются в углу на слегка запыленном дубовом полу, его коллекция ковбойских шляп лежит в ряд на шкафу в компании с несколькими старыми зелеными солдатиками и парочкой рыбных блесен. К двери гардероба прибит подкова. Это так по-мальчишески.

Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, почесывая шею.

- Это ведь не превратится в одну из тех жутких ситуаций, когда ты появляешься глубокой ночью, чтобы посмотреть, как я сплю, да? - спрашивает он игриво.

- Каждый раз, когда я вдали от тебя, часть меня умирает, - говорю я в ответ.

- Тогда это значит, да.

Он улыбается. - Нет. Я определенно не жалею. Я просто хотел узнать, стоит ли мне надевать в постель еще что-либо, помимо боксеров.

Это заставляет меня залиться краской. - Ну, не надо...эээ, ничего менять из-за меня, - произношу я, запинаясь, он смеется и пересекает комнату, чтобы вновь меня поцеловать.

Мы отлично проводим несколько минут на его кровати. Ничего такого, Такер по-прежнему уверен, что должен хранить мою честь хотя бы потому, что в моих жилах течет ангельская кровь. Довольно долго мы просто лежим вместе, затаив дыхание. Я кладу голову ему на грудь, чувствуя, как под моим ухом колотится его сердце, и в тысячный раз думаю, что он без сомнения самый лучший парень на этой планете.

Такер берет мою руку и то переплетает, то разнимает наши пальцы. Мне нравятся его руки, мозоли на ладонях доказывают, что ему в жизни приходилось заниматься нелегким трудом, показывают, что он за человек. Такие грубые руки, которые могут быть такими нежными.

- Итак, - внезапно говорит он, - ты собираешься мне когда-нибудь рассказать, что случилось в день пожара?

Момент нарушен.

Думаю, я знала, что он задаст этот вопрос. Возможно, я просто надеялась, что он не спросит. Я оказываюсь в ужасном положении, поскольку знаю чужие секреты, тем более, что все эти секреты так или иначе связаны со мной.

- Я... - я сажусь и отстраняюсь от него. Я, правда, не знаю, что сказать. Слова застревают у меня в горле. Должно быть, мама чувствовала себя так же, имея секреты от людей, которых она любит.

- Эй, все нормально, - говорит он, садясь рядом. - Я все понимаю. Это сверхсекретная ангельская информация. Ты не можешь рассказать.

Я качаю головой. Я решаю, что я – не моя мать.

- Анжела создала клуб. Для потомков ангелов, - я начинаю с этого, хотя это и не то, о чем он спрашивал.

Такер не ожидал, что я скажу что-то подобное. - Анжела Зербино - полу-ангел?

- Да.

Он фыркает. - Ну, кажется, в этом есть смысл. Она всегда была немного двинутой.

- Эй, во мне тоже течет ангельская кровь. Ты хочешь сказать, я тоже двинутая?

- Да, - отвечает он. - Но мне это нравится.

- Ну, тогда ладно, - я тянусь, чтобы поцеловать его. Затем отстраняюсь.

- В Кристиане тоже ангельская кровь, - говорю я, стараясь быть смелой и смотреть ему в лицо, когда произношу это. - Я не знала этого до дня пожара, но это так. Он - Квортариус. Как и я. - Глаза Такера расширяются.

- Ох, - говорит он ничего не выражающим голосом и отводит взгляд. - Как и ты.

Довольно долго мы оба молчим. Затем он говорит: - Какое совпадение, хм, что все ангелы собрались в Джеконе.

- Было довольно неожиданно, это точно, - соглашаюсь я. - Не знаю, совпадение ли это.

Он сглатывает, и я слышу небольшой щелчок у него в горле. Я вижу, как сильно он старается оставаться спокойным, делать вид, что вся эта ангельская история не пугает его, не заставляет чувствовать себя так, словно он стоит на пути чего-то более важного, чем он сам. Он все еще готов

отойти в сторону, понимаю я, если решит, что отвлекает меня от моего предназначения. У него на лице уже такое же выражение, как в день нашего разрыва.

- Не знаю, что должно было случиться в тот вечер, - быстро говорю я. - Но пожар потушен. Моя жизнь продолжается. - Надеюсь, он не заметил нотку отчаянья в моем голосе, как сильно я хочу, чтобы слова, которые я произношу, стали правдой. Даже думать не хочу о том, что мое предназначение может длиться еще сто лет. - И теперь я вся твоя, - и эти слова звучат неправильно, ужасно неправильно в моих ушах. И тогда я решительно хочу рассказать ему правду.

Вот только правды я не знаю. Или, может, не хочу знать.

- Ладно, - говорит он, хотя я могу сказать, что он не знает, верит ли мне. - Хорошо. Потому что я хочу себе всю тебя.

- Я твоя, - шепчу я.

Он снова целует меня. И я целую его в ответ.

Но образ Кристиана Прескотта, стоящего на дороге Фокс Крик спиной ко мне, ждущего меня, всегда ждущего, внезапно вспыхивает в моем сознании.

Когда я возвращаюсь домой, то вижу Джеффри во дворе, колющим дрова. Он замечает меня и кивает головой, поднимает руку и рукавом стирает капельки пота над верхней губой. Затем он берет полено, вновь замахивается топором и легко его разрубает. Затем еще одно. И еще. Горка дров у его ног уже достаточно высока, но он выглядит так, словно в ближайшее время совсем не собирается останавливаться.

- Ты решил снабдить нас дровами на всю зиму? Не можешь дождаться снега? - спрашиваю я. - Знаешь, еще только сентябрь.

- Мама простыла, - говорит он. - Она в доме в своей фланелевой пижаме, укуталась в одеяла и пьет чай, ее трясет. Я думал разжечь ей камин.

- О, - говорю я. - Мило с твоей стороны.

- Что-то произошло с ней в тот день. С Черным Крылом, - говорит он, выдавливая из себя слова. Он поднимает голову и наши взгляды встречаются. Иногда он выглядит таким юным, как маленький незащитный мальчик.

Иногда же, как сейчас, как взрослый мужчина. Мужчина, который видел слишком много горя в своей жизни. Как такое возможно? Спрашиваю я себя. Ему всего пятнадцать.

- Да, - говорю я, потому что согласна с ним. - Я имею в виду, он пытался убить ее. У них была довольно жесткая схватка.

- С ней все будет в порядке?

- Думаю, да. - Сияние вылечило ее. Я смотрела, как оно омывает всю ее, словно теплая вода, исцеляя ожоги, удары, полученные от руки Семейязы. Но, думая об этом, я снова вижу ее висящей в его руках, сопротивляющейся, хватающей ртом воздух, когда его руки смыкаются на ее горле, ее удары, становящиеся все слабее и слабее, пока она не затихает. Пока я не понимаю, что она мертва. Мои глаза жгут от воспоминаний, и я быстро отворачиваюсь и смотрю в сторону дома, чтобы Джеффри не видел моих слез.

Джеффри раскалывает еще несколько поленьев, а я собираюсь с силами. Сегодня был долгий день. Мне хочется свернуться калачиком в постели, натянуть одеяло на голову и забыться сном.

- Эй, а где ты был в тот день? - внезапно спрашиваю я.

Он притворяется, что не понимает, о чем я. - Когда?

- В день пожара.

Он берет следующее полено и ставит на подставку. - Я же тебе говорил. Я был в лесу, тебя искал. Думал, что смогу помочь.

- И почему я тебе не верю?

Он спотыкается, и топор неравномерно раскалывает бревно и застревает. Он издает звук, похожий на рычание и резко выдергивает его.

- Так почему бы тебе не поверить? - спрашивает он.

- Хм, может, потому что я тебя знаю, и ты ведешь себя очень странно. Так, где ты был? Колись уже.

- Может, ты знаешь меня не так хорошо, как думаешь. - Он бросает топор в грязь, хватается охапку дров, протискивается мимо меня и идет в сторону дома.

- Джеффри...

- Не было ничего особенного, - говорит он. - Я потерялся. - Вдруг он выглядит так, будто он на грани того, чтобы расплакаться.

Он заходит в дом, и я слышу, как он предлагает маме зажечь камин. Я стою во дворе до тех пор, пока первые клубы дыма не появляются из трубы. Я вспоминаю его лицо, когда в тот вечер он вылетел из-за деревьев, напряжение от страха и что-то вроде боли. Я вспоминаю пустую улыбку, которую он мне послал, когда я сказала, что спасла Такера. Неожиданно меня скручивает от беспокойства о нем, потому что, что бы он не делал в тот день, интуиция мне подсказывает, это не было ни чем хорошим.

У моего брата тоже есть секреты.

ГЛАВА 4. НА ВЗВОДЕ

(Переводчик: lialilia; Редактор: [unreal])

На этот раз в своем сне я вижу лестницу. Набор из десяти или двенадцати бетонных ступеней между соснами, дополненных черными перилами, ведущих наверх. Откуда взяться лестнице посреди леса? И куда она ведет? Я хватаюсь за перила. Они шершавые, с хлопьями отслаивающейся краски, обнажающей участки ржавчины. На краю ступеней мох. Пока поднимаюсь наверх, замечаю, что на мне надеты мамины симпатичные черные туфли, которые она одалживала мне для официальных случаев.

Впереди, среди деревьев я вижу Джеффри. Другие тоже ждут здесь, сумрачные тени на вершине холма - люди, которых я узнаю: Анжела, мистер Фиббс, Венди. Кажется, будто они все смотрят прямо на меня, но я не знаю почему. Я оборачиваюсь назад, и каблук моей туфли соскальзывает. Я теряю равновесие на лестнице, почти падая, но Кристиан снова здесь, его рука оказывается на моей талии, удерживая меня. Одно мгновение мы смотрим друг на друга. Его тело излучает тепло, которое заставляет меня захотеть оказаться ближе к нему.

- Спасибо, - шепчу я, и открываю глаза, чтобы увидеть потолок моей спальни, сильный холодный ветер сотрясает деревья снаружи.

- Ты просто на взводе, - замечает Анжела со ртом, набитым салатом из зеленых бобов. Мы сидим в кабинке бистро «Рандеву» в Джексоне в субботу вечером, после просмотра фильма, поедая салат, потому что это единственное, что мы можем позволить себе в этом месте.

- Со мной все в порядке, - говорю я.

- С тобой все на столько *не* в порядке... Посмотрела бы ты на себя.

- Ладно, все погано, окей? Я просто хочу знать, был это просто сон или новое видение, или что в этом же роде, - Анжела понимающе кивает.

- Твоя мама говорила, что к некоторым потомкам ангелов видения приходят в виде снов, правильно?

- Да, она говорила так, еще до того, как я стала видеть свои, и задолго до того, как она перестала делиться со мной полезной информацией. Но мои видения всегда являлись, пока я бодрствовала.

- Мои тоже, - говорит Анжела.

- И поэтому мне интересно, этот сон был настоящим, или, знаешь, результатом плохой чоу мейн⁹, съеденной за обедом? Это божественное сообщение, или это голос моего подсознания? И, в любом случае, о чем оно говорит?

- Вот видишь, ты определенно на взводе, - говорит она. - Все запутано, Клара. Ты даже не желаешь смотреть на Кристиана во время наших собраний в ангельском клубе. Будто вы поменялись местами в попытке избегать друг друга. Я бы нашла это очень веселым, если бы это не было так грустно.

- Знаю, - говорю я. - Я работаю над этим.

Она качает головой сочувственно.

- Мне нравится Такер, Клара. Правда нравится. Он классный парень, никто с этим не поспорит. Но рассматривала ли ты возможность, что тебе не предназначено быть с ним? Что ты должна быть с Кристианом, что он твоя судьба, что вам предначертано улететь вместе в закатное небо?

⁹ Чоу Мейн (англ. chow mein) – блюдо китайской кухни, обязательным ингредиентом которого является яичная лапша.

- Конечно, я думала об этом, - я откладываю вилку в сторону, больше не испытывая голода. Судьба может действительно дурно сказаться на аппетите. - Я не знаю, какое ему вообще до этого дело, - говорю я.

- Какое дело кому? Такеру? Или Кристиану?

- Богу.

Она смеется. - Что ж, это большая загадка, не так ли?

- Я имею в виду, мне семнадцать лет. Какая ему разница, кого я ...

- Любишь, - дополняет она, когда я не заканчиваю предложение. - Кого ты любишь. - Мы молчим, пока официант заново наполняет наши бокалы.

- В любом случае, тебе следует записывать все, что ты видишь во снах, - говорит она. - Потому что это может быть важно. Сравни варианты, как ты делала с предыдущими своими видениями. И ты должна спросить об этом Кристиана, потому что кто знает, может быть, ему снится тот же сон, и если так – вы сможете разгадать его значение вместе.

Это совсем не плохая идея. Кроме той части, в которой я не очень-то жажду рассказать Кристиану, что мне снятся сны о нем.

- Что говорит твоя мама? - спрашивает Анжела, вгрызаясь в кусок хлеба.

- Я не рассказывала ей об этом.

Она смотрит на меня так, будто я сказала, что балуюсь героинном.

- Почему я должна? Она никогда мне ни о чем не рассказывает. И даже если бы я ей сказала, я уверена, что она только погребла бы меня в куче банальностей вроде того, что необходимо доверять своим чувствам и слушать свое сердце. В любом случае, мы не знаем, что все это значило хоть что-то, - говорю я. - Это, скорее всего, просто сон. Людям постоянно снятся повторяющиеся сны.

- Как скажешь, - отвечает она.

- Можем мы поговорить о чем-нибудь другом?

И мы говорим. Говорим о дожде, который, как соглашается Анжела, чрезмерно затянулся. О «Неделе Духа» в школе, и справедливо или нет будет использовать наши способности, чтобы выиграть игру «Powderpuff» в четверг. Она рассказывает о древней книге, которую нашла в Италии этим летом, представляющей собой что-то вроде ангельской энциклопедии семнадцатого века.

- Это словно настоящее общество, - говорит она мне. - *Congregarium celestial* - буквально «толпа ангелов». Паства. Собрание. Отсюда я вообще-то и взяла идею создать ангельский клуб.

- Еще что-нибудь интересное случилось в Италии? - спрашиваю я. - Скажем, горячий итальянский бойфренд, о котором тебе не терпится мне рассказать?

Ее щеки отчаянно краснеют. Она качает головой, неожиданно сильно заинтересовавшись своим салатом.

- У меня нет парня. Итальянца или какого-то другого.

- Угу...

- Это было глупо, и я не хочу говорить про это. Я не стану мучить тебя на счет Кристиана, а ты не станешь говорить о моем несуществующем итальянском бойфренде, окей?

- Ты уже замучила меня Кристианом. Так что это несправедливо, - говорю я, но в ее глазах неподдельная боль, которая удивляет меня, и я меняю тему.

Мой разум возвращается назад ко сну, к Кристиану, к тому, как он всегда смотрит на меня, поддерживает меня, помогает устоять на ногах. Он стал моим хранителем, может быть. Кем-то, кто здесь для того, чтобы удерживать меня на моей тропе.

Если бы только я знала, куда ведет моя тропа.

Мы на парковке, когда неожиданно на меня наваливается скорбь. Или, по крайней мере, я думаю, что это скорбь. Она не такая всепоглощающая, как было в тот день в лесу. Она не парализует меня в той степени. Вместо этого, я словно внезапно, за несколько минут, скатилась от нормального, даже веселого настроения, до желания расплакаться.

- Эй, ты в порядке? - спрашивает Анжела, пока мы идем к машине.

- Нет, - шепчу я в ответ. - Мне... очень грустно.

Она останавливается. Ее глаза расширяются. Она осматривается по сторонам.

- Где? - говорит она чересчур громко. - Где он?

- Я не знаю, - отвечаю я. - Не могу понять.

Она хватается меня за руку и тащит через парковку к машине, идя быстро, но стараясь при этом оставаться собранной, словно все нормально. Она не спрашивает меня, может ли вести мою машину, просто идет прямо к водительскому сидению, и я не спорю.

- Пристегни ремень безопасности, - приказывает она, когда мы обе оказываемся внутри. Затем она выезжает с парковки на улицу.

- Я не знаю, куда ехать, - говорит она полуиспуганно, полувозбужденно. - Думаю, нам нужно оставаться в каких-нибудь многолюдных местах, потому что он должен быть не в себе, чтобы уничтожить нас на глазах у туристов, сама понимаешь, но я не хочу подъезжать слишком близко к дому, - она бросает быстрый взгляд в зеркало заднего вида. - Звони своей маме. Сейчас.

Я нащупываю телефон в своей сумке, затем звоню. Мама берет трубку после первого же гудка.

- Что случилось? - спрашивает она немедленно.

- Я думаю... может быть...здесь Черное Крыло.

- Где ты?

- В машине, на шоссе 191, едем в южном направлении.

- Возвращайся в школу, - говорит она. - Я встречу тебя там.

Это самые долгие пять минут в моей жизни, пока мама не приземляется на парковке школы «Джексон Холл». Она забирается на заднее сидение моей машины.

- Итак, - произносит она, протягивая руку вперед и дотрагиваясь до моей щеки так, будто скорбь - это какая-то форма лихорадки. - Как ты себя чувствуешь?

- Кажется, уже лучше.

- Ты видела его?

- Нет.

Она поворачивается к Анжеле. - А что ты? Ты почувствовала что-нибудь?

Анжела пожимает плечами:

- Ничего, - в ее голосе слышны нотки разочарования.

- И что нам теперь делать? - спрашиваю я.

- Мы будем ждать, - отвечает мама.

И мы ждем, и ждем, и ждем еще немного, но ничего не происходит. Мы сидим в машине в тишине, наблюдая, как дворники смахивают капли дождя с лобового стекла. Периодически мама спрашивает меня, чувствую ли я что-то, на что трудно дать четкий ответ. Сначала сильнее всего я ощущала ужас, что Семейязя может появиться в любую секунду и убить нас всех. Затем я успокоилась до уровня простого испуга - что нам придется бежать, быстро собрать свои вещи и покинуть Джексон, и тогда я никогда снова не увижу Такера. Затем я дошла до слабой нервозности. А потом и до смущения.

- Может быть, это не была скорбь, - признаю я. - Чувство не было таким сильным, как раньше.

- Я бы удивилась, если бы он вернулся так скоро, - говорит мама.

- Почему? - спрашивает Анжела.

- Потому что Семейязя тщеславен, - говорит мама утвердительным тоном. - Клара покалечила его ухо, обожгла его руку и голову, и я не думаю, что он захочет показать свое лицо до тех пор, пока не исцелится, а это длительный процесс для Черного Крыла.

- Я думала, они исцеляются быстро, - говорит Анжела. - Вы знаете, как вампиры или вроде того.

Мама усмехается.

- Вампиры, Бога ради... Черные Крылья излечиваются долго, потому что они предпочли отказаться от исцеляющих сил в этом мире, - она снова касается моей щеки.

- Ты поступила правильно, уехав отсюда и позвонив мне. Даже если это было не Черное Крыло. Лучше перестраховаться, чем потом пожалеть о неосторожности.

Анжела вздыхает и выглядывает в окно.

- Прости, - говорю я. Затем поворачиваюсь к маме. - Кажется, я просто на взводе.

- Не надо, - отвечает мама. - Тебе со многим пришлось столкнуться.

Они с Анжелой меняются местами. Затем мама выезжает со школьной парковки на дорогу, направляясь назад, к городу.

- Что ты теперь чувствуешь? - спрашивает она, когда мы проезжаем мимо ресторана.

- Ничего, - отвечаю я, пожимая плечами. - Кроме того, что я, кажется, теряю рассудок.

- Неважно была это ложная тревога или нет. Семейяза придет за нами, Клара, когда-нибудь. Ты должна будешь быть готова.

Хорошо.

- Как кто-то может вообще быть готовым к атаке Черного Крыла? - спрашиваю я саркастично.

- Сияние, - отвечает мама, что сразу вызывает выражение, а-ля «я-же-тебе-говорила» на лице у Анжелы. - Ты должна научиться использовать сияние.

- Эй, я, кажется, видел мерцание, - говорит Кристиан, глядя на меня. - У тебя получается.

Мои глаза распахиваются. Кристиана не было здесь раньше, когда я поднялась на сцену и начала практиковаться в вызывании славы, но сейчас он здесь, сидит на одном из столов в зале «Розовой Подвязки» и разглядывает меня с легкой насмешкой, словно смотрит какое-то шоу. На микросекунду наши взгляды встречаются, но затем я снова опускаю глаза на свои руки, которые определенно не мерцают. Никакой славы.

Очевидно, если это не вопрос жизни и смерти, я не слишком-то способна вызвать сияние.

- Какое мерцание? - спрашиваю я.

Одна сторона его рта приподнимается. - Вероятно, воображение разыгралось.

Уф-ф... За этим следует еще одна классическая тишина между Кристианом и мной. Затем он откашливается и произносит:

- Прости, что прервал твои упражнения. Продолжай.

Я должна закрыть глаза и попробовать снова, но я знаю, что это не поможет. Ни при каких условиях у меня не выйдет вызвать сияние, пока он смотрит на меня.

- Господи, это все бесполезно! – восклицает Анжела. Она захлопывает ноутбук и отодвигает его на край стола, делая долгий, глубокий вдох. Она просматривала сайты колледжей, стараясь определиться, куда ей предстоит поступить, что достаточно важно для большинства людей, но для Анжелы это огромное, наиважнейшее решение с тех пор, как в своем видении она увидела кампус колледжа. К вопросу о давлении.

- Не нашла древний манускрипт, который хотела, на «eBay¹⁰»? - спрашивает Кристиан.

- Смешно, - она бросает на него взгляд.

- Прости, Анж, - отвечаю я. - Могу я помочь?

- Видение не дает мне информации. Там только широкие ступени, несколько каменных арок и люди, пьющие кофе. Это подходит под описание практически любого колледжа в стране.

- Обрати внимание на деревья, - предлагаю я ей. - У меня есть хорошая книга, по которой можно определить, какой дерево в какой местности растет.

- Что ж, надеюсь, скоро у меня появится что-нибудь стоящее, от чего можно оттолкнуться, - ворчит Анжела. – Мне нужно подать заявление, знаешь? Прямо сейчас.

- Не переживай, - говорит Кристиан беспечно. Он смотрит на свою тетрадь, в которой, я думаю, делает свое домашнее задание по математике. - Ты поймешь тогда, когда тебе суждено будет понять. – Затем он снова поднимает глаза, и его взгляд встречается с моим.

- Так было у тебя? – я ничего не могу с собой поделать и спрашиваю, хотя и знаю ответ. – Ты понял все, когда должен был?

- Нет, - признает он с коротким, почти горьким смешком. – Не знаю, почему сказал это. Вбито в меня, наверное. Так всегда говорил мой дядя, – он немного говорил о своем дяде. Или о своем предназначении, кроме слов «я видел тебя среди лесного пожара и думал, что должен спасти тебя, и сейчас я ничего не понимаю». Однажды он показал, что умеет летать, не вызывая крылья. В стиле Супермена, паря над сценой как Дэвид Блэйн¹¹, пока мы с Анжелой и Джеффри смотрели на него, разинув рты, как идиоты.

Периодически он говорил Анжеле некоторые факты об ангелах, так что она остается удовлетворенной от его вклада в существование клуба. Кажется, он знает больше, чем мы, но большую часть времени его рот на замке.

- Итак, - говорит Анжела, и выражение ее лица заставляет меня занервничать. Она встает и пересекает комнату, чтобы встать рядом с Кристианом. – И что теперь?

¹⁰ eBay - интернет-аукцион, интернет-магазин.

¹¹ Дэвид Блэйн - американский иллюзионист.

- Что ты имеешь в виду? – спрашивает он.

- Ты не завершил свое предназначение, правильно?

Он смотрит на нее.

- Хорошо, - говорит она, когда он не отвечает. – Ответь хотя бы на это – когда раньше у тебя были видения, они случались днем или ночью?

Он смотрит в сторону, в тени на сцене, около минуты, затем снова бросает на нее взгляд:

– Ночью.

- Как сны?

- Обычно, да. Кроме одного раза, когда я не спал.

Танцы. Когда мы танцевали, и потом видение было у нас обоих.

- Что ж, у Клары новый сон, - произносит Анжела. Я кидаю на нее, надеюсь, один из моих наиболее раздраженных взглядов, но она игнорирует его, конечно. – И, похоже, что он может оказаться видением. Мы должны разобраться, что это такое.

Кристиан смотрит на меня, мгновенно заинтересовавшись. Я в буквальном смысле стою в лучах прожекторов, так что спускаюсь со сцены и подхожу к ним, ощущая его взгляд, следующий за мной.

- И какое это видение? – спрашивает он.

- Это может быть просто сон, - отвечает за меня Анжела. – Но он снился тебе, Клара, сколько, уже десять раз?

- Семь. Я иду по холму, - объясняю я, - через лес, но это не тот лес, который был в моем... нашем прошлом видении. Это солнечный день, никакого пожара. Там был Джеффри, и по какой-то причине он в костюме. И Анжела там – по крайней мере, была там в последний раз, когда я видела этот сон. И некоторые другие люди тоже, – я задумываюсь.

- И там ты, - говорю я Кристиану.

Я не могу рассказать ему, что он держал меня за руку, как шептал прямо в мой разум, не произнося ни слова вслух.

- Скорее всего, это просто сон, - я предполагаю. – Будто мое подсознание старается разобраться в чем-то, в моих страхах, может быть, как в тех снах, когда тебе кажется, что пришел в школу голым.

- Как выглядит лес? – спрашивает он.

- Вот это как раз и странно. Он выглядит обычным, но там есть лестница – с каменными ступенями посреди леса. И ограда.

- А что на счет тебя? У тебя не было странных снов? - спрашивает Анжела. - Какая-нибудь подсказка ко всему этому сумасшествию?

Кристиан наконец-то отводит взгляд от меня, чтобы посмотреть на Анжелу.

- Никаких снов.

- Ну, вообще-то лично я думаю, что это не просто сны, - говорит она. - Потому что оно не закончено.

- Что?

- Ваше предназначение. Невозможно, что вы прошли через все это: видения и пожар, и все остальное, и теперь все. Этого не может быть. Должно быть что-то большее.

Мои способности выбирают именно этот момент, чтобы поднять голову. Я вдруг осознаю, что сейчас чувствует Кристиан: решимость, определенность. Но подо всем этим – тоску, от которой у меня перехватывает дыхание. И уверенность. Чистую, абсолютную уверенность в том, что Анжела права. Ничего не закончилось. И скоро случится что-то еще.

Этой ночью, когда я захожу в свою комнату, то вижу, что кто-то стоит на карнизе за моим окном. Мгновенно вся мамина чепуха на счет того, что Семейяза травмирован, тщеславен и будет выжидать, чтобы явиться за нами, кажется мне именно чепухой, и я думаю, что это он, что это его скорбь я чувствовала тогда. Я знаю это, и мое сердце начинает биться как сумасшедшее, кровь бешено пульсирует, и я обвожу комнату диким взглядом в поисках оружия. Что довольно забавно, потому что а) в моей комнате нет никакого оружия, кроме среднестатистического барахла девушки-подростка, б) если бы я и нашла что-то, за исключением пилочки для ногтей, чтобы защитить себя, какое оружие вообще способно нанести вред Черному Крылу? Мне кажется, сияние. Думаю, я должна вызвать сияние, но затем понимаю кое-что. Почему он просто стоит там?

Почему он еще не разразился дешевыми злодейскими фразами в духе я-собираюсь-убить-тебя-малышка?

Это не Семейяз, осознаю я. Это Кристиан. Я могу совершенно точно ощутить его присутствие, теперь, когда успокоилась достаточно, чтобы здраво мыслить. Он пришел, чтобы сказать мне что-то. Что-то важное.

Я вздыхаю, накидываю свитер и открываю окно.

- Привет, - зову я.

Он поворачивается со своего места на краю крыши, с которого открывается восхитительный вид на горы, которые до сих пор светятся снежно-белым цветом в темноте. Я выбираюсь за окно и сажусь рядом с ним. Снаружи прохладно, идет мелкий противный дождик. Я мгновенно обхватываю себя руками и стараюсь не трястись.

- Замерзла? – спрашивает Кристиан.

Я киваю.

- А ты нет?

На нем надета черная футболка и его обычные джинсы «Seven», которые на этот раз серые. Мне не нравится, что я узнаю его одежду.

Он пожимает плечами.

- Немного.

- Анжела говорит, что потомки ангелов должны быть невосприимчивы к холоду. Это помогает при полете на большой высоте, мне кажется, - я снова трясусь. - Мне, наверное, про это не сказали.

Он улыбается. - Может это распространяется только на взрослых ангелов.

- Эй, ты сейчас назвал меня инфантильной?

- О нет, - говорит он, его улыбка расцветает в полноценную усмешку. - Я бы не рискнул.

- Хорошо. Потому что это не я одна из тех, кто подглядывает в чужие окна.

- Я не подглядывал! - возражает он.

Правильно. Что-то важное.

- Знаешь, есть одно потрясающее новое изобретение, - поддеваю я. – Называется телефон.

- Да, ведь у нас с тобой всегда бывают такие замечательные душевные разговоры по телефону, - отвечает он.

На секунду повисает тишина, а потом мы оба начинаем смеяться. Он прав. Не знаю, почему мне легче, когда он здесь, но это так. Здесь мы наконец-то сможем поговорить. И это настоящее чудо.

Он поворачивается ко мне, его колено касается моего. В тусклом свете из моего окна его глаза глубокого зеленого цвета.

Он говорит:

- В твоём сне ограда, которую ты упоминала, сетчатая и идет по правой стороне, когда ты поднимаешься на холм.

- Да, откуда ты...

- И на краях ступенек, которые ты видишь, растет мох, и перила, за которые ты держишься, металлические, с черным рисунком?

Я неотрывно смотрю на него:

- Да.

- С левой стороны, за деревьями есть каменная скамья, - продолжает он. - И розовый куст, посаженный за ней. Но розы никогда не цветут – там слишком холодно для роз.

На минуту он отводит взгляд. Внезапный порыв ветра треплет его волосы, и он отбрасывает их с глаз.

- Тебе тоже снится этот сон? – шепчу я.

- Не такой, как у тебя. То есть, мне постоянно снится это место, но... - он вздыхает, поеживается некомфортно, затем поворачивается ко мне.

- Обычно я не говорю об этом, - произносит он. – Я в каком-то смысле стал профессионалом в том, чтобы не говорить про это.

- Все нормально...

- Нет, я хочу рассказать тебе. Ты должна знать это. Но я не хотел говорить тебе перед Анжелой.

Я подтягиваю свитер к своему подбородку и скрещиваю руки на груди.

- Моя мама умерла, - произносит он, наконец. - Когда мне было десять лет. Я даже не знаю, как это произошло. Мой дядя не любит говорить про это, но думаю... Я думаю, она была убита Черным

Крылом. В один день она здесь, делает для меня карточки-подсказки по делению за завтраком, отвозит меня в школу, целует меня на прощание прямо перед мальчишками из школы и смущает меня... - Его голос дрожит. Он останавливается, отводит взгляд, тихо прочищает горло. - А в следующую минуту меня забирают из класса. Говорят, что произошел несчастный случай. И она исчезает. То есть мне дали увидеть ее тело, вообще-то. Но ее не было внутри него. Это было просто... тело.

Он снова смотрит на меня мерцающими глазами.

- Ее надгробный памятник - это скамья. Белая каменная скамья под соснами.

Внезапно мое сознание затуманивается:

- Что?

- Это кладбище Аспен-Хилл, - говорит он. - Это не настоящее кладбище... ну, вообще-то настоящее, с могилами и цветами, и тому подобным, но оно выглядит как часть леса, такое красивое место среди деревьев, где тихо и откуда ты можешь видеть Титонские горы. Это, вероятно, самое умиротворяющее место из всех, которые я знаю. Иногда я хожу туда, чтобы подумать... - И поговорить со своей мамой. Он ходит туда, чтобы поговорить с мамой.

- Так что когда ты сказала о тех ступенях и холме, и ограде, я знал, - говорит он тихо.

- Ты знал, что мне снилось кладбище, - отвечаю я.

- Мне жаль, - шепчет он.

Я поднимаю на него взгляд, почти подавившись плачем, наконец-то собирая все подсказки воедино, людей, одетых в костюмы и черные платья, идущих в одном направлении, печаль, которую я ощущала, то, как все сочувствующе смотрели на меня, утешение, которое пытался предложить мне Кристиан. Все становится очевидно.

То, что я ощущаю в своем сне - это не скорбь от Черного Крыла. Это мое собственное горе.

Кто-то, кого я люблю, умрет.

ГЛАВА 5. НАЙДИ МЕНЯ ВО СНЕ

(Переводчик: Inmanejable; Редактор: [unreal])

- Клара? Ты все еще с нами? - Мама толкает меня в плечо. Я моргаю в течение секунды, а затем улыбаюсь миссис Бакстер - нашему консультанту, которая улыбается мне в ответ.

- О чем ты думаешь? - спрашивает она. - У тебя есть какие-нибудь идеи о направлении, в котором ты хочешь пойти, какое-нибудь видение своего будущего?

Мои глаза усталились на маму. О, у меня есть видение, все верно.

- Вы имеете в виду колледж? - обратилась я к миссис Бакстер.

- Ну, да. Образование является достаточно большой частью твоего будущего, и мы хотим предложить всем нашим студентам - а особенно ярким, одаренным девушкам, как ты - поступить в колледж. Но у каждого человека есть свой особый путь, независимо от того, приведет он его в колледж или нет.

Я взглянула на свои руки.

- Понимаете, я не знаю, чем хочу заниматься и какую профессию хочу выбрать.

Она обнадеживающе кивает. - Это совершенно нормально. Многие студенты не определились на данный момент. Посещала ли ты веб-сайты колледжей или университетов?

- Честно, нет.

- Думаю, это может стать хорошим местом для старта, - сказала миссис Бакстер. - Почему бы тебе не посмотреть некоторые брошюры, которые есть у меня, и составить список из пяти колледжей, которые, на твой взгляд, подходят тебе больше всего. Не забывай указывать, почему именно эти учебные заведения. Затем, я помогу тебе начать работу по написанию заявок.

- Большое Вам спасибо, - мама встает и пожимает руку консультанту.

- Ваша дочь - особенная молодая леди, - говорит миссис Бакстер. Я пытаюсь не закатить свои глаза. - Знаю, она собирается сделать что-то замечательное со своей жизнью. - Я неловко киваю, и мы оттуда уходим.

- Ты знаешь, а она права, - сказала мама, когда мы вышли на парковку. - Ты будешь делать замечательные вещи.

- Конечно, - отвечаю я. Мне искренне хочется верить ей, но это не так просто. Все, что я вижу, пересматривая свою жизнь, это проваленное предназначение и не-столь-отдаленное будущее, где кто-то важный для меня умрет.

- Ты хочешь сесть за руль? - спрашиваю я, меняя тему.

- Нет, давай ты. - Она достает из сумочки стильные солнцезащитные очки, которые, в сочетании с шарфом, обернутым вокруг ее головы, и длинным пальто сделали ее похожей на кинозвезду.

- Итак, что происходит? - спрашивает она. - Я чувствую, как что-то беспокоит тебя гораздо сильнее, нежели колледж. Клара, не беспокойся, все случится само собой. - Я ненавижу, когда она говорит мне не волноваться. Это, как правило, происходит, когда у меня чертовски хорошая причина для беспокойства. Похоже, это все, что я могу делать прямо сейчас: беспокоиться о могиле, которую вижу в этом новом видении, беспокоиться, что кто-то умрет из-за того, что я сделала или я должна буду сделать, беспокоиться, что тоска, атакующая меня в последнее время, означает, что Семьяяза где-то рядом и ждет идеального момента, чтобы убить кого-то, кого я люблю.

- Ничего серьезного, - говорю я.

Мы садимся в машину. Я вставляю ключ в замок зажигания, но затем останавливаюсь.

- Мам, что случилось между тобой и Семьяйза?

Мой вопрос даже не вывел ее из себя, что удивило меня. Затем она отвечает на него, что ставит меня в тупик еще больше.

- Это было давно, - говорит она. - Он и я были... друзьями.

- Ты дружила с Черным Крылом?!

- Во-первых, я не знала, что он был Черным Крылом. Я думала, что он - обычный ангел. - Я не смогла представить Семьяйза обычным ангелом. Не то, чтобы я встречала обычных ангелов, но...

- О, точно. А ты дружишь со многими ангелами? - с сарказмом спрашиваю я.

- С несколькими.

- С несколькими, - повторяю я. Как она может так сводить меня с ума? Я имею в виду, неужели она и правда сказала «с несколькими ангелами»?!

- Их, правда, немного.

- Ангела считает, что Семьяйза какой-то лидер, - говорю я ей.

- А, - понимающе произносит мама. - «Книга Еноха»?

- Да.

- Это совершенно верное предположение. Очень давно он был лидером Стражей. - Вау, она действительно сказала мне это.

- А что именно делают Стражи? - спрашиваю я. - Полагаю, они не приглядывают за вещами.

- Стражи покинули небеса, чтобы быть с человеческими женщинами, - поясняет она.

- Думаю, Бог был не в восторге от идеи, что ангелы решили связать себя с людьми.

- Не думаю, что Богу это не нравится, - объясняет она. - Дело в том, что ангелы живут не в линейном времени, как мы с тобой, что делает их отношения с человеческой женщиной практически невозможными, поскольку это потребовало бы от ангелов находиться в одном и том же времени в течение длительного периода. - О, снова эти временные штучки.

- Нам очень трудно представить себе, как они живут, двигаясь между различными планами существования, через пространство и время. Ангелы не просто сидят на облаках, наблюдая за нами. Они постоянно на работе.

- Женаты на работе, да? - язвительно говорю я.

Тень улыбки появляется на ее лице.

- Точно.

- И Стражи сделали это? Покинули небеса?

- Да, и Семьяйза был первым.

- И что произошло потом?

- Стражи женились на человеческих женщинах, обзавелись детьми, и некоторое время после этого все было прекрасно. Полагаю, они чувствовали некоторую тоску, находясь вдали от небес, но это состояние было контролируемым, поскольку они были счастливы. Но в действительности, они никогда не принадлежали земле, а их дети жили дольше человеческих и размножались до тех пор, пока Нефилимов на земле не стало больше, чем людей. И вот это стало проблемой.

Я тут же подумала об истории из «Книги Еноха», рассказанной Анжелой.

- И тогда Бог послал потоп, - делаю вывод я.

- Точно, - подтверждает она. - И Семьяйза.... - она останавливается. Думает о том, как много она должна сказать мне. - Семьяйза не смог спасти свою семью. Его дети, внуки и правнуки, все утонули.

Неудивительно, что этот парень свихнулся.

- Вот тогда Стражи присоединились к Черным Крыльям и объявили войну небесам, - говорит мама.

- Другим Черным Крыльям?

- Да, к Сатане и его команде.

Меня рассмешила идея о Сатане и его окружении, хотя я понимаю, что это не смешно.

- Они сражались против Божьей власти и попытались разрушить планы небес, как только это было возможно, - объясняет она. - Но их желания не связаны с горем, это просто чистое зло, противоречащее им самим.

- Как ты узнала об этом? - спросила я ее.

- Сэм сказал мне.

- Потому что вы были друзьями?

- Да, - говорит она. - Были какое-то время.

Есть кое-что, что до сих пор не укладывается в моей голове.

- Знаешь, а он влюблен в тебя, - добавила я, просто чтобы посмотреть на ее реакцию.

Она разглаживает свой шарф вниз против волос. - Как ты узнала?

- Когда он прикоснулся ко мне, я почувствовала, что он думает о тебе. Ну, сначала он думал обо мне, но после твоего появления полностью отвлекся на тебя. Я видела тебя в его голове. Ты выглядела по-другому. У тебя были короткие каштановые волосы и, - я удержалась от упоминания сигарет, - много помады. Он определенно одержим тобой и твоей помадой.

Ее рука приподнялась, когда она захотела дотронуться до шеи, где, будь она обычным человеком, остались бы синяки от удушья. - Повезло мне, - произнесла она.

Я содрогаюсь, вспоминая ощущение его холодных рук под моей рубашкой.

- Если бы ты так и не появилась, он... - я не смогла закончить предложение.

Она хмурится. - Изнасилования не в стиле Черных Крыльев. Они предпочитают обольщение. Они хотят переманить тебя на свою сторону.

- А что насчет мамы Анжелы? Она ведь была изнасилована.

- Да, она именно так сказала.

- Ты думаешь это не правда?

- Я не знаю. Меня там не было.

- Ну, я думаю, Семьяза собирался сделать именно это со мной, - говорю я ей. - Он уж точно не пытался очаровать меня.

- Он вел себя странно в тот день, - сказала она. - То, как он говорил, все эти мелодрамы и клише. Такое ощущение, словно он играет свою роль. Это не похоже на него. Кажется, будто он пытается что-то доказать.

- Но никто не видел его, кроме нас.

- Кто-то видел, - загадочно сказала она. - Кто-то всегда видит. - О, думаю, она имеет в виду Бога. Он-то всегда видит. Я с усилием сглотнула.

Ее рот принял гримасу боли. - Мне жаль, что тебе пришлось пройти через это.

- Мне тоже.

- В любом случае, - говорит она с облегчением, меняя тему, - мы могли бы съездить в город за мороженым, может даже сделать какие-нибудь покупки.

- Не можем. Я должна отправиться на рыбалку с Такером после обеда.

- Ох. - Она попыталась скрыть свое разочарование.

- У меня было мало шансов встретиться с ним в последнее время, потому что он получил работу в «Flat Creek»¹².

- Я понимаю, - сказала она. - Ты должна пойти с ним. - Неужели она сейчас заботиться о Такере? Она ведь все еще не одобряет его.

- Может, придумаем что-нибудь в эти выходные?

- Конечно, - согласилась она. - С удовольствием.

- Хорошо.

Мне не остается ничего другого, как повернуть ключ в замке зажигания, переключить передачу и поехать домой.

¹² «Flat Creek» - сеть магазинов, специализирующихся на продаже товаров для верховой езды.

Есть что-то магическое в том, как моя голова вписывается в изгиб шеи Такера. Я лежу, вдыхая его запах, который представляет собой удивительное сочетание земли, сена, его собственного запаха и лосьона после бритья. Этот аромат заполняет меня полностью, и мои заботы вмиг испаряются. Есть только он и я, затишье в воздухе, аккуратно раскачивающее лодку, и частицы пыли, циркулирующие в воздухе. Я не знаю, на что похожи небеса, кроме чувства яркости, описанного мне однажды мамой, но если я и могу выбрать мой рай, это он будет именно таким. На озере с Такером. Все комары будут моими.

- Мне так этого не хватало, - говорю я, что больше походит на зевок.

Я чувствую его улыбку напротив моих волос. - Мне тоже. Твои волосы пахнут, как ветер, ты знала это?

Да, я и Такер нюхали друг друга.

Я склоняю голову, чтобы поцеловать его. Это поцелуй начинается медленно и лениво, походя на полуденное солнце, но нагревается очень быстро. Мы оторвались друг от друга на секунду, и наше дыхание смешивается. Я переворачиваюсь таким образом, что практически лежу на нем сверху. Наши ноги переплелись. Такер тянется, чтобы взять мою голову в свои руки и целует меня снова, издавая то ли стон, то ли смех, который сводит меня с ума. Он прикасается своей рукой к моему бедру и придвигает меня ближе. Я скольжу пальцами под воротником его рубашки, затем ниже, исследуя его крепкую грудь, где могу чувствовать стук его сердца. Думаю, я люблю его. В этот момент я знаю, что если бы я постаралась, то смогла бы проявить сияние.

Он отстраняется.

- Хорошо, - задыхаясь, произносит он.

- Ты все еще думаешь, что получишь удар, если мы... ну, ты знаешь, - дразню я, выгнув бровь и приняв самый соблазнительный (как мне кажется) вид.

Он одаривает меня своей ошеломленной улыбкой. - Когда я был ребенком, моя мама говорила мне, что если у меня будет секс до свадьбы, то мое... «хозяйство» почернеет и отпадет. - Это вызывает у меня дикий смех. - Серьезно?!

- Да, и я ей верю.

- То есть, у тебя не будет секса до свадьбы? Что, если ты не женишься до тридцати?

Он вздохнул. - Не знаю. Я просто люблю тебя и не хочу ничего испортить. - Это не имело смысла для меня, но я киваю. - Мы будем вести себя прилично.

- Верно.

- Потому, что ты боишься.

- Эй!

- Хорошо, - говорю я со вздохом. - Не смотря на то, что это не очень весело. - Он пугает меня, нежно прижимая ко дну лодки. - Ты не думаешь, что это весело? - он бросает мне вызов и целует, пока мои внутренности не превращаются в кашу и голова не начинает кружиться.

Позже, *гораздо* позже мы пытаемся начать ловить рыбу. Я все еще считаю, что это дермово. И мне все еще нравится, что это дермово. И Такер все еще заклиняет рыбу.

- Сейчас, - мягко говорит он, осторожно снимая с крючка форель. - В следующий раз будь умнее.

Он отпускает ее обратно в воду, где она исчезает зелено-серебряной вспышкой. Он смотрит на меня и хитро улыбается. - Хочешь сделать это со мной? - спрашивает он, подняв на руки покрытую слизью рыбу.

- Хм, заманчиво, но нет, - быстро отвечаю я. - Думаю, нам лучше вести себя прилично, не так ли?

- Это действительно смешно, - говорит он, начиная повторно насаживать наживку на крючок, - так-хо-хо-хо-смешно. - Облако закрывает солнце и внезапно становится холоднее. Тишина. Даже птицы прекратили свое пение. Дрожь проходит через меня.

- Хочешь мою рубашку? - спросил Такер. Он как всегда джентльмен.

- Все в порядке. Я работаю над невосприимчивостью к холоду.

Он смеется.

- Удачи тебе с этим. Таких теплых дней для рыбалки, как этот, мы, возможно, больше не застанем. - Он берет немного приманки и бросает ее. Почти сразу её клюет эта же рыба.

- Ты заслуживаешь оказаться на тарелке, - беспощадно произнес он, при этом снова ее отпуская. - Иди! Найди свою судьбу. Держись подальше от блестящих крючков. - Это, по ряду причин, напомнило мне мой разговор со школьным консультантом.

- Итак, вся эта работы, что ты делаешь в последнее время... - начала я.

- Не напоминай мне.

- Чтобы купить новую лошадь?

- И новый грузовик. В конечном счете, говоря «новый», я имею в виду поддержанный, а, говоря «поддержанный», я подразумеваю «на последнем издыхании», потому что это все, что я способен себе позволить.

- Ты не экономишь на колледж?

Плохой вопрос. Его глаза сосредоточились на удочке, которую он быстро дергает туда-сюда. - Нет, - сказал он с принудительной легкостью. - После окончания школы я останусь на ранчо. Папа повредил этой весной колено, и мы не можем позволить себе нанять помощника, так что я подумывал о том, чтобы остаться.

- О, - это все, что я могу сказать на это. - Ты посещал миссис Бакстер?

- Да, - с издевкой отвечает он. - Она устроила мне переговоры с Университетом Северной Аризоны на следующей неделе. Думаю, я уйду из школы через год или два, потому что именно этого от меня ожидают.

- Что ты хочешь изучать дальше?

- Сельское хозяйство, наверное. Может быть, лесное, - сказал он, потирая затылок.

- Лесное хозяйство?

- Хочу быть лесником¹³.

Я представляю его в зеленой форме лесника и в одной из тех шляп, которую носит Медведь Смоки¹⁴. Боже, он так горяч.

- Эй, уже поздно. Готова идти? - спрашивает он.

- Конечно, - сказала я, раскачиваясь на дне лодки. Он запустил двигатель, и через несколько минут мы заскользили по воде к пристани. Ни один из нас так и не заговорил, но потом он тяжело вздохнул. Лодка замедлилась, а затем остановилась. Мы прямо в центре озера, мотор работает вхолостую, солнце тонет за горами.

- Я не хочу уходить, - говорит он через минуту.

Я, вздрогнув, смотрю на него. - Ты не хочешь уходить?

Он показывает на высокие синие горы позади нас, серую цаплю, скользящую над водой, проблески заходящего солнца на берегу озера. - Вот что мне нужно. Это то, чего я хочу. - Я поняла, что он говорит не о сегодня, не об озере и даже не об этом моменте. Он говорит о своем будущем.

- Я мог бы пойти в колледж, но в конечном итоге я вернусь сюда, - говорит он. - Буду жить и умиру здесь.

Он смотрит на меня, словно хочет, чтобы я бросила вызов ему. Вместо этого я просто пересекаю лодку и обнимаю его за шею. - Я понимаю, - шепчу я.

Он расслабился. - Что насчет тебя? Что ты хочешь делать?

- Я не хочу уезжать. Хочу остаться здесь. С тобой.

Этой ночью, когда я спала, мой телефон звонил. Сначала я игнорировала звонок, оставив его для голосовой почты, потому что мне снился сон, и я хотела выяснить, кто умрет. Но затем звонок повторился. Снова. Кто бы это ни был, я не отвечала. Что заставило меня думать, что...

- Хорошо, Анж, надеюсь, новости хорошие, потому что уже поздно и...

- Это Стэнфорд! - она смеется диким счастливым смехом, которого я раньше не слышала. - Я собираюсь в Стэнфорд, в Калифорнию¹⁵. Эти деревья. Ты была просто гениальна, когда подсказала мне, что стоит обратить внимание на них.

- Вау. Большая лига. Это потрясающе, Анж.

¹³ **Лесник** - работник государственной лесной охраны, штатный сотрудник лесничества. За **лесником** закрепляется лесной обход, ему выдаётся паспорт участка, форменное обмундирование, может выдаваться охотничье оружие.

¹⁴ **Медведь Смоки** (англ. *Smokey Bear* или неофициально англ. *Smokey the Bear*) – талисман службы леса США (англ. *United States Forest Service*), созданный для того, чтобы просветить общество об опасности лесных пожаров.

¹⁵ **Стэнфорд** (англ. *Stanford*) – статистически обособленная местность в округе Санта-Клара в Калифорнии (США), прилегающая к Пало-Альто. Практически полностью представляет собой университетский городок, население составляют студенты, преподаватели и исследователи Стэнфордского университета.

- Знаю. Мне кажется, я была готова ко всему. Даже к тому, что об этом университете никто и не слышал, потому что это мое предназначение и все такое, но Стэнфордский университет – такой университет, за который я готова убить даже без предназначения. Это так...идеально.

- Я рада за тебя. - По крайней мере, пытаюсь. Я выросла рядом со Стэнфордом. Это место все еще ощущается, как дом.

- Есть кое-что еще, - говорит она.

Я представила себе еще более потрясную новость, например, что она получила стипендию или настоящий ангел - Интэнджа - прибыл прямо с небес с наставлениями к ней, подробно объяснив ее цель и все, что она должна сделать в Стэнфорде.

- Хорошо. Что? - спрашиваю я, когда она замолкает и ничего не говорит мне.

- Я хочу, чтобы ты тоже поехала.

- Что? Когда?

- В университет, глупышка. Я собираюсь в Стэнфорд, и хочу, чтобы ты была там со мной. - Три утра. Нет возможности уснуть. Я крутилась всю ночь, не в силах успокоить свои сумасшедшие мысли. Моя мать дружит с падшим ангелом. Планы об университете. Кристиан. Предназначение на сотни лет. Наводнение, которое убивает всех ангелов. Анжела, желающая поехать со мной в Стэнфорд. Такер, желающий остаться здесь всегда и навсегда. Миссис Бакстер, раздражающая меня своими надеждами и приторной сладостью мыслей. И ко всему прочему, кто-то умирает, и об этом ни в коем случае нельзя забывать. Кто-то, и я все еще не имею понятия кто.

Наконец, я встала и спустилась вниз. Я удивилась, найдя маму на кухне с шалью вокруг плеч и кружкой чая, словно она пытается согреться. Она смотрит вверх и улыбается.

- Страдающие бессонницей всех стран объединяйтесь, - говорит она. - Хочешь чаю?

- Конечно.

Я нашла кружку и наполнила чаем, достала сливки и сахар, а затем рассеянно начала все это размешивать в течение долгого времени, пока мама не спросила:

- Что с тобой?

- Ничего, - отвечаю я. - Все как обычно. О, Анжела собирается в Стэнфорд. - Ее брови поднялись.

- Стэнфорд. Впечатляет.

- Она еще не подала заявление, но она думает, что ее предназначение там.

- Я поняла.

- Она хочет, чтобы я поехала с ней, - я засмеялась. - Как будто я смогу попасть в Стэнфорд.

- Я не вижу причин, почему бы нет, - произнесла мама, нахмурившись. - Ты отличная ученица.

- Да ладно. Это требует немного большего, мам. Я знаю, у меня хорошие оценки, но и для университета требуется... быть президентом команды по дебатам или стоять дома для бездомных в Гватемале или восхитительные результаты SATs¹⁶. Я почти не готовлюсь к SATs. Я ничего не делала с тех пор, как я приехала в Вайоминг. - Наши глаза встретились. - Я была настолько поглощена своим предназначением, что ничего не замечала.

- Вечеринка жалости завершилась? - спросила она, после того, как допила свою чашку чая.

- Да, я думаю.

- Хорошо. Для кожи нехорошо валяться так долго. - Я смотрю на нее.

- У тебя есть одно большое преимущество, когда дело доходит до Стэнфорда.

- Да? Какое?

- Твоя бабушка училась там, и каждый год жертвует университету крупную сумму денег.

Я смотрю на нее. Моя бабушка. У меня нет бабушки. Мама бабушки умерла при родах примерно в 1890 году.

¹⁶ **SAT Reasoning Test** (а также «Scholastic Aptitude Test» и «Scholastic Assessment Test», дословно «Школьный Оценочный Тест») - стандартизованный тест для приема в высшие учебные заведения в США. SAT разрабатывается и управляется некоммерческой организацией College Board, хотя ранее принадлежал Educational Testing Service, которая до сих пор участвует в управлении. По словам College Board, экзамен может хорошо оценить подготовленность студентов к колледжу. Впервые был введен в 1901 году, с тех пор не раз менял название и систему подсчета баллов.

С 2005 года длится 3 часа и 45 минут и стоит, на состояние 2011 года, 47\$ для граждан, сдающих тест на территории США, и 75\$ для учеников, сдающих тест за пределами США, за вычетом налогов. Возможные результаты лежат в диапазоне от 600 до 2400 баллов, составляющих сумму трёх тестов (математика, анализ текста и грамматика), каждый из которых соответственно может дать до 800 баллов.

- Ты имеешь в виду папину маму? - Я никогда ничего не слышала о ней. Ни один из моих родителей не говорил о своих семьях.

- Нет, - сказала мама с маленькой знающей улыбкой. - Я имею в виду меня. В 1967 я закончила Стэнфорд с ученой степенью по истории. Мое имя тогда было Марго Уитфилд. Это, по официальным данным, твоя бабушка.

- Марго Уитфилд, - повторила я.

- Это я.

Я недоверчиво покачала головой.

- Знаешь, иногда мне кажется, что я тебя совсем не знаю.

- Не знаешь, - легко признается она, поймав меня врасплох. - Ты сможешь узнать меня и понять, только тогда, когда проживешь столько же сколько я, столько разных жизней, и в каждой из них ты - разный человек. Разные версии тебя. Марго Уитфилд незнакома тебе. - Мои мысли вернулись к Семейязе и к тому, что он называл мою маму Мэг, к ее образу девушки с короткими коричневыми волосами. Определенно незнакомка.

- На кого была похожа эта Марго Уитфилд? - спросила я. - Кстати, Марго - милое имя.

- У нее был свободный дух, - сказала мама. - Боюсь, она была немного хиппи. - Мой мозг мгновенно вызвал образ моей мамы в одном из этих платьев, сшитых из легкого струящегося полиэстера, с крошечными солнцезащитными очками и ромашками в волосах, покачивающуюся под музыку в Вудстоке¹⁷, протестуя против войны.

- Было много наркотиков?

- Нет, - говорит она немного оборонительно. - У меня был мятежный период, Клара. Но это определенно не были шестидесятые. Больше похоже на двадцатые.

- Тогда почему ты была хиппи, если ты не протестовала?

Она заколебалась.

- У меня было трудное время с соответствием в пятидесятых.

- Какое было у тебя имя в пятидесятых?

- Мардж, - сказала она со смехом. - Но я никогда не была домохозяйкой из пятидесятых.

- Потому что ты не была замужем.

- Точно, - сказала она. Вначале я немного нервничала, возможно, из-за ее возраста, и из-за того, что она уже могла бы быть замужем несколько раз и у нее могло бы быть много детей, но мама заверила меня, что это не так.

- Ты когда-нибудь выходила замуж? - раньше я никогда не спрашивала ее об этом, но сейчас она была довольно приветливой, так что я попытала счастье.

Она закрыла глаза на минуту и сделала глубокий вздох.

- Да.

- Когда?

Она посмотрела на меня.

- В пятидесятых. Теперь давай вернемся к Марго Уитфилд, пожалуйста. - Я кивнула. - Так ты выпускник Стэнфорда. Так или иначе, сколько раз ты была в университете?

- Давай посмотрим, - сказала она, очевидно с облегчением от мысли, что мы перестанем обсуждать пятидесятые и вернемся ко времени, в котором ей комфортно. - Четыре. Я училась уходу за больными, истории, международным отношениям и компьютерному программированию.

Я молчу с минуту. - Международные отношения?

- Я бы сказала тебе, но затем бы мне пришлось бы убить тебя.

- Только не говори мне, что ты была шпионом?

Она ласково улыбается.

- Так вот почему ты постоянно говоришь мне не переживать об университете. Мне не нужно выбирать только одну карьеру. Когда твоя жизнь длится сотни лет, у тебя есть время заняться всем, что тебе интересно.

- Когда у тебя долгая жизнь, - сказала она, - ты можешь сделать многие вещи. У тебя есть на это время. Но если ты хочешь поехать в Стэнфорд с Анжелой, то я думаю, это будет очень весело.

¹⁷ **Вудсток** - городок в штате Нью-Йорк (США), место проведения одноименного рок-фестиваля 1969 года.

Вудстокская ярмарка музыки и искусств (англ. *Woodstock Music & Art Fair*, в разговорной речи **Вудсток**) - один из знаменитейших рок-фестивалей. Проходил 15–18 августа 1969 года на одной из ферм городка в сельской местности Бетел, штат Нью-Йорк, США. Стал символом конца «эры хиппи».

- Я подумаю об этом, - сказала я. Но если я поеду с Анжелой, Такер и я будем разделены. Мы собираемся поддерживать отношения на расстоянии, но это не очень радостно звучит для меня.

Я ползу обратно в постель около четырех утра, полностью измотанная, надеясь отхватить пару часов сна до начала занятий. Но я мгновенно возвращаюсь в сон. Очень беспокойный сон. В течение нескольких секунд я борюсь с ним, полностью дезориентированная, спотыкаясь на всем пути вверх по холму. Стараюсь замедлить дыхание, напоминая себе, что хочу быть здесь. Я пытаюсь успокоить приступы паники и отчаяния, которые чувствую, пытаюсь выяснить, кто должен умереть.

Оглянись вокруг, сказала я себе. *Посмотри, кого здесь нет. Кто должен быть здесь, но его нет.*

Я нахожу Джеффри и произношу его имя. Он не смотрит на меня, говоря: «Давай покончим с этим», - как он это делает каждый раз. Я хочу спросить его: «Кто это?», но мои губы не образуют слов. Я заперта в том, что делает в этот момент Клара из будущего: идет, сфокусировавшись на переставлении ног, желая заплакать. *Если бы я могла закричать*, - подумали мы с ней одновременно - *то возможно, было боль не была бы такой сильной.*

Все, что я могу делать - оставаться на дороге и наблюдать. Теперь, когда я знаю, что это кладбище, на котором идет похоронная процессия, все кажется таким очевидным. Все одеты в темную одежду. Я замечаю надгробия, разбросанные под деревьями, и стараюсь обращать внимание на нечто большее, чем горе в моей голове.

Все происходит весной, быстро поняла я. Листья уже появились на деревьях. Трава и все вокруг зеленое. Воздух пахнет, как после весеннего дождя, когда еще можно обнаружить намек на снег. На склоне холма появляются полевые цветы.

Это случится весной.

Я могу ясно разглядеть Анжелу, стоящую в стороне и одетую в фиолетовое платье.

Здесь мистер Фиббс - мой учитель английского. Подумав об этом, я узнаю еще несколько человек из школы, может потому, что школа - единственно место в Джексоне, где я знаю.

Я вижу миссис Ловелл - школьного секретаря, и ее рыжую дочь, Элисон. Кимбер Лейн - девушку Джеффри. Здесь даже присутствует Ава Питерс. Венди стоит рядом со своими родителями, прижимая розу к своей груди. Я вижу ее лицо: оно бледнее, чем обычно, а ее голубые глаза сейчас красные и опухшие. Она плакала.

Кого же не хватает?

Теплые пальцы сжимают мои. Я смотрю на Кристиана, ведь именно он сжимает мою руку. Думаю, мне не стоит позволять ему держать меня за руку. Я принадлежу Такеру.

- *Ты сможешь сделать это*, - произносит Кристиан в моей голове. В нем нет сомнений, нет колебаний. Он не беспокоится, что Такер придет и покажет ему, что у него проблемы из-за того, что он держит меня за руку.

И тут у меня в животе все упало.

Такер.

ГЛАВА 6. РАНО ИЛИ ПОЗДНО

(Переводчик: Апполинария; Редактор: [unreal])

- Ребята, еще пять минут.

Политика. Я наблюдаю за тем, как Такер выполняет тест по теме «Конституция США». Свой я закончила еще 15 минут назад и теперь вот сижу, смотря, как он склонился над своим листом, хмурясь и периодически останавливаясь, чтобы постучать карандашом по столу, будто это может помочь пробудить его память. Сейчас все явно идет не так.

В любое другое время я нашла бы очаровательным то, как он сидит хмурый, недовольный и сконцентрированный на работе. Но все о чем я могла думать сейчас, так это о том, кого заботит этот глупый тест? Такер умрет. И, так или иначе, это моя вина.

Остановись. Перестань думать об этом. Ты ведь не знаешь этого наверняка.

Но мне кажется, будто я знаю это. В итоге своих размышлений я пришла к мысли о том, что Такер должен был умереть в том пожаре. Если бы я не проигнорировала свое предназначение и не прилетела спасти его, он умер бы там, в лесу над палисадом. Это была его судьба. Я должна была

выбрать Кристиана. Такер должен был умереть. Теперь же, из-за этого нового видения во снах, я чувствовала, будто все это начинается сначала. Кристиан и я снова гуляем по лесу. Такер мертв.

Только сейчас, это не просто спонтанный выбор, который мне предстоит сделать. Сейчас, у меня есть несколько месяцев, чтобы решить, что со всем этим делать.

Еще одна вещь, к которой я пришла после всех размышлений: не важно, сколько времени у меня на обдумывание. Я по-прежнему выбираю Такера. И меня не волнует, что это можешь навредить моему предназначению.

Я не позволю ему умереть.

Проблема в том, что я не знаю, как это произойдет, и поэтому не знаю, как это остановить.

Ситуация похожа на фильм «Пункт назначения», где герои *должны были погибнуть* в авиакатастрофе, но в последний момент сошли с самолета. И тут Смерть открывает на них охоту, убивая одного за другим, в том порядке, в котором они должны были умереть при крушении самолета. Признаюсь, я рассмотрела самые безумные сценарии, такие как: а) Такер попадет в автомобильную аварию, б) он подавится куском мяса за ужином, с) его ударит молния (ведь этот дождь, похоже, никогда не прекратится), d) он поскользнется в ванной, упадет, ударится головой и утонет, или e) на его дом упадет метеорит. Но, что я могу поделать? Я ведь не могу быть всегда рядом с ним. Хотя было пару случаев, когда я среди ночи отправлялась к нему домой, чтобы приглядеть за ним, пока он спит. Кто знает, вдруг коллекция его комиксов решит ни с того ни сего самовоспламениться.

Я действовала тихо, в стиле Эдварда Каллена. Было слегка жутковато, но это была единственная вещь, которая пришла мне в голову. Слава Богу, он больше не бывал на родео. Не думаю, что смогла бы сейчас смотреть на то, как Такер пытается оседлать быка.

Вот так я назначила себя его ангелом-хранителем. Каждый день я заезжала за ним перед школой, и тихо, медленно везла нас к месту назначения. Настолько медленно, что он начал меня дразнить, говоря, что мой стиль вождения напоминает бабушкин. Конечно же, он заметил, что что-то не так, ведь от Такера ничего не утаишь. Плюс, я не очень преуспела в тайной защите своего парня, которому суждено было умереть.

Сегодня утром, например. Мы сидели в столовой во время перерыва на завтрак. Вдруг послышался громкий, внезапный хлопок с другой стороны помещения. Я ничего не могла с собой поделать. Вскочив с места, я быстро двинулась, даже слишком быстро, точнее настолько быстро, что мама испугалась бы, если б увидела, как внезапно я оказалась между Такером и источником шума. Я стояла там, ожидая сама не знаю чего, прижав руки к бедрам, пока не услышала, как несколько парней засмеялось над дебильной выходкой, суть которой заключалась в том, чтобы бросить пустую банку на пол, а затем резко её сжать, прыгнув сверху и создав при этом как можно больше шума. Ему это удалось. Впечатляющий звук.

Такер смотрел на меня. Венди тоже. Её бублик так и повис в воздухе на полпути ко рту. Все за моим столом, уставились.

- Ну, ничего себе, - сказала я, затаив дыхание и стараясь хоть как-то исправить ситуацию. – Не ожидала такого. Меня это жутко напугало.

- Не стоит давить банки? - спросила Венди. - Тебе не кажется, что ты очень нервная?

- Эй, я ж из Калифорнии, - попыталась объяснить я. - Мы должны были пройти через металлодетекторы, прежде чем могли попасть в школу.

Такер все еще смотрел на меня, непонимающе хмури брови.

Теперь же, наблюдая за тем, как Такер воюет со своим тестом, я подумываю о том, чтобы все ему рассказать. Я могу все ему рассказать, и тогда между нами снова не будет никаких секретов. Не будет никакой лжи. Так будет правильно, но в то же время это будет ужасно. Эгоистично.

А что, если я не права? В конце концов, я ведь думала, что мое последнее видение говорило мне, что мое предназначение состоит в спасении Кристиана, и в итоге, это оказалось неправдой. Да и это не те новости, которые ты очень хочешь сообщить, если, конечно, ты не совсем сумасшедшая. Но что, если я права? Разве я хотела бы знать, что умру?

Мой взгляд переместился с Такера на два ряда дальше, на Кристиана, который уже тоже сделал свой тест. Он поднимает глаза, словно смог почувствовать на себе мой взгляд, и одаривает меня легкой улыбкой, которая длится всего несколько секунд. Потом Кристиан смотрит на Такера, который, продолжая хмуриться, ничего не замечает кроме своего листа бумаги.

- Прекрасно двигалась в столовой сегодня утром, - неожиданно говорит Кристиан в моей голове.

Он говорил в моей голове! На минуту я была слишком шокирована, чтобы сформулировать ответ. Может ли он сказать, о чем я думаю прямо сейчас? Неужели он читал мои мысли все это время? Я разрывалась между желанием ответить ему и желанием попытаться заблокировать свое сознание.

- Ты видел это? - наконец-то ответила я, пытаюсь протолкнуть свои слова наружу, чтобы они дошли до него, точно также, как я это делала, когда мысленно разговаривала с мамой в лесу.

Не могу точно сказать, услышал ли он меня. Его глаза зафиксировались на моих.

- Ты в порядке?

Я отворачиваюсь. - Я в порядке.

- Хорошо, теперь положите свои карандаши, - говорит мистер Андерсон. - Сдайте тесты, и после этого вы свободны.

Такер хмурится, вздыхает, а затем идет к столу преподавателя, держа в руках свой тест. Когда он вернулся, я одарила его своей самой красивой улыбкой.

- Не все идеально, да?

- Я совсем не готовился, - сказал он, после чего мы собирали наши вещи и пошли в коридор. Я тщательно избегала Кристиана. - Это только моя вина. Сжег свечу с обоих концов, как говорит мой отец. У меня завтра тест по испанскому, который я явно напишу не лучше.

- Могу помочь тебе, - предложила я. - Yo hablo español Muy Bien¹⁸.

- Обманщица, - сказал он, но улыбнулся.

- Значит после школы? Я побуду твоим репетитором.

- У меня есть дела сегодня днем.

- Ты можешь прийти после, - знаю, что проявила упорство. Просто я хочу провести с ним каждую свободную минуту. Я хочу помочь ему, даже если речь всего лишь о его испанском. Сейчас это все, что я могу сделать.

- Ты могла бы прийти к нам на ужин, а потом мы могли бы засесть за книги. Но, возможно, нам придется лечь очень поздно. Серьезно, у меня все очень плохо с испанским, - сказал он.

- Хорошая новость для тебя, я - сова.

Он усмехнулся:

- Верно. Значит сегодня?

- Я приду.

- Hasta La Vista¹⁹, детка, - сказал он мне, и я, покачивая головой, улыбнулась тому, насколько восхитительно глупым он может быть. Его испанский ограничивается фразочками Арнольда Шварценеггера.

Эту ночь я провела сидя в теплой и освещенной кухне на ранчо «Ленивая собака». Это напомнило мне сцену из «Маленького домика в прериях»²⁰. Венди накрывает на стол, пока миссис Эвери заканчивает с картофельным пюре. Такер с отцом выходят из сарая и вдвоем одаривают госпожу Эвери быстрым поцелуем в щеку. Затем, закатав рукава своих фланелевых рубашек, они тщательно моют руки в раковине, точно так же как хирурги, когда готовятся к операции. Такер садится в кресло рядом со мной и сжимает мое колено под столом.

Госпожа Эвери отвлекается на меня.

- Ну, Клара, - сказала она. - Я должна признаться, что рада видеть тебя у нас снова.

- Да, миссис Эвери. Спасибо за приглашение.

- Ах, милая, зови меня просто Рейчел. Думаю, можно опустить формальности. - Она хлопает по руке мужа, которая тянется к корзинке с роллами для ужина. - Я надеюсь, что ты голодна.

На ужин было тушеное мясо с подливкой, картофель, морковь, сельдерей и домашние сливочные роллы, а запить все это предлагалось большим стаканом чая со льдом.

Некоторое время мы ели в тишине. Я не могу перестать думать о том, как будет подавлена вся семья Такера, если они его потеряют, не могу перестать вспоминать, как выглядели во сне их лица. Печально. Смиряться. Будучи преисполненными решимости пройти через это.

¹⁸ (исп.) Я очень хорошо говорю по-испански.

¹⁹ (исп.) До свидания, ...

²⁰ «Маленький домик в прериях» (англ. Little House on the Prairie) - сериал, повествующий о жизни и невероятных приключениях дружного семейства американских первопроходцев, колесящего по практически неизведанному на тот момент континенту в поисках лучшей жизни.

- Я говорил тебе, мам, - прервал молчание Такер, - насколько вкусно ты готовишь? Мне кажется, что я сказал не все относительно того, какой ты удивительный у нас повар.

- Не благодари, сынок, - отвечает она. Голос звучал приятно удивленным. - Ты не должен. - Венди и мистер Эвери смеются.

- Он видит хорошее, - сказал глава семьи.

Это походило на попытку сменить тему, поэтому все вдруг начали говорить о пожарах.

- Вот что я вам скажу, - начал мистер Эвери, накалывая на вилку кусок мяса и размахивая ею по кругу. - Они когда-нибудь поймут ублюдка, который начал эти пожары, и я собираюсь воздать ему по заслугам.

Я запаниковала.

- Кто-то устроил эти пожары? - спросила я. Мое сердце упало.

- Ну, думаю, все началось по естественным причинам, например, с удара молнии, - сказала Венди.

- Но другие - поджоги. Полиция предлагает двадцать тысяч долларов в качестве вознаграждения награду тем, кто предоставит им информацию, которая поможет арестовать виновных.

Вот что происходит, когда я перестаю смотреть новости. Они считают, это поджог. Интересно, что будет делать полиция, если они узнают, кто действительно виновен в этом. Э-э, да, офицер, я считаю, что тот, кто устроил пожары, был около шести целых и трех десятых фута²¹ ростом. Черные волосы. Янтарные глаза. Большие черные крылья. Место жительства: ад. Род занятий: лидер Стражей. Дата рождения: незапамятные времена.

Другими словами, это двадцать тысяч долларов за того, кого никто никогда не увидит.

- Ну, я, например, очень надеюсь, что его поймут, - сказал мистер Эвери. - Хочу посмотреть ему в глаза.

- Папа, - устало говорит Такер, - возьми отпуск.

- Нет, - мистер Эвери прокашлялся. - Это была твоя земля, твое наследство от бабушки. Это было все, ради чего ты когда-либо работал: твой грузовик, прицеп, лошадь. Все эти случайные заработки, экономия и сбережения были для того, чтобы позволить себе взносы на родео, снаряжение и газ для грузовиков. Годы непосильного труда и пота, часы практики... Нет, я не возьму отдых.

- Подождите, - сказала я, стараясь понять суть разговора. - Вы говорите про пожар на палисаде? Там они подозревают поджог?

Мистер Эвери кивнул.

Таким образом, не Семьяза, пытавшийся избавиться от меня и моей мамы на пике «Статик»²², начал пожар. Был еще один пожар. Неужели кто-то намеренно начал другой пожар?

- Это не имеет значения, - сказал Такер небрежно. - С этим покончено. Я рад, что остался в живых.

Я тоже рада.

Позже Такер и я вышли на крыльцо. Мы сели на качели и начали слегка покачиваться. Было холодно, на самом деле даже морозно, но ни один из нас не думал об этом. Было слишком облачно, чтобы увидеть звезды. После того как мы посидели так еще некоторое время, пошел снег. Мы не зашли внутрь дома, а вместо этого лежали на качелях, раскачиваясь взад и вперед. Наше дыхание смешивалось в туманный клуб пара над нашими головами.

- Небо падает, - прошептала я, наблюдая, как хлопья дрейфуют на ветру.

- Да, - сказал он. - Отчасти это выглядит именно так. - Такер сел, чтобы посмотреть мне в лицо. Мое сердце начало учащенно биться без всяких на то причин.

- Ты в порядке? - поинтересовался он. - Ты такая напряженная всю неделю. Что происходит?

Я смотрела на Такера, думая об его смерти, и мои глаза вдруг наполнились слезами. И слезы - слезы любой девушки, но мои особенно - действительно тронули Такера.

- Эй, - прошептал он и мгновенно взял меня на руки. Я плакала на его плече в течение нескольких минут, а затем попыталась взять себя в руки, посмотрела вверх и попыталась улыбнуться.

- Я в порядке, - оправдывалась я. - Просто нервничаю.

Такер нахмурился.

²¹ Прим. Редактора: 6,3 фута = 1,92 метра

²² Пик «Статик» (англ. Static Peak) – пик, расположенный в национальном парке Гранд Титон.

- Ангельские штучки, - утвердительно произнес он. Такер считает, что каждый раз, когда со мной что-то происходит, то это обязательно должно быть связано с моей ангельской сущностью.

Я хочу сказать ему правду, но не могу. Не до тех пор, пока не выясню все наверняка.

Покачивая головой, я отвечаю:

- Проблемы с университетом. Знаешь, я подаю заявление в Стэнфорд. - Это правда. Хотя я не думаю, что проявляла особого энтузиазма к учебе, но Стэнфорд... В общем, это Стэнфорд.

Выражение лица Такера смягчается, как будто он вдруг все прекрасно понял. Я расстроена из-за того, что собираюсь в университет, а он остается здесь.

- Все будет хорошо, - успокаивает он. - Мы будем вместе, где бы ты в конечном итоге не была, договорились?

- Договорились.

Он игриво приобнимает меня. - Все будет в порядке, Морковка. Вот увидишь.

- Откуда ты все это знаешь? - спросила я слегка наигранно.

Такер пожал плечами. Вдруг он нахмурился и наклонил голову чуть в сторону.

- Что случилось? - спросила я.

Он приподнял руку, показывая мне, чтобы я замолчала. Такер прислушивался к чему-то с минуту, а затем выдохнул. - Мне показалось, что я что-то услышал, вот и все.

- Что именно? - спросила я.

- Лошадь. Мне показалось, что я услышал лошадь.

- О, Такер, - сказал я, обнимая его крепче. - Мне очень жаль.

Но вдруг я тоже что-то услышала. Какой-то шум, похожий на стук копыт. Какой-то устойчивый ритмичный удар чего-то об землю. И после, сильный порыв воздуха от движения крупного животного. Бегущего и тяжело дышащего животного.

Мои глаза встретились с глазами Такера.

- Я тоже это слышу, - сказала я ему.

Мы выскочили с качелей и направились на передний двор. Я сделала медленный круг по двору, слушая, как звук становится ближе.

- Там, - произнесла я, указывая на горы Титон. Такер побежал в этом направлении, перепрыгивая через низкую ограду. И тут Мидас появился у линии деревьев. Он тяжело бежал. Пот блестел на его боках. Такер увидел его и издал громкий радостный возглас. Мидас заржал. Я стояла и смотрела, как они встретились друг с другом в поле возле дома. Такер обхватил руками плечи Мидаса и прислонил свое лицо к глянцевої от пота шее коня. Они остаются в таком положении долгое время, а затем Такер отстраняется и начинает осматривать руками все тело Мидаса на предмет травм.

- Он подгорел и очень истощал, но ничего серьезного, - прокричал Такер. - Нет ничего, с чем бы мы не смогли справиться. - Затем Такер нежно сказал лошади: «Я знал, что ты сможешь это сделать. Знал, что огонь не мог причинить вред». Его родители вместе с Венди вышли на крыльцо и увидели Мидаса. Теперь мы все вместе побежали в поле, чтобы полюбоваться на это чудо. Венди крепко держала мою руку, пока мы все вели коня обратно в сарай к тому, кому он принадлежал.

- То, что когда-то было потеряно, теперь найдено, - сказала миссис Эвери.

- Смотри, Морковка, - сказал Такер, поглаживая нос Мидаса. - Иногда все происходит не так, как должно.

Вот этого-то я и боюсь.

Скорбь охватила меня снова на следующий день. Я ведь почти забыла, как ужасно чувствовать, когда горло перехватывает, грудь сжимается, а глаза горят. На этот раз это произошло в продуктовом магазине, где я была с Джеффри. Почувствовав себя странно, я тут же сказала ему присесть на корточки прямо посреди прохода между йогуртами и творогом, и представить себя ниндзя с ангельской кровью, пока я звоню маме. Думаю, Джеффри бы это позабавило, если б не перспектива быть убитым Черным Крылом. Только на этот раз, полагаю, я не смогу с ним справиться. Если я умру здесь, в девятом проходе продуктового магазина, то никогда не исполню свое весеннее предназначение и не появлюсь на кладбище.

Итак, мне кажется, Семгьяза здесь не для того, чтобы убить меня. Но я волнуюсь не из-за этого. Несмотря на все мои сумасшедшие идеи о возможных вариантах смерти Такера, наиболее вероятным из них мне кажется именно тот, в котором появляется Черное Крыло и убивает его. Убивает, чтобы

добраться до меня. Чтобы наказать меня, возможно, даже за то, что я не выполнила/изменила свое предназначение. Чтобы уравновесить весы. Или может просто потому, что Черное Крыло – зло, и ему нравится делать ужасные вещи, например, убивать людей ради забавы. Эта мысль пугает меня.

И снова это чувство горя уходит еще до того, как мама появляется в магазине. Будто этого вообще не было. Словно все это происходило лишь в моей голове.

Несколько дней спустя в ангельском клубе Джеффри показывает нам трюк, суть которого заключается в том, что он сгибает четвертак²³ пополам одними только пальцами. Конечно же после презентации трюка, мы все попробовали проделать тоже самое. Первой была я, и Джеффри было не слишком приятно, когда я смогла проделать тоже самое. Потом была Анжела, которая так старалась, что ее лицо побагровело настолько, что я подумала, будто она сейчас упадет в обморок. Затем пробовал Кристиан, которому тоже не удалось этого сделать.

- Видимо, это не мое, - произнес он. – Думаю, он слишком маленький.

- А возможно, это просто генетика, - начала теоризировать Анжела. – Ген, который есть в их семье, есть и у Клары, и у Джеффри.

Джеффри фыркает. - О, да. Ген, отвечающий за сгибание четвертков.

Я задумываюсь, чего же хорошего в том, что я могу согнуть четвертак? Что это за полезный навык? И вдруг я чувствую, что мне хочется плакать. Без уважительной причины. Бам - и слезы.

- Что случилось? - спросил Кристиан незамедлительно.

- Скорбь, - сказала я.

Мы позвонили моей маме. Анжела была очень обескуражена этим, ведь мы сейчас находились у неё дома, а не очень приятно не чувствовать себя в безопасности в собственном доме. Моя мама появилась минут через десять, запыхавшись. На этот раз она не подала виду, что волнуется. Просто устала.

- Все еще чувствуешь это? - спросила она меня.

- Нет, - и это означало, что я чувствовала себя очень глупо в данный момент.

- Может быть, это всего лишь твоё сочувствие, - сказала мне Анжела. - Может быть, ты просто впитываешь эмоции окружающих тебя людей, эмоции тех, которым грустно. - Я думаю, это могло бы иметь смысл.

Оказывается, у мамы есть различные теории, и поняла я это ночью, когда она пришла ко мне в комнату, чтобы пожелать спокойной ночи. По-прежнему шел снег. Это продолжалось с той самой ночи, когда вернулся Мидас. Он падал крупными хлопьями за моим окном. Похоже, это будет холодная ночь.

- Прости что я...ну, ты знаешь...скулящий волчонок, - сказала я маме.

- Все в порядке, - произнесла она, но выражение её лица какое-то хмурое.

- Ты действительно не кажешься обеспокоенной, - указываю я. - Почему?

- Я же говорила тебе уже, - начала она. – Не думаю, что Сэм придет за нами так скоро.

- Но я действительно чувствую печаль. По крайней мере, мне кажется, что я её чувствую, когда это происходит. Может, это что-нибудь означает?

- Это означает кое-что, - вздыхает она. – Горе, которое ты чувствуешь, может принадлежать не Черному Крылу.

- Ты думаешь, оно принадлежит кому-то еще?

- Оно может быть твоим, - сказала она, смотря на меня снова этим полуразочарованным взглядом.

На секунду мне показалось, будто в комнате нечем дышать. – Моим?

- Черное Крыло чувствует печаль из-за того, что идет против своей природы. То же самое происходит и с нами.

Я ошеломлена. Серьезно, у меня просто нет слов.

- Черные Крылья чувствуют грусть во много раз интенсивнее, - продолжает она. - Они решили отделить себя от Бога, и это заставляет их чувствовать почти невыносимую боль. - *Я никогда не смогу вернуться назад. Вот, о чем Семьяязя думал в тот день. Я никогда не смогу вернуться.*

²³ Так называют монету достоинством 25 центов.

- С нами это происходит гораздо мягче и реже, - произнесла мама. – Но все же это происходит.
- То есть, - выдавила я из себя через минуты, - ты думаешь, что я испытываю вспышки горя потому, что не выполнила... свое предназначение?
- О чем ты думаешь, когда это происходит? – спрашивает она.
Я должна сказать ей о сне. Рассказать про кладбище. Все это. Должна, но слова застряли в горле.
- Я не знаю. – И это правда. Я не помню точно, о чем я думаю, когда это происходит, но я смею предположить, что в этом замешан Такер, мой сон, и мысли о том, что я не позволю всему этому случиться.
Борюсь с предназначением.
Кажется, я собираюсь пойти против своей природы.
Это горе - мое.

ГЛАВА 7. ДАВАЙ ПОГУЛЯЕМ

(Переводчик: Наталья Цветаева; Редактор: [unreal])

На следующее утро на земле лежит уже два фута снега. Наш двор, аккуратно укутанный пушистым белым одеялом, что заставляет все казаться приглушенным, похож на зимнюю сказку. Оказывается, в Вайоминге всегда так. Сегодня осень: красные листья медленно опадают с деревьев, скачут белки, неистово закапывая желуди, струйки дыма в воздухе от каминов. А уже завтра – зима. Белая и молчаливая. И ужасно холодно.

Мама внизу жарит бекон. Она улыбается, увидев меня.

- Садись, - говорит она. – Я только что решила соорудить вам завтрак на скорую руку.
- Ты сегодня веселая, - замечаю я, и нахожу это странным, учитывая наш разговор прошлым вечером.

- А почему бы и нет? Сегодня прекрасный день.

Я прохожу на кухню и обнаруживаю за столом Джеффри, он выглядит таким же полусонным, как чувствую себя я.

- Она сошла с ума, - серьезно говорит мне он, когда я опускаюсь на соседний с ним стул.

- Я вижу.

- Она говорит, что мы сегодня поедem на кемпинг²⁴.

Я разворачиваюсь, чтобы посмотреть на маму, подбрасывающую блины, и шиплю, чтобы не закричать.

- Мам, - начинаю я. – А ты не заметила, что на улице снег?

- Подумаешь, небольшой снежок, - отвечает она, а ее блестящие глаза теперь блестят еще сильнее.

- Я ж сказал, - говорит Джеффри. – Сумасшедшая.

Как только мы заканчиваем завтрак, мама обращается к нам, словно она капитан круизного лайнера, готовый начать наш день.

- Клара, можешь собрать посуду? Джеффри, ты относишь все в машину. А мне нужно кое-что закончить прежде, чем мы поедem. Соберите вещи на все выходные, оба. Одевайтесь тепло, но наденьте что-нибудь под низ, если вдруг потеплеет. Я собираюсь выехать около десяти. Несколько часов нам придется идти пешком.

- Но мам, - фыркаю я, - я не могу на этих выходных.

Она задерживает на мне пристальный серьезный взгляд. – Почему? Потому что ты хочешь остаться дома и сбежать к Такеру?

- Попалась, - смеется Джеффри.

Кажется, удирая из дома, я делала это не так тихо, как предполагала.

- Пойду застрелюсь, - говорит Джеффри, то-то и оно.

Итак, к десяти часам мы приняли душ, оделись, сложили вещи и забрались в машину, включив печку на всю. Мама передает мне на заднее сиденье термос с горячим шоколадом. Она все еще в нереально отличном настроении. Она трогается и включает дворники, чтобы очистить лобовое стекло

²⁴ Прим.пер.: кемпинг - оборудованный летний лагерь для автотуристов с палатками или лёгкими домиками, местами для стоянки автомобилей и туалетами

от сыплющейся снежной крупы, подпевая радио, пока мы едем в Джексон. Затем она останавливается перед «Розовой Подвязкой».

- Так, Клара, - говорит она с озорной улыбкой, - твоя остановка. – Я в замешательстве.

- Иди, позови Анжелу. Скажи ей собрать вещи на выходные.

- Она знает, что я приду? – спрашиваю я. – Она знает, что она едет в чокнутое путешествие на кемпинг в снегу?

Мама широко улыбается. – Вообще-то, Анжела ничего об этом не знает. Но у меня чувство, что она захочет поехать.

Я иду к двери театра и стучу. Открывает мама Анжелы. Ее темные глаза немедленно устремляются мимо меня к маме, которая успела выйти из машины и приближается к нам. На мгновение Анна Зербино выглядит так, будто она собирается упасть в обморок. На ее лице появляется это странное выражение, частично испуга, частично благоговения, ее рука непроизвольно поднимается вверх, чтобы прикоснуться к золотому крестику, висящему у нее на шее. Очевидно, Анжела просветила ее относительно нашей семьи, состоящей из полу-ангелов, а по опыту Анны Зербино, мы что-то такое, что нужно бояться и почитать.

- Привет, Анна, - говорит моя мама ее самым милым, сладким доверий-мне голосом. – Я хотела спросить, можем ли мы одолжить на пару дней твою дочь.

- Это касается ангелов, - шепчет Анна.

- Да, - отвечает мама. – Время пришло.

Анна молча кивает, опираясь на косяк, будто ей вдруг понадобилась поддержка. Я взлетаю вверх по лестнице в поисках Анжелы.

- Думаю, моя мама могла загипнотизировать твою или что-то еще, - говорю я, открывая дверь в комнату Анжелы. Она растянулась на животе на своей кровати, записывая что-то в свою черно-белую тетрадку. На ней красная стенфордская толстовка и только слепой бы не заметил огромный плакат Стенфорда, который она прикрепила на стену над кроватью.

- Ух ты, вперед Кардиналы, - комментирую я.

- Ой, привет Клар, - удивленно говорит она, закрывает тетрадь и сует ее под подушку. – Мы договаривались встретиться сегодня?

- Да, это предрешиено звездами.

- А?

- Я пришла, чтобы выкрасть тебя на волшебные два дня и одну ночь в жутко холодную снежную глушь. Мамины причуды.

Анжела садится. На минуту она выглядит как точная копия ее матери, за исключением золотых глаз. - Твоей мамы? Что?

- Как я уже сказала, она берет нас на кемпинг, и ты приглашена. У нас с собой есть палатки, и спальные мешки и даже те металлические палки, на которых жарят хот-доги.

- Я не понимаю, - говорит Анжела. Ее взгляд переходит к окну. – Снег же.

- Ты так права. Поверь, я тоже не понимаю, - говорю я. – Ну, так ты едешь с нами или нет?

Не прошло и десяти минут, как она сидит в нашем внедорожнике, завернутая в плед и пристегнутая ремнем безопасности, выглядя так, будто она перебрала с кофе и нервничает. Анжела всегда такая, когда рядом моя мама. Это связано с тем, что она никогда раньше не видела других полу-ангелов, пока не познакомилась с нами. Конечно, у нее никогда не было взрослого полу-ангела, на которого она могла бы равняться, только ее тихая, глупая человеческая насадка-мать со всеми ее религиозными убеждениями, которая прямо сейчас стоит на тротуаре, со слезами на глазах махая нам на прощание рукой, как будто она боится, что больше никогда не увидит Анжелу.

Мама опускает стекло. – Все хорошо, Анна. Я верну вам дочь в целостности и сохранности.

- Да, мам, все нормально, - смущенно бормочет Анжела. – Я приеду в воскресенье вечером.

- Ладно, конечно, - тихо говорит Анна. – Повеселитесь там.

В машине тихо, пока мы едем в горах. Джеффри включил радио, но мама сделала тише, так что мы почти не слышим его. Затем наш путь наверх делает несколько крутых поворотов, и дорога сужается в линию, одна сторона которой переходит в скалистые горы, а другая – в обрыв. Я задаюсь вопросом, что произойдет, встретим мы кого-нибудь, спускающегося вниз. Наконец, спустя более получаса, у дороги появляется небольшой карман. Мама въезжает в него и останавливается.

- Это все, что мы могли проехать на машине. Дальше придется идти пешком. – Она выходит из машины. Порыв абсолютно ледяного воздуха врзается в нас, как только мы открываем двери, чтобы забрать рюкзаки из багажника.

Около минуты мы стоим и смотрим на тропы и далекие хребты над верхушками деревьев.

- Как минимум, перестал идти снег, - говорит Джеффри.

Мама ведет нас по свежему снегу, за ней следует Джеффри, за ним мы с Анжелой бок о бок. Снег на тропе доходит до середины наших ботинок. Идем мы долго. Кажется, воздух становится тоньше. Все это путешествие напоминает мне, как мама однажды возила меня на Баззардс Рутс, когда мне было четырнадцать, где она рассказала мне, что я – полу-ангел и пролетела по долине, чтобы доказать, что это правда. Интересно, чем она нас удивит на этот раз.

После нескольких часов монотонной ходьбы, мама сворачивает с тропы в сторону густо заросшей деревьями части леса. Здесь, в тени высоких сосен, еще темнее и холоднее. Вдали от тропы снег становится еще глубже, порой доходя до колен. Спустя минуты я промерзаю до костей, трясаясь так сильно, что волосы выбиваются из хвоста. Рядом со мной Анжела вдруг поскальзывается и падает, полностью исчезая в снегу. Я наклоняюсь, чтобы помочь ей.

- Спорю, тебе кажется, что стоило лучше подумать, прежде, чем с нами ехать, - говорю я сквозь стучащие зубы. Ее ярко-розовые щеки и нос, почти как у клоуна, сильно контрастируют с черными волосами.

- У тебя вроде должен быть иммунитет к холоду, - говорит она со сведенными на переносице бровями, словно пытаюсь понять, почему это не так.

Впереди мама разражается смехом.

- Иногда, Анжела, - с любовью говорит она, - ты говоришь такую ерунду!

От шока Анжела даже приоткрывает рот, но мама продолжает смеяться и веселье быстро распространяется на нас, даже на Анжелу.

- Я читала об этом в книге, - протестует она. – Правда.

- Это когда ты пользуешься свечением, - объясняет мама. - Оно сохраняет тепло. Без него, я уверена, вы можете замерзнуть до смерти.

- Например, как сейчас, - встречаю я.

- Хорошо, - смиренно соглашается Анжела. – Мне нужно будет это записать. Как только мои руки снова заработают.

- Осталось не долго, - обещает мама. – Там и остановимся.

Еще через десять минут медленного продвижения по снегу в густом лесу, мама останавливает нас. Она поднимает голову и втягивает носом воздух, безмятежно улыбаясь, затем говорит Джеффри резко свернуть направо.

- Туда, - говорит она, указывая на небольшой овраг немного дальше. – Нам нужно туда.

Джеффри ведет нас вниз по скользкой тропе до тех пор, пока не останавливается так внезапно, что мама врзается в него. Его рюкзак соскальзывает с плеча. Мама ухмыляется, у нее на лице написаны усталость и что-то вроде триумфа, и делает шаг в сторону, пропуская нас с Анжелой, так чтобы мы могли увидеть, на что они смотрят. Мы тоже останавливаемся, наши рты открываются, рюкзаки падают на землю.

- Рай, - выдыхает Джеффри.

Да. Это правильное слово.

Это своего рода луг, огромный, плоский участок земли окружен с двух сторон горами, с третьей стороны - красивое блестящее озеро, такое чистое, что можно увидеть пейзаж, отражающийся от его поверхности. В нескольких футах от того места, где мы стоим, снег исчезает, превращаясь в длинную, мягкую траву, такую зеленую, что глазам даже больно смотреть на нее после стольких часов белого. Здесь нет снега. Солнце опускается за дальнюю гору, и небо взрывается оранжевым и голубым. Птицы летают туда - обратно через луг, как будто им тоже не верится, что посреди этой глуши они наткнулись на рай.

Но мы смотрим не на луг. Что заставило нас троих (конечно, не маму, потому что она, очевидно, все об этом знает) тупо таращиться на свет, так это то, что луг просто забит палатками. Около двух десятков человек суеются на поляне, кто-то разводит костер, кто-то ловит рыбу в озере, а некоторые разговаривают, просто стоя или лежа на траве.

Мой взгляд прикован к одной конкретной женщине: красновато-коричневая кожа, длинные, блестящие волосы, лицо, как у Сакагавеи²⁵ на золотистом долларе. И паре ослепительных крыльев, сложенных за ее спиной, как волшебная мантия.

- Это, - говорит мама, жестом обводя луг, - то, что называется собранием. Встреча полу-ангелов.
- *Congregarium celestial*, - выдыхает Анжела.

Дама с крыльями замечает нас и машет рукой. Мама машет в ответ.

- Это Билли, - говорит она. – Пошли. – Она снимает пальто и остальные теплые вещи, пока не остается лишь во фланелевой рубашке и джинсах. Затем она идет по траве босиком.

- Пойдем, - снова зовет она нас. – Им не терпится с вами познакомиться. – Мы оставляем свои рюкзаки у края травы и нерешительно заходим на луг. Несколько человек перестают заниматься своими делами, чтобы посмотреть на нас.

- Что это? – спрашивает Джеффри рядом со мной, все еще сбитый с толку.

Мама уже подошла к Билли, которая обняла ее, будто они давние подруги. Они поворачиваются и идут к нам, а оказавшись достаточно близко, эта женщина, Билли, заключает и меня тоже в удивительно сильные, медвежьи объятия.

- Клара! – восклицает она. – Не могу поверить. Когда я видела тебя в последний раз, ты была чуть больше кузнечика.

- Ох, привет, - натянуто отвечаю я ей в волосы, которые пахнут полевыми цветами и кожей. – Я не помню.

- Конечно, не помнишь, - со смехом говорит она. – Ты была крошкой. – Она заглядывает мне через плечо. – А это Джеффри. О, Боже. Уже совсем мужчина.

Джеффри ничего не говорит, но могу сказать, он польщен этим замечанием.

- Знакомьтесь, Вилма Фэйрвезер, - объявляет мама, как при официальном знакомстве.

Вилма ухмыляется нам. – Билли, - поправляет она.

- А это Анжела Зербино, - говорит мама, не глядя ни на кого из нас.

Билли кивает, так внимательно разглядывая Анжелу, что та заливается краской. – «Розовая Подвязка», правильно?

- Да, - отвечает Анжела.
- Добро пожаловать. Проголодались?

Мы переглядываемся. Еда – это последнее, о чем мы сейчас можем думать.

- Конечно, проголодались, - говорит Билли. – Почему бы вам не пойти вон туда и не взять себе что-нибудь поесть? – Она указывает на ту сторону луга, где струйка дыма поднимается над чем-то, похожим на большой каменный гриль для барбекю. – Клянусь, Корбетт делает лучшие бургеры. В любом случае, достаточно хорошие, чтобы заставить меня несколько раз в год есть мясо. – Она снова смеется. – Идите перекусите, а потом можете заняться палатками. Хочу, чтобы вы поставили их рядом с моей. – Она обвивает своей рукой мамину. – Наконец-то ты решилась привести их сюда. Я горжусь тобой. Также, думаю, это означает...

- Билли, - говорит мама, глядя на меня, в ее голосе звучит предупреждение. Но она тут же меняет интонацию и улыбается Билли. – Нам нужно столько всего обсудить, тебе и мне. – На этом они уходят, оставляя нас смотреть им вслед.

Мы идем к барбекю. Оказавшись на месте мы видим, что там хозяйничает беловолосый парень с длинным хвостом, одетый в гавайскую рубашку, шорты цвета хаки и шлепанцы. Он переворачивает мясо на гриле, как настоящий профессионал.

- Что будете, ребята? – спрашивает он, даже не обернувшись.
- Чизбургер или обычный?
- Чизбургер, - отвечает Джеффри, который точно всегда голоден. – Я возьму два.

- Хорошо-о, - говорит парень, затем поворачивается и искоса смотрит на нас. – А ты что будешь, Клара? – Это мистер Фиббс. Мой учитель английского. Мистер Фиббс в шлепанцах. Моя голова, кажется, сейчас взорвется.

²⁵ Прим. пер.: Сакагавей - индианка, участница первой трансамериканской экспедиции 1804-1806 г.г; Доллар Сакагавей - один из двух типов находящихся в обращении монет достоинством в 1 доллар США (второй - Президентский доллар), которые относятся к так называемым золотистым долларам.

- Немного шокированы? – добродушно спрашивает он, глядя на наши лица, словно ему только сейчас пришло в голову, что мы можем быть удивлены тем, что видим его. – Мы решили, что лучше, если вы не будете ничего знать.

- Кто решил? – спрашиваю я.

- В основном твоя мама, – говорит он. – Но кое с чем мы все согласились.

- Все это время вы о нас знали? – выдавливает Анжела.

Он фыркает, что является самым странным звуком, который мы когда-либо от него слышали. – Ну конечно. Именно поэтому я здесь. Вам, ребята, нужен кто-то, кто будет за вами присматривать. – Насвистывая, он отворачивается к грилю. Он делает каждому из нас по два гамбургера, которые мы несем на бумажных тарелках вместе с жареной картошкой и фруктовым салатом, как на пикнике в честь четвертого июля²⁶. Мы изумленно отходим, чтобы присесть на траву и поесть. Я понимаю, что ем жадно. А еда просто изумительна.

- О, Господи, – говорит Анжела, когда она, наконец, не ест так долго, что способна разговаривать. – Это так круто. Никогда бы не догадалась, что они встречаются. Собрание. – Она произносит это слово так, будто пробует, как оно чувствуется на языке, словно у него есть волшебная сила. – Я снова хочу поговорить с Билли. Она кажется нереальной. Черт подери, – восклицает она, показывая вперед. – Это Джей Хупер, ну, знаешь, управляющий ареной для родео в Джексоне.

- Так все эти люди из Джексона?

- Не думаю, – говорит она. – Но несколько точно. Не могу поверить, что прожила здесь всю жизнь и не знала об этом. Интересно, такое есть в каждом городе или только в Джексоне? У меня есть теория, что полу-ангелов привлекают горы, я тебе рассказывала? Ого, это же Мэри Тортон. Ух ты, никогда бы не подумала, что в ней есть хоть что-то ангельское. – Я безучастно смотрю на нее.

- Да уж, никогда не угадаешь, – говорит Анжела, все еще глядя по сторонам. – О, а это Уолтер Прескотт. У него свой банк.

- Уолтер Прескотт? – я резко поворачиваюсь, чтобы посмотреть. – Где?

- Блондин, стоит перед большой зеленой палаткой.

Я обнаруживаю его, высокий светловолосый мужчина, разводящий огонь. Глядя на него, никогда бы не подумала, что он дядя Кристиана в основном потому, что его волосы настолько светлые, что кажутся почти белыми, ничего похожего на темную волнистую копну Кристиана.

- Интересно, увидим ли мы Кристиана? – спрашивает Анжела.

В этот момент я знаю, что он здесь. Я чувствую его.

- А вот и он. – Анжела показывает на группу людей, помогающих подтащить к реке моторную лодку. – Кристиан! – внезапно кричит она. Она прикладывает руки ко рту и выкрикивает: - Кристиан Прескотт, прием!

Грубо, зато эффективно. Кристиан поворачивается на звук своего имени. Видит нас. Широкими шагами он направляется к нам по траве, на нем закатанные джинсы и футболка, он босиком, кажется, здесь на лугу это модно. Он кажется расслабленным, руки в карманах. Кристиан не спешит к нам.

- Кристиан, – кричит кто-то с озера. – Я думал, мы будем кататься на водных лыжах?

- Может, позже, – кричит он в ответ, махая рукой, и останавливается перед нами. – Привет, Клара, Анжела. – Он коротко взглянул на Анжелу, прежде чем его взгляд снова вернулся ко мне. – Джеффри тоже здесь? – Я смотрю по сторонам, но не вижу его.

- Да, нас всех собрали, – говорит Анжела. – Ангельский клуб прибыл. Это ли не сумасшествие?

- Да, думаю, сумасшествие, – он пожимает плечами.

- Не говори мне, что это больше не новость для тебя. Ты знал обо всем этом раньше, да? – спрашивает Анжела.

Он утаскивает картошку с ее тарелки и сует в рот, громко хрустя.

Анжела пристально смотрит на него, затем фыркает и идет по траве в сторону мамы и Билли.

Кристиан поднимает бровь. – Что я сделал?

- Парень, – говорю я с улыбкой. – У тебя серьезные неприятности. – Позже, когда мы посмотрели на самый впечатляющий закат, который я когда-либо видела, не считая фильмы, Кристиан помогает мне поставить палатку, в которой сегодня будем спать мы с Анжелой. Анжелу, как и ожидалось, оказалось не найти. Она даже не потрудилась забрать свой рюкзак с окраины луга. Мы с Кристианом принесли оба рюкзака в лагерь, выбрали место и начали собирать палатку с сумасшедшей

²⁶ Прим. пер.: Четвертое июля – День независимости США

скоростью. Мы должны поторопиться, потому что скоро будет слишком темно, чтобы все установить, но, на самом деле, это не проблема. Кристиан, кажется, прежде уже сто раз этим занимался.

- Итак, - спрашиваю я, пока он вбивает в землю колышки, последний штрих в установке. – Как давно ты уже знаешь об этом месте?

Он перемещается, чтобы вбить следующий колышек. – Дядя привел меня сюда в прошлом мае. Поверь, я тоже был очень удивлен всем этим. До этого я понятия не имел.

- Значит, ты и правда был на кемпинге с дядей, - доходит до меня, наконец, сложив два и два. – А я-то думала... - я резко замолкаю.

Он прекращает стучать молотком, чтобы посмотреть на меня. – Что ты думала?

- О, ничего. Я думала, это просто оправдание, чтобы ты мог сбежать. От...

- От Кей, - заканчивает он за меня. – Ты думала, я прогуливаю школу, чтобы не видеться с Кей.

- Ну, да.

Он снова начинает вбивать колышек. – Нет. Но это в какой-то степени было из-за нее. Когда я порвал с Кей, дядя воспринял это как знак, что я начинаю серьезно относиться к своему предназначению. Он сказал, что время пришло, и привел меня сюда. Мы провели неделю, тренируясь, летая, медитируя, а на выходных собрались остальные.

Что заставило маму думать, что пришло время привести нас сюда, гадаю я. – Ты не видел мою маму? – я спрашиваю, потому что хотя она и не охотно делилась со мной информацией об ангелах, часть меня все еще не может поверить, что она знала и не рассказала мне.

- Нет. Я слышал, как кто-то упоминал Мэгги, - отвечает он, - но не знаю, кто это был.

- Ох, - внезапно я понимаю, что за последние полчаса просто засыпала его вопросами, а он сделал почти всю работы по установке палатки.

- Должно быть, ты думаешь, что я идиот, - вдруг говорит он.

Я потрясенно поднимаю на него глаза. Существует много слов, которыми я бы могла описать Кристиана Прескотта: загадочный, таинственный, роковой, пугающий и, ну, очевидно, соблазнительный, если уж быть совсем честной, но слово *идиот* никогда не приходило мне в голову. Кроме, может быть, того раза на выпускном балу. – Идиот?

- Потому что я видел все знаки, указывающие на то, что ты - та девушка из видения, ты – полу-ангел, но я так этого и не понял. Если бы я только понял это раньше, возможно..., - он обрывает себя на полуслове.

Я сглатываю. – Какие знаки?

- Я всегда знал, что ты другая, даже когда увидел тебя впервые, - отвечает он.

- Ты имеешь в виду, когда я отключилась в коридоре? Думаю, это нормально, что я тогда показалась тебе другой.

- У меня еще не было видений, - говорит он, садясь на траву. – Я думал, что сделал что-то с тобой, поэтому ты потеряла сознание.

- *Что-то* сделал со мной?

- Ментально.

- В смысле, разговаривал в моей голове?

Он перебирает траву, вырывая пучки и разглаживая их пальцами. – Я еще не знал, как себя контролировать, - говорит он.

- Ты всегда это умел? Ментально общаться?

- Это началось в прошлом году, прямо перед тем, как ты появилась. Я все еще не могу делать это со всеми. Я могу поймать мысли людей и, иногда, мысленно ответить, но, думаю, собеседник должен тоже обладать способностью читать мысли.

- Так в тот день в коридоре ты со мной разговаривал?

- Я пытался.

- И что же ты сказал? – спрашиваю я.

- Я сказал...привет.

- А я...

- А ты рухнула на пол, как будто я ударил тебя бейсбольной битой, - я застонала, представляя, какая это, наверное, была потрясающая картина.

- Извини, - говорит он, - я не хотел.

- Ты ни в чем не виноват, Кристиан. Я потеряла сознание, потому что когда я увидела тебя, у меня появилось видение. Это был первый раз, когда я увидела твое лицо, на нас наступал огонь, и я была охвачена эмоциями, и вырубилась.

- Ох, - вздыхает он немного застенчиво.

- Знаешь, я тоже не все поняла. Так что, если ты и идиот, то, не одинок в этом.

Кажется, для него стало облегчением услышать это. Наверное, идиотам нравится компания.

Мы возвращаемся к вбиванию колышков, и между нами повисает неловкое молчание, пока я не выпаливаю: - А что насчет других знаков?

Он берет последний колышек, втыкает его в землю, прежде чем снова встать на пятки.

- Не много. То, как ты танцевала на выпускном, - говорит он. - То, как разговаривала о своем будущем на крыльце той ночью, когда я пришел извиниться за бал. - Он смотрит на меня, затем вниз на свои босые ноги и улыбается. - Когда я понял, что это ты, я почувствовал, что должен был сделать нечто большее, чем просто спасти тебя.

Я стараюсь не выдавать своих чувств, но сердце начинает колотиться. Потому что глубоко внутри я тоже это знала. И, кажется, это именно то, что во всей этой ситуации смущает меня больше всего.

Что ты нашла в таком парне, как Кристиан Прескотт? Спросил меня Такер, когда подвозил домой с выпускного, а я сказала, что не знаю, потому что не могла ему этого объяснить. И до сих пор не могу.

Такер. Я даже не сказала ему, что иду сюда. Вот такой из меня получился ангел-хранитель. И такая же девушка.

- Ладно, - говорю я слишком громко. - Эээ, спасибо, Кристиан, что поставил палатку. - Я начинаю собирать инструменты, которыми мы пользовались, делая вид, что занята, стряхиваю траву со штанов, хотя ее там и нет.

- Уверена, Анжела тоже бы тебя поблагодарила, но, думаю, какое-то время она еще будет на тебя злиться. В ангельском клубе нет секретов, помнишь?

- Я с этим не соглашался, - протестует он. - Кроме того, только Анжела у нас как открытая книга.

Интересно, что он знает? Но прежде чем я успеваю спросить об этом, кто-то зовет его по имени, мужской голос доносится откуда-то из глубины луга. Мы оба оборачиваемся.

- Нужно пойти туда, - говорит Кристиан. - Костер развели. - Он подсакивает и протягивает мне руку.

- Пошли, - говорит он. - Тебе понравится.

Несколько мгновений я колеблюсь, прежде чем вложить свою руку в его, позволяю ему поднять меня на ноги, затем быстро отстраняюсь и иду в ту сторону, где уже вижу дым, поднимающийся вверх от большого костра, который разожгли в центре луга.

- Хорошо, пошли к огню, - говорю я.

Кристиан бежит рядом со мной, улыбаясь своей кривоватой улыбкой.

Как ты смеешь принимать его улыбки, ругаю я себя.

Но не могу от этого отказаться. Его рука в моей казалась такой знакомой, как моя собственная.

ГЛАВА 8. ЛЕТО БЕЗ СВЕРЧКОВ (Переводчик: iloved; Редактор: [unreal])

Я стою между мамой и Анжелой в кругу, собравшемся вокруг костра, глядя на лица, освещенные его свечением. Билли плетет все эти небылицы про тридцатые годы, когда она и моя мама буквально врезались в Черное Крыло на ипподроме «Санта Анита».

- Не поверите, но это был Азаел в заштопанном сизо-сером льняном костюме, - рассказывает Билли.

- И что же вы сделали? - спрашивает кто-то вполголоса, словно этот злодей мог нас услышать.

- Мы не могли улететь. Интересно, а теперь смогли бы? - с усмешкой произносит Билли. - Вокруг нас было слишком много людей. Тогда он не смог выступить против нас, либо не так уж сильно этого и хотел. Поэтому, мы просто вернулись с лимонадом на свои места, он - на свое. После скачек он просто исчез.

- Нам повезло, - произнесла мама.
 - Очень, повезло, - соглашается Билли, - Хотя я так и не пойму, что он там делал?
 - Ставку на фаворита, как и все остальные, - говорит мама.
- Несколько людей смеется. Билли вздыхает.

- Ну и забег был тогда! Вы не сможете увидеть нечто похожее сейчас. Сейчас все уже не так, как раньше.

- Ты говоришь, прям как маленькая старая леди, - добродушно произнес Джеффри, хотя и не собиравшись никому позволять критиковать его любимый вид спорта. Затем он сделал свое замечание про старую леди еще более весомым, добавив: - ...до военных времен.

Билли засмеялась и протянула руку, чтобы погладить его по волосам. Джеффри раскраснелся.

- Мы старые дамы, малыш. Не позволяй нашей внешности тебя обмануть, - сказала она и обняла маму, - Ты и я – две старые карги.

- Если бы вы смогли летать - ну, я имею ввиду, если бы вокруг не было так много людей, которые могли увидеть вас - это имело бы хоть какое-то значение? – спрашивает Анжела. - Может ли летать Черное Крыло?

Все замолкают, быстро успокаиваясь. Единственный слышимый звук – это треск пламени.

- Что? – удивленно спрашивает Анжела. - Это был только вопрос.

- Нет, - отвечает, наконец, мама, - Черное Крыло не летает.

- Если, конечно, не превратиться в птицу, - поправляет её Билли. - Я видела, они могут так делать.

- Черные Крылья никуда не должны попасть, разве что только вниз, - говорит человек с рыжими волосами и короткой, аккуратно подстриженной бородой. Полагаю, его зовут Стефан (слышала, как мама называла его так). У него низкий тембр голоса, голос похож на один из тех, что обычно звучат в трейлерах к фильмам ужасов. Голос погибели.

У меня пробегают мурашки по коже.

- Но не в буквальном же смысле «вниз», верно? – уточняет Анжела, - Потому что ад – это измерение, находящееся под нашим собственным, а не какая-то бездонная огненная яма.

- Верно, - говорит моя мама.

Этого мой мозг переварить уже не в состоянии. Почему она вдруг стала так свободно раскрывать информацию? Напоминаю себе, что это хороший знак, хотя мой мозг уже начинает перегружаться от такого количества новой информации. Становится довольно сложно принять все это.

- Кроме того в аду, как правило, холодно. Нигде ничего не говорится об огне. Просто много холодных дней в аду, - говорит Билли.

- И откуда ты это знаешь, Билли? – дразнит кто-то через костер.

- Занимайся своим делом, - с усмешкой парирует Билли.

- Однако, со всей серьезностью, - говорит Стефан, будучи ну очень серьезным парнем. - Никто из нас никогда не был в аду, так что все эти высказывания по поводу температуры всего лишь простое предположение.

Я осмеливаюсь бросить взгляд на маму, которая не смотрит мне в глаза. Выходит, она не рассказала им о нашем фантастическом путешествии в подземный мир с Семейязой, и если она не рассказала им, то и я, конечно же, не собираюсь этого делать.

- Почему? - Анжела никогда не знает, когда надо заткнуться. - Почему вы не были в аду?

Можно подумать, что ответом на этот вопрос будет: «Потому что мы не злые», но вместо этого Стефан говорит:

- Потому что мы не можем попасть в другие измерения самостоятельно. Для этого нам нужен Интенджа. К тому же ни один кровный ангел, из тех, которые спускали Черные Крылья в ад, не вернулся, чтобы рассказать нам о том, каково там.

Я опять смотрю на маму, но она в очередной раз смотрит куда-то в сторону. От костра доносится внезапный резкий хлопок, который заставляет нас всех подпрыгнуть.

- Стив, ты пугаешь детей, - ругается мама.

- Мы не дети, - говорит Джеффри, - Мы хотим знать.

Билли кивает.

- Понятно, - говорит она, бросая значительный взгляд на маму, - Вот почему вы здесь. Вам нужны ответы.

Я получаю проблеск чувств, испытываемых мамой. Смирение. Она приняла происходящее, не смотря на то, какие будут последствия, даже если они и очень опасно для нас. Все это заставляет ее сердце биться быстрее, но она сидит там и пытается сохранять дыхание ровным.

Я думаю, мы действительно получим ответы на некоторые вопросы.

- Получается, вы сражаетесь с Черными Крыльями?- спрашиваю я, - Что-то наподобие конгрегации²⁷?

- Нет, - отвечает Билли, отрицательно качая головой, - Мы не сражаемся с ними. Уж точно не физически. По крайней мере в том случае, если можем помочь им. Наша лучшая защита от Черных Крыльев - оставаться незамеченными, а это нам в значительной степени удалось сделать. Большинство людей, находящихся здесь, никогда не видели Черное Крыло, не говоря уж о сражении с ним.

- Так что же вы делаете, а? – спрашивает Джефффри немного разочарованный тем фактом, что мы не будем бороться с падшими ангелами один на один, - Если не боретесь с ними?

- Мы отслеживаем кровных ангелов, - отвечает мистер Фиббс, - Стараемся добраться до них прежде, чем это сделают противники. Рассказываем им о том, кто они на самом деле.

- И мы следуем нашей цели, - добавляет мама, наконец, глядя на меня, - Вот что мы делаем со своей стороны. Мы пытаемся выяснить, что же мы должны делать, и, в конце концов, делаем это.

Интересно, но я по-прежнему не собираюсь принимать свое предназначение, если это означает, что Такеру суждено умереть.

Уолтер Прескотт неожиданно встает по ту сторону огня.

- Хватит уже разговоров, - произносит он, - Я думаю, что пришло время для s'mores²⁸. Кто хочет s'mores?

Я смотрю на Кристиана. Он держит мешок с зефиром в одной руке, сумку с плитками шоколада - в другой, как своего рода предложение мира, и улыбается.

- Я, - говорит Джефффри.

И вот, уважаемые дамы и господа, снова на арене мой брат и его желудок.

Все устраиваются для приготовления s'mores. Ангела выглядит подавленной, когда понимает, что разговор о Черном Крыле закончен. Но уже через несколько минут она снова наклоняется вперед, на этот раз уже слушая другие истории. Её глаза блестят, а лицо озаряет широкая улыбка. Ангела на седьмом небе от счастья, греясь в осознании того, что она - часть этого общества, чего никогда не случилось с ней прежде. Даже Джефффри здесь нравится. Чуть ранее он играл в футбол с другими кровными ангелами, и в этой игре ему не нужно было сдерживать свои способности. Он был счастлив. Все, чего он когда-либо желал, так это просто участвовать в серьезных спортивных состязаниях, съесть немного хорошей еды, и быть тем, кем он действительно является.

У меня такое ощущение, что я тоже должна быть довольна этим местом. Но почему это не так?

- Давай посмотрим, - звучит голос у меня в голове, - Ты не справилась со своим предназначением. А сколько людей здесь справилось? И все сводится к тому, что твоему парню суждено умереть. Твоя мама явно не доверяет тебе настолько сильно, насколько должна бы. Ты не знаешь всех этих людей, но они вновь и вновь смотрят на тебя так, будто знают уже давно.

- Итак, мистер Прескотт, - говорит мистер Фиббс, когда мы все достали липкий зефир и положили его на шоколад.

- Я? - спрашивает Кристиан. Его подбородок измазан шоколадом.

- Да, ты, - говорит мистер Фиббс, - Так ты теперь наш новый участник, да?

- Да, сэр, - отвечает Кристина. Его лицо краснеет.

- Ты участник? - я смотрю на него недоверчиво.

Он удивленно моргает из-за того, что я общаюсь с ним в его мыслях. Между нами это происходит так просто, в то время как с другими возникают определенные трудности.

- Да. С сегодняшнего утра.

- И как именно можно стать участником?

- Ты даешь обещание служить совету, чтобы бороться на стороне добра.

- Мне казалось, они сами сказали, что не воюют.

²⁷ **Конгрегация** в католицизме - совокупность, союз или организация монастырей, следующих одному и тому же уставу; нередко - синоним слова «орден».

²⁸ **S'mores** (сокращенно от some more, "еще одно") - любимое блюдо американских подростков в походе. Для его приготовления нужен костер, зефир, шоколад и печенье. На печенье кладется шоколад, затем поджаренный на костре зефир, и сверху все это накрывается еще одной печенькой.

Он посылает мне ментальный эквивалент пожатия плечами.

- *Так вот что ты сделал сегодня утром?*

- Да, - говорит он решительно, - *я принял присягу.*

Итак, откровений становится все больше и больше.

- Как все это возможно? — спрашиваю я Анжелу позже, когда мы обе в пижамах уютно расположились в спальнях мешках. Мы застегнули нашу палатку так, чтобы можно было наблюдать за звездами, сияющими над нашими головами. Нам даже не нужны палатки, по крайней мере, точно не из-за погоды, хотя они действительно предоставляют нам хоть какую-то иллюзию частной жизни здесь, на открытом лугу, где множество отдельных огоньков размещены вокруг нас. Время от времени я вдыхаю аромат снега, и это напоминает мне, что мы находимся в волшебном оазисе посреди леса, ведь всюду еще зима, а здесь — лето.

- Тото²⁹, я не думаю, что мы все еще в Канзасе, - говорю я Анжеле.

- Я в курсе, — говорит Анжела со смешком, - это Билли.

- Что ты имеешь в виду? — я переворачиваюсь на бок, чтобы взглянуть на нее.

- Билли может управлять погодой. Я думаю, что это очень редкий дар для кровного ангела. Никогда даже не слышала об это раньше. Билли приехала сюда буквально за неделю до собрания, и заставила все это вырасти.

- Так Билли рассказала тебе все это?

- Она рассказала еще кое-что, - говорит Анжела. - Не так много, как мне хотелось бы, но все же. Билли была мила со мной, и единственное чего она хотела — это поболтать с твоей мамой. Они, кажется, лучшие подруги.

- Да, это так, - соглашаюсь я, - но это так странно.

У моей мамы есть лучшая подруга, которую я не помню и которую даже не знала её до сих пор. Представляю, как они сидели у огня, закутавшись в одно одеяло, и как Билли наклоняется, чтобы прошептать что-то маме на ухо, вызывая у нее улыбку.

Почему она не могла рассказать мне о своей лучшей подруге?

- Это просто невероятно, - говорит Анжела, поворачиваясь ко мне с горящими глазами, - Хочешь узнать побольше о том, что мне удалось выяснить?

Я не могу удержаться от хихиканья при взгляде на ее возбужденное щенячье выражение лица.

- Ты прям как ребенок в магазине сладостей, тебе не кажется?

- О, да ладно тебе. Может ты еще и обвиняешь меня? Это удивительная возможность исследования.

Предоставьте Анжеле право рассматривать это, как «возможность исследования».

- Ладно, давай послушаем, - говорю я.

Она вытаскивает свой блокнот из сумки и, включив фонарик, перелистывает страницы, чтобы найти нужное место.

- Итак, - говорит она, откашливаясь, - Вот секретная неофициальная информация: северо-западное отделение конгрегации собиралось здесь с тех пор, как Вайоминг официально стал штатом еще в 1890 году. Сейчас существует около сорока членов этого отделения.

- Значит, не все эти люди из Джексона?

Она качает головой.

- Они со всего северо-запада Соединенных Штатов. Но я узнала, что Джексон является своего рода горячей точкой для нас. В Джексоне наибольшая концентрация проживающих здесь ангелов, нежели где-либо еще в этом регионе. Но я так и не могу понять, почему дела обстоят именно так. У меня есть теория, что причина в горах, но это всего лишь теория.

- Хорошо, мисс Википедия, - дразню я.

Улыбаясь, она слегка ударяет меня, а затем вновь возвращается к блокноту.

- Большинство здешних кровных — Квортариусы, но есть девять Демидиусов, которые являются лидерами группы.

²⁹ **Тото** (он же Тотошка) - персонаж книги «Удивительный Волшебник из Страны Оз» американского писателя Лаймена Фрэнка Баума, которая вышла в свет в 1900 году. Тотошка - маленький чёрный пёсик, любимец Эллы.

- Правильно, потому что Демидиусы слишком редки и от этого еще более особенны, - говорю я с изрядной долей сарказма.

Анжела усмехается, но в ее глазах рождается какой-то возбужденный блеск. Большинство людей здесь ангелы лишь на четверть, а Анжела - наполовину. Она редкая, особенная, и бла-бла-бла.

- Я так же заметила, что все обращаются с твоей мамой по-другому, не так как с остальными, - добавляет она.

- У костра все внимательно слушали, что она говорит, будто твоя мама - кладезь мудрости или нечто подобное, хотя она в основном молчит.

Это правда. Когда мама встала и сказала, что собирается идти спать, все двигались очень осторожно, стараясь держаться подальше от нее. Было что-то в том, как они реагировали на нее. Может, это особый вид почтения.

- Возможно, она их лидер, - говорит Анжела, - Я думаю, что это своего рода демократия, а твоя мама здесь, вероятно, в качестве президента.

Как она могла не говорить мне всего этого?

- Ты в порядке? - спрашивает Анжела, - Ты выглядишь так, словно снова потеряла контроль.

- Да все нормально. Это не совсем-то место, на которое я рассчитывала, проснувшись сегодня утром, понимаешь?

- Конечно. Не могу поверить, что Кристиан все об этом знал и не рассказал нам, - раздраженно произносит она.

- О, оставь в покое Кристиана. Не похоже, чтобы ты была раскрытой книгой, - окрысилась я, пользуясь фразой Кристиана, - Не очень лицемерно?

Анжела глубоко вздыхает. Ее челюсть сжимается. Она перекидывает свои длинные косички за плечи, закрывает свой блокнот и ложится, повернувшись спиной ко мне, а затем выключает фонарик. Мы лежим в темноте. Звезды над головой. Шепот деревьев. Слишком тихо. Анжела молчит, но я уверена, что она не спит. Ее дыхание прерывистое, и я знаю, что она сумасшедшая.

- Анж... - говорю я, когда молчание становится невыносимым, - ты права, мне очень жаль. Я так устала от всего этого, от этих секретов... Иногда у меня бывает такое ощущение, что никто в моей жизни не бывает до конца окровоенным со мной. Это выводит меня из себя.

- Нет, это ты права, - говорит она через минуту, ее голос слегка приглушен из-за спального мешка.

- Кристиан никогда не обещал, что будет нам что-либо рассказывать. И к тому же, как я поняла, это место секретно.

- Ты только что сказала, что я права? - говорю я настолько торжественно, насколько могу.

- Да. Ну и что?

- Ничего. Я просто хотела бы записать это или запечатлеть как-то еще. На случай, если я никогда больше не услышу этих слов снова.

Она поворачивается и улыбается через плечо.

- Да, ты должна сделать это, потому что ты вряд ли когда-нибудь опять окажешься права.

Битва официально окончена. Какое же это облегчение, потому что Анжела может быть реальной занозой в заднице, когда сердится.

- Секретность - это часть бытия кровных ангелов, - говорит она, когда я начинаю засыпать, - Ты ведь знаешь это, верно?

- Что? - сонно спрашиваю я.

- Мы всегда должны скрываться. От Черных Крыльев, от остального мира. Возьми свою маму, например. Ей уже более ста лет, но выглядит она на сорок, а значит, всю свою жизнь она должна была постоянно переезжать, чтобы люди не заметили, что она не стареет. Твоя мама всегда должна скрывать свою личность. И после всего этого, тайна становится твоей второй натурой, ты так не думаешь?

- Но я ее дочь. Она должна доверять мне. Должна рассказывать мне о таких вещах.

- Возможно, она не может этого сделать.

Я думаю над этим в течение минуты, вспоминаю страх, который почувствовала от нее ранее, когда мы сидели у костра. Страх перед чем? - удивляюсь я. Неужели так страшно для нас говорить об аде? Очевидно, что так и есть. И почему она не сообщила собранию о том, что случилось с Семейязой?

- Ты действительно думаешь, что она лидер? - спрашиваю я.

- Я думаю, что это весьма вероятно, - отвечает Анжела.

Тогда я понимаю кое-что еще: моя мама знает Уолтера Прескотта, дядю Кристиана. Это означает, что она знала его с того самого момента, когда я пришла домой и сказала, что имя парня из видения – Кристиан Прескотт, что он – нечто большее, нежели просто мальчик, и что я должна спасти его от лесного пожара. Все это время она знала, что Кристиан был кровным ангелом. Она знала, что мое предназначение заключалось в чем-то большем, нежели простой поиск и спасение этого парня. Она все знала.

- Почему она не сказала? – Я не чувствовала себя так плохо с тех самых пор, когда не рассказала ей об ангельском клубе.

- Она просто наверстывает все это сейчас, не так ли? – шепчет Анжела.

- Полагаю, что да.

- У нее могли бы быть веские основания для этого, - твердит Анжела.

- Для нее же было бы лучше иметь веские основания, - говорю я.

Проходит много времени, прежде чем я засыпаю.

Мне снятся розы. Белые розы, по краям лепестков которых уже появилась коричневая окантовка. Я стою перед небольшим холмиком из свежей земли в замшевых черных туфлях и смотрю на маму. Я держу розы и вдыхаю их сладкий аромат. Чувствую присутствие других людей, окружающих меня, но не отрываю взгляда от земли. На этот раз я не чувствую горе. Я чувствую пустоту внутри меня. Беспомощность. Ветер развеивает мои волосы, бросая их на мое лицо, но я не убираю их. Я стою там, держа розы и глядя на могилу. Смерть - лишь переход, - пытаюсь я убедить себя, - переход из одного бытия в другое. Это не конец света. Это именно то, что мама всегда говорила мне. Но думаю, что все зависит от того, как вы понимаете конец света. Розы погибают. Они нуждаются в воде. Вдруг, я понимаю, что не могу смириться с мыслью о том, что они засохнут и умрут. Поэтому я крепко сжимаю их между ладонями, отрываю бутоны, а затем просеиваю лепестки сквозь пальцы, наблюдая затем, как они медленно и осторожно падают на темную почву.

Кристиан стоит в лунном свете на берегу озера. Я наблюдаю за тем, как он наклоняется, чтобы подобрать камень. Подержав гладкий камень в руках несколько мгновений, он слегка прогибается и бросает его в воду. Каждый раз, когда я вижу его, то поражаюсь тому, что на самом деле совсем не знаю этого парня. Несмотря на все наши разговоры, на все то время, которое мы провели вместе в ангельском клубе, на то, что я выяснила о нем почти все подробности в прошлом году, как какая-то одержимая маленькая Мери Сью, он по-прежнему остается для меня загадкой. Он по-прежнему незнакомец для меня, которого я знаю лишь мельком.

Кристиан поворачивается и смотрит на меня.

- Привет, - говорю я неловко, внезапно осознав, что стою, одетая в свою пижаму, и мои волосы, должно быть, выглядят как птичье гнездо, - Извини. Я не думала, что кто-нибудь будет здесь.

- Не спится? – спрашивает он.

Я все еще ощущаю запах роз. Мои руки все еще ощущают уколы шипов, но когда я смотрю на них, то понимаю, что все в порядке. Я веду себя как сумасшедшая.

- Анжела храпит, - говорю я, вместо того, чтобы объяснить, а затем наклоняюсь, чтобы отыскать себе камешек, и вижу один небольшой плоский камень цвета древесного угля. Смотрю на озеро, где луна отражается рябью. - Так как ты это делаешь? – спрашиваю я.

- Хитрость заключается в движении запястья, - говорит он. – Это похоже на фрисби³⁰.

Я бросаю камень, и он уходит в воду даже без всплеска.

- Хотела сделать также, - говорю я.

Он кивает.

- Понятно. Кстати, у него прекрасная форма.

- С этой погодой что-то не так, - говорю я.

- Ты думаешь?

- Ну, я имею в виду, что чего-то не хватает. Все это похоже на лето, вот только.... - я вспоминаю наши ночные встречи с Такером прошлым летом, как мы внимательно наблюдали за звездами, лежа в задней части его грузовика, называли известные нам созвездия и придумывали названия тем

³⁰ **Фрисби** - общее название спортивного снаряда, представляющего собой пластиковый диск с загнутыми краями диаметром 20—25 сантиметров. Диск сделан таким образом, чтобы при его полёте создавалась подъёмная сила, что позволяет бросать диски на значительные расстояния и с большой точностью.

созвездиям, которых не знали. Мысль о Такере заставляет мое горло сжаться. Я напоминаю себе, что мое желание не осуществится до весны. Даже не знаю, до этой ли весны. Но у меня есть время. И я постараюсь выяснить как можно больше и как-нибудь предотвратить это. - ...сверчки, - озвучиваю я, пришедшую мне на ум мысль. - Летом всегда есть стрекотание сверчков, но здесь тишина.

Мы слушаем, как плещется вода у берега.

- Расскажи мне о своем видении, Клара. Я имею в виду твое новое видение, - просит Кристиан. - Если ты не возражаешь, я хотел бы знать о нем. Ты постоянно думаешь о нем, а я не очень хорошо поступаю, оставаясь в стороне.

Мое дыхание перехватывает.

- Я уже рассказала тебе большую часть. Это Аспен-Хилл. Весна. Я иду вверх по холму вместе со всеми с другими людьми. По-видимому, мы направляемся к могиле. И ты там тоже присутствуешь.

- Что я там делаю?

- Ты...э...пытаешься меня утешить: говоришь в моей голове, что *я могу это сделать, могу справиться*. Ты держишь мою руку, - я начинаю искать другой камень, ведь только так мне не придется смотреть ему в глаза.

- Ты думаешь, что это Такер. Считаешь, что он должен умереть, - говорит он.

Я киваю, все еще не смея взглянуть на него.

- Я не могу этого допустить.

Он кашляет, затем издает его фирменный звук а-ля смех-вздых.

- Кажется, меня не должно удивлять то, что ты решила бороться со своим видением.

Если мама права, то именно из-за этого я чувствую печаль. Я определенно буду бороться со своим предназначением, идя против того, что от меня ожидают. Но все, что я чувствую в этот момент – гнев. Думаю, я никогда не смогу принять вещи такими, какие они есть. Просто не позволю им быть такими, какими они являются. Я всегда буду пытаться их изменить.

- Эй, ты попросил меня, и я тебе рассказала. Тебе это не нравится, крепкий орешек, - говорю я, не оборачиваясь, начиная отступать к своей палатке, но он хватает меня за руку. Я действительно хочу, чтобы Кристиан прекратил ко мне прикасаться.

- Не сердись, Клара. Я хочу помочь, - говорит он.

- Как на счет того, чтобы заняться своим делом?

Он смеется и отпускает мою руку.

- Хорошо. Уже слишком поздно говорить тебе не сердись. Но знай, что я это подразумеваю. Скажи мне, почему ты решила, что это похороны Такера?

Я смотрю на него.

- Ты мне не веришь? - Это не очень помогает.

- Я этого не говорил. Просто... - Он провел языком по губам. Никогда раньше не замечала за ним такого. - Ну, я думал, мое видение показало мне сначала одно, а потом это все оказалось совершенно иным.

- Правильно, потому что это произошло из-за меня, - говорю я.

- Ты не разрушила это, - ловит он мой взгляд. - Думаю, ты просто изменила его. Правда, я не понимал этого прежде. Просто не мог.

- И ты понимаешь это теперь?

Он отрывает от меня свой пристальный взгляд.

- Я не говорил, что... - он берет камень и кидает его в воду так, чтобы он скользил по воде, - Я хочу убедиться, что ты знаешь: я не думаю, что ты все испортила, Клара. Это не твоя вина.

- С чего ты это взял?

- Ты следовала велению сердца. В этом нет ничего зазорного.

- Ты действительно так думаешь, - я поражена. Все это время я считала, что он меня обвиняет в случившемся.

- Да, - говорит он, слегка улыбаясь, - Как ни странно, это так.

ГЛАВА 9. ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

(Переводчик: Наталья Цветаева; Редактор: [unreal])

- Мы рухнули! Его могучий гром

Доселе был неведом никому.

*Жестокое оружие! Но пусть
Всесильный Победитель на меня
Любое подымает! — не согнусь*

*И не раскаюсь, пусть мой блеск померк...*³¹ - читает Кей Паттерсон. Признаю, у нее приятный голос, хотя и подозреваю, что за ее идеальной внешностью бьется сердце настоящего дьявола.

Ладно, пусть не дьявола. Потому что Кристиану она нравилась, а Кристиан не идиот. Даже Венди говорит, что Кей не так уж и плоха, когда узнаешь ее поближе. Должно быть, в ней что-то есть, чего я не замечаю.

- Ещё во мне решимость не иссякла

В сознание попранного моего

Достоинства, и гордый гнев кипит, - продолжает она.

- Хорошо, Кей, - говорит мистер Фиббс. - Как ты думаешь, что это значит?

Кей хмурит свои брови идеальной формы. - Значит?

- Что здесь говорит Сатана? О чем речь?

Она смотрит на него с явным раздражением. - Я не знаю. Я не говорю на старо-английском или что бы это ни было.

Я бы усмехнулась, но мои дела не намного лучше. Ну, или совсем чуть-чуть, если говорить именно об этой книге. Что не имеет никакого смысла. Я должна понимать и говорить на любом языке мира, так почему я заблудилась в *Потерянном раю*?

- Кто-нибудь? - мистер Фиббс смотрит на класс.

Венди поднимает руку. - Думаю, может, он говорит о том, как ужасен ад, но для него это лучше, чем небеса, потому что в аду он хотя бы свободен. Это как «лучше царствовать в аду, чем служить небесам».

Потрясающе. Я всегда немного нервничаю, когда тема об ангелах проскальзывает в разговоре обычных людей, а теперь вот это происходит на уроке английского. Уверена, мама бы не одобрила выбор книги.

Но опять же, она, возможно, знает об этом все. С тех пор, как она вообще все обо всем знает. И ничего мне не рассказывает.

- Отлично, Венди, - хвалит мистер Фиббс. - Вижу, ты читала краткое содержание. - Венди становится милого пунцового цвета.

- Дорогая, в этом нет ничего плохого, - весело говорит мистер Фиббс. - Бывает полезно узнать еще чью-то интерпретацию. Но еще важнее самостоятельно побороться с текстом. Прочувствовать слова внутри себя, а не просто услышать их у себя в голове. — *Ты ль предо мною?*

О, как низко пал

Тот, кто сияньем затмевал своим

Сиянье лучезарных мириад

В небесных сферах, - цитирует он по памяти. - Чудесные слова. Что они значат?

- Он говорит об ангеле, которым тот был раньше, - внезапно говорит Анжела. За весь урок она не сказала ни слова, никто из нас не сказал, но, очевидно, ей надоело сидеть молча, пока он разговаривает об ангелах. - Он опечален тем, как низко они пали, потому что даже устанавливая правила в аду, а не подчиняясь Богу на небесах, он все же чувствует скорбь, потому что, - она опускает взгляд в книгу и читает - *Что толку в нашем вечном бытии*

И силе нашей, вечно-неизменной,

Коль нам терзаться вечно суждено? Не знаю, как сильна его скорбь, но, кажется, достаточно.

- Ты прочувствовала это на себе?

- Эээ... - Анжела человек скорее думающий, чем чувствующий. - Не уверена.

- Ну, в любом случае, проницательная интерпретация, - говорит он. - Вспомните, что Мильтон говорил нам в начале книги. Его целью было развернуть идею о непослушании Господу, как в восстании падших ангелов, так и в человеческих сердцах, что привело к изгнанию Адама и Евы из Садов Эдема...

³¹ прим.пер.: «Потерянный рай» - эпическая поэма Джона Мильтона, впервые изданная в 1667 в десяти книгах. В издании 1674 года книг стало 12. Поэма описывает белым стихом историю первого человека Адама.

Я неловко ерзаю на стуле. Мне не хочется разворачивать идею о непослушании Господу – я сейчас не особенно расположена к этой теме для разговора, с тех пор, как решила бойкотировать свое предназначение.

- Мистер Фиббс, у меня вопрос, - говорит Анжела.

- Отлично, - отвечает он. – Суди человека по его вопросам, а не по ответам.

- Правильно. Сколько вам лет? – спрашивает она.

Он смеется.

- Нет, правда. Сколько? – настаивает она.

- Это совсем не имеет отношения к предмету, - твердо говорит он, и могу сказать, она задела его, хотя и не пойму, почему. Он приглаживает свои седые волосы, и вертит в руках кусок мела. – А теперь вернемся к Сатане и его обещанию.

- Мне просто было интересно, ровесники ли вы с Мильтоном, - игриво говорит Анжела, прикидываясь дурочкой, будто она просто дразнит его, а не задает серьезный вопрос, хотя так оно и есть. – Может, вы когда-то общались?

Если мне не изменяет память, на прошлой неделе мистер Фиббс говорил нам, что Мильтон умер в 1647. Если мистер Фиббс когда-то общался с Мильтоном, то сейчас ему уже больше трехсот пятидесяти лет.

Такое возможно? Я рассматриваю его: замечаю, что в некоторых местах его кожа провисает, множество глубоких морщин залегло на лбу, вокруг глаз, в уголках рта. Его руки похожи на шероховатое дерево. Он, очевидно, стар. Но насколько?

- Хотелось бы иметь такое удовольствие, - говорит мистер Фиббс с трагическим вздохом. – Но, увы, мы с Милтоном немного разминулись во времени.

Звонит звонок.

- Ах, - говорит он, и его голубые глаза пронизывают лицо Анжелы. – Звонок. Все свободны.

Этим вечером я сбегая из дома и лечу на ранчо «Ленивая собака». Ничего не могу с этим поделать. Может, это моя ангельская природа.

Я сижу снаружи у окна Такера, в моих волосах снег, и наблюдаю за ним, сначала, как он делает домашнюю работу, затем готовится ко сну (и нет, я отворачиваюсь, когда он переодевается, я не законченная извращенка), а потом засыпает.

Хотя бы в этот момент он в безопасности.

И снова я решаю сказать ему о своем сне – ненавижу что-нибудь скрывать от него. Мне кажется, что это то, что он заслуживает знать. Я так сердита на маму, осознаю я, за все те секреты, которые есть у нее от меня, а я-то сама не такая? Не рассказываю ему, чтобы не волновать понапрасну, если мне повезет и вдруг выяснится, что я неверно истолковала свое видение. Я держу это в себе, потому что тот факт, что он будет в курсе, ничего не изменит. Я защищаю его.

Но это все равно отстой.

Около двенадцати тридцати его окно внезапно открывается. Это так неожиданно – я уже находилась в полудреме – что я почти падаю с крыши, но сильная рука хватает меня и оттаскивает от края.

- Ну, привет, - радостно говорит Такер, будто мы случайно встретились на улице.

- Ээээ, привет.

- Отличная ночь для слежки, - замечает он.

- Нет, я просто...

- Тащи сюда свой зад, Морковка.

Я неловко влетаю в комнату. Он надевает футболку и сидит на кровати, скрестив ноги и глядя на меня.

- Это же не слежка, если ты рад меня видеть? – дрожа, предполагаю я.

- Как долго ты там просидела?

- Как долго ты знал, что я там?

- Около часа, - говорит он и неверяще трясет головой. – Ты сумасшедшая девчонка, ты знаешь это?

- Я начала это понимать.

- Так почему ты здесь? – он хлопает по кровати рядом с собой, и я сажусь. Он обнимает меня одной рукой.

- Мне хотелось увидеть тебя, - говорю я, сворачиваясь рядом с ним. – У меня были долгие и одинокие выходные, и мы почти не виделись в школе.

- А, ясно. Как прошел кемпинг? Не припомню, чтобы я когда-либо занимался этим в снегу, - говорит он, поднимая брови. – Наверное, расслабляет.

- Вообще-то, это было не в снегу. – И я рассказываю ему про собрание. Не все, конечно, не про ад, Черное Крыло или то, что мистер Фиббс – полу-ангел, но большую часть. Уверена, мама бы не одобрила. Кристиан бы не одобрил. И, конечно, Анжела бы не одобрила. Собрание – это секрет, сказала она, словно я должна взять все выходные и поставить на них большую печать «ЗАСЕКРЕЧЕНО».

Я все равно рассказываю ему. Потому что я не готова окружать себя секретами, не от Такера. Потому что единственное, в чем я уверена – это моя любовь к нему. Потому что честно рассказывая ему о чем-то одном, я чувствую себя чуточку лучше, когда утаиваю все остальное.

Он довольно хорошо воспринимает новости о собрании.

- Напоминает церковный кемпинг, - говорит он.

- Скорее, встречу членов семьи, - отвечаю я.

Он тянется и целует меня нежным, как перышко поцелуем, касаясь только одной части моего рта, но я все равно теряю способность дышать.

- Я скучал по тебе, - говорит он.

- Я тоже скучала.

Я обвиваю руками его шею и целую его, и все исчезает, кроме этого момента, его ищущих губ на моих, его рук в моих волосах, притягивающих меня к нему, наших тел на кровати, стремящихся стать еще ближе, его пальцев на пуговицах моей рубашки...

Я не могу позволить ему умереть.

- Ты такая теплая, - шепчет он.

Я чувствую тепло. Чувствую себя так, словно я охвачена пламенем, одновременно легким и тяжелым, и время замедляется, как будто я вижу все кадр за кадром. Лицо Такера, нависшее над моим, маленькая родинка прямо под его ухом, которую я раньше не замечала, тени, которые мы отбрасываем на потолок, ямочка, появляющаяся на его щеке, когда он улыбается, то, как учащается его сердцебиение, его дыхание. И на краю сознания я чувствую то, что чувствует он: любовь, трепет от ощущения моей кожи под его пальцами, мой запах наполняет его голову...

- Клара, - говорит он, тяжело дыша и отстраняясь от меня.

- Все хорошо, - говорю я, снова привлекая к себе его голову, прижимаясь щекой к его щеке, наши губы едва не касаются, наше дыхание на лицах друг друга. – Я знаю, что ты об этом думаешь, это очень мило, но... что, если это и все, что мы можем получить? Что, если это наш шанс, прежде, чем все изменится? Что, если скоро все закончится? Может, нам стоит просто... жить? – Теперь наши поцелуи другие. Появляется нетерпеливость, которой не было раньше. Он останавливается, чтобы через голову снять футболку, открывая свою золотисто-коричневую кожу, его родео/фермерская/ работа, его мускулы – результат тяжелого труда на протяжении всей его жизни. Он прекрасен, думаю я, так невероятно прекрасен, что мне почти больно смотреть на него, и я закрываю глаза и поднимаю руки над головой, позволяя ему снять с меня рубашку. Прохладный воздух касается кожи, и я дрожу, меня трясет, Такер нежно проводит кончиками своих загрубевших пальцев по моему плечу, задевая лямку бюстгалтера, вдоль ключицы, поднимается вверх по шее, и останавливается на подбородке, поднимая мою голову, чтобы снова поцеловать.

Это действительно произойдет, думаю я. Я и Такер. Прямо сейчас.

Мое сердце бьется так быстро, оно скорее бежит, нежели бьется, как крылья колибри в моей груди, дыхание выходит рывками, будто мне холодно или страшно, но я не чувствую ни того, ни другого. Я люблю его. Я люблю его, я люблю его – пульсируют во мне слова.

Внезапно он замирает.

- Что? – шепчу я.

- Ты светишься. – Он резко садится.

Так и есть. Оно очень слабое, не настоящее сияние, какое можно было бы представить, но, когда я растопырываю пальцы и осматриваю тыльную сторону ладони, я вижу, что моя кожа отчетливо светится.

- Нет, твои волосы, - говорит он.

Мои волосы. Я немедленно хватаю их обеими руками. Они сияют, нет, лучатся. Яркие сияющие солнечные лучи в темноте спальни Такера. Я как живая лампочка.

Такер не смотрит на меня.

- Ничего страшного. Ангела зовет это *comaecaelestis*. Знак принадлежности к небесам. Именно поэтому в прошлом году мама заставила меня покрасить волосы, - лепечу я.

- Ты можешь...выключить его? – просит он. – Прости, но когда я смотрю на это, я чувствую...головокружение, будто сейчас отключусь или упаду в обморок. – Он делает глубокий вдох и закрывает глаза.

- И еще легкую тошноту.

Рада узнать, что именно такое впечатление произвожу на парня.

- Могу попробовать, - говорю я, и оказывается, что это не так уж сложно. Достаточно просто взглянуть на натянутое выражение лица Такера, и сияние уходит само собой.

Клянусь, что слышу, как Такер облегченно вздыхает.

- Прости за это, - снова пытаюсь я.

Он смотрит на меня, тяжело сглатывает, пытаюсь вернуть самообладание. – Не извиняйся. Это часть твоей сущности. Ты не должна извиняться за то, кто ты есть. Это красиво, правда. Вызывает трепет. Упадите на колени и поклоняйтесь, и все такое.

- Но это вызывает у тебя тошноту.

- Совсем чуть-чуть.

Я тянусь, чтобы поцеловать его все еще восхитительно обнаженное плечо. – Итак, мой свет выключен. На чем мы остановились? – Он трясет головой и чешет тыльную сторону шеи, как он обычно делает, когда ему неловко. Откашливается.

Я резко сажусь. – Ладно, - говорю я. – Думаю, мне пора...

- Не уходи. – Он ловит мою руку прежде, чем я встаю. – Останься. – Я позволяю ему снова положить меня на кровать. Он ложится позади, обнимает меня, его рука лежит на моем бедре, я чувствую его ровное дыхание на своей шее. Я пытаюсь расслабиться. Слушаю тиканье часов на его ночном столике. Что, если я никогда не найду способ контролировать сияние? Что, если каждый раз, когда я счастлива, я свечусь? Я буду светиться, его будет тошнить и тогда – *дибилънус прерыватус*.

Появляется странная мысль. Это как мой личный способ контрацепции. Свечение всего тела.

А потом я думаю: Он умрет, даже не занявшись любовью с женщиной.

- Это не важно, - шепчет Такер. Он берет мою руку в свою и сжимает.

О. Мой. Бог. Я только что сказала это вслух?

- Что не важно? – спрашиваю я.

- Можем мы или нет...ты понимаешь, - говорит он. Это невероятно, что он не может читать мысли, но все равно, точно знает, о чем я думаю. – Я все равно люблю тебя.

- Я тоже тебя люблю, - отвечаю я, затем поворачиваюсь и утыкаюсь лицом ему в шею, обвиваю его руками и лежу так до тех пор, пока он не засыпает.

Я просыпаюсь, когда кто-то отдергивает занавески, и вот что я вижу: мистер Эвери в комбинезоне спиной ко мне, смотрит в окно, где солнце только слегка показывается за амбаром.

- Проснись и пой, сын, - говорит он. – Коровы не будут доить себя сами. – Затем он поворачивается. Видит меня. Его рот открывается. Мой рот уже открыт, дыхание замерло в горле, как будто, если я не буду дышать, он не поймет, что я здесь. Так мы и смотрим друг на друга, как две выброшенные на берег рыбы.

Снаружи поет петух.

Такер что-то бормочет. Поворачивается, стягивая с меня одеяло.

Я дергаю одеяло назад, чтобы прикрыть лифчик. Слава Богу, я все еще в джинсах, в противном случае это выглядело бы действительно плохо.

Это все равно выглядит очень плохо.

Очень плохо.

- Эммм...- говорю я, но мой мозг как кусок люда. Не могу вытащить оттуда ни слова. Я трясусь Такера. Сложно. Будет сложнее, если он не ответит прямо сейчас.

- Не может быть, что уже шесть тридцать, - стонет он.

- О, еще как может, - выдавливаю я.

Вдруг он резко садится. Теперь мы все втроем смотрим друг на друга как рыбы. Затем мистер Эвери закрывает рот так быстро, что я слышу, как шелкают друг о друга его зубы, отворачивается и выходит из комнаты. Он плотно закрывает за собой дверь. Мы слышим звук его шагов вниз по лестнице, дальше по коридору в сторону кухни. Мы слышим, как миссис Эвери говорит: - О, отлично, вот твой кофе, дорогой... Затем ничего. Он говорит не достаточно громко, чтобы мы могли услышать.

Я хватаю рубашку и надеваю ее через голову, в панике ища свою обувь.

Такер делает то, чего я почти никогда от него не слышала.

Он ругается.

- Хочешь, я останусь и попробую все объяснить? – спрашиваю я.

- Нет, - говорит он. – О, нет, *нет*, не делай этого. Тебе нужно просто...уйти. – Я открываю окно и оборачиваюсь. – Прости. Я не думала, что усну.

- Я ни о чем не сожалею. – Он спускает ноги с кровати, встает, подходит ко мне и целует в губы быстро, но нежно, обхватывает руками мое лицо и смотрит мне в глаза.

- Поняла? Я не сожалею. Оно того стоило. Я приму удар на себя.

- Окей.

- Я был рад познакомиться с тобой, Клара.

- Что? – мой мозг все еще в шоке.

- Помолись за меня, ладно? – он нервно улыбается мне. – Потому что я уверен, что родители меня убьют.

Когда я прихожу домой, дела становятся только хуже. Окно в моей спальне закрыто.

Пугающе.

Я проскальзываю в заднюю дверь (к счастью, открытую) и осторожно закрываю ее позади себя.

Мама работает допоздна. В эти дни она много спит. Это дает мне надежду, что она ничего не заметила.

Но мое окно закрыто.

За столом Джефффри пьет апельсиновый сок.

- О, Боже, - говорит он, увидев меня. – Ты попала.

- Что мне делать? – спрашиваю я.

- У тебя должно быть очень хорошее оправдание. И, наверное, тебе стоит расплакаться – именно это ведь делают девчонки, да? И возможно, быть ужасно расстроенной. Если ей придется успокаивать тебя, может она будет не так сурова.

- Спасибо, - говорю я. – Это очень помогает.

- Ах, Клара, - говорит он, пока я поднимаюсь по лестнице, - возможно, ты захочешь переодеть рубашку, чтобы она не была наизнанку.

Я удивлена, что мне удастся подняться к себе, не попавшись. Я переодеваюсь в чистую одежду, умываюсь, расчесываю волосы, и уже начинаю думать, что все обойдется и беспокоиться не стоит. Но затем я выхожу из ванной и вижу маму, сидящую за моим письменным столом.

Она выглядит как очень сердитая мама.

Минуту, которая кажется вечностью, она ничего не говорит. Она смотрит на меня, скрестив руки на груди.

- Итак, - наконец, говорит она, в ее голосе звенит лед. – Мама Такера звонила минуту назад. Она спросила, знаю ли я, где моя дочь, потому что последний раз, когда она тебя видела, ты была в кровати ее сына.

- Мне ужасно жаль, - заикаюсь я. – Я летала в «Ленивую собаку», чтобы увидеть Такера и уснула. – Ее руки сжимаются в кулаки. – Клара... - Она останавливается и делает глубокий вдох. – Я не собираюсь этого делать, - говорит она. – Я не могу.

- Ничего не произошло, - говорю я.

Она усмехается. Посылает мне взгляд, который просит не обижать ее умственные способности.

- Ладно, кое-что почти произошло, - может, если я скажу правду, она увидит, что я ей доверяю, размышляю я. – Но, на самом деле, ничего. Не случилось, я имею в виду. Я просто уснула. Это все.

- О, от этого я чувствую себя гораздо лучше, - говорит она с сарказмом. – Кое-что почти произошло, но не произошло. Отлично. Прекрасно. Такое облегчение. – Внезапно она трясет головой. – Не хочу больше ничего слышать про прошлую ночь. На этом все, юная леди. Ты останешься здесь, в своей постели, в своем доме, каждую ночь, даже если мне придется заколотить окно. Ты меня поняла?

- Кроме того, - продолжает она, когда я не отвечаю, - вы с Такером больше не будете встречаться наедине.

Я поражена. – Что?

- Больше никаких встреч наедине.

Из меня выходит весь воздух. – Как долго?

- Не знаю. До тех пор, пока я не решу, что с тобой делать. Думаю, я и так была слишком великодушна с тобой, учитывая, что ты натворила.

- А что я натворила? Это уже не 1900 год, мам.

- Я знаю, поверь, - говорит она.

Я пытаюсь встретиться с ней взглядом. – Мам, мне нужно продолжать видеть Такера. – Она вздыхает. – Ты и правда хочешь, чтобы я сказала что-то вроде мой дом – мои правила? – говорит она утомленным голосом, потирая глаза, так, будто у нее больше нет ни времени, ни сил общаться со мной.

Мой подбородок поднимается. – И ты действительно вынудишь меня переехать, просто чтобы я могла делать со своей жизнью то, что хочу? Потому что я перееду.

Это блеф. Мне некуда идти, нет денег, у меня нет ничего, кроме этого места.

- Если это потребуется, - мягко говорит она.

Это конец. Мои глаза наполняются слезами унижения. Я знаю, что у нее есть право сердиться, но мне все равно. Я начинаю выкрикивать все те слова, которые мне хотелось сказать месяцами: Почему ты себя так едешь? Почему тебе безразличен Такер? Неужели ты не видишь, как нам хорошо вместе?

- Ладно, тебя не интересует Такер, не почему тебе все равно, буду ли я счастлива?

Она не мешает мне. Я выпускаю пар, она в это время смотрит в пол почти со смущенным выражением лица и ждет, пока я закончу. Затем, когда я замолкаю, она говорит: - Я люблю тебя, Клара. И мне не безразличен Такер, хотя, и знаю, что ты мне не поверишь. И мне не безразлично твое счастье. Но в первую очередь я беспокоюсь о твоей безопасности. Это всегда было моим главным приоритетом.

- Дело не в безопасности, - горько говорю я. – Дело в том, что тебе хочется контролировать мою жизнь. Что мне угрожает рядом с Такером? Не, правда, что?

- Потому что этой ночью ты была не дома! – восклицает она. – Когда я проснулась, а тебя нет...- Ее глаза закрыты. Челюсти сжаты. – Ты останешься в этом доме. И ты будешь видеться с Такером под наблюдением, когда я решу, что это допустимо. – Она встает, чтобы уйти.

- Но он умирает, - выпаливаю я.

Она останавливается, ее рука на ручке двери. – Что?

- У меня был сон – видение, кажется, это было кладбище Аспен-Хилл. Я видела похороны. И Такера там не было, мам.

- Милая, - говорит мама. – Просто потому, что его там не было, не значит...

- Все остальное не имеет смысла, - говорю я. – Если бы умер кто-то другой, Такер был бы там. Он пришел бы ради меня. Ничто не остановило бы его. Он такой. Он бы был там. – Она издает горловой звук и подходит ко мне. Я позволяю ей обнять меня, вдыхаю запах ее духов, пытаюсь найти успокоение в ее тепле, ее твердом, прочном присутствии, но не могу. Она больше не кажется мне ни теплой, ни твердой, ни сильной.

- Я не позволю этому случиться, - шепчу я. Я отстраняюсь. – Мне нужно знать, как это предотвратить, только вот я не знаю, что должно случиться, поэтому не представляю себе, что делать. Такер умрет!

- Да, умрет, - сухо говорит она. – Он смертен, Клара. Он умрет. Каждую минуту на земле умирает больше сотни людей, и однажды он будет одним из них.

- Но это же Такер, мам.

Я снова на грани того, чтобы разрыдаться.

- Ты и правда его любишь, - задумчиво говорит она.

- Я правда люблю его.

- И он любит тебя.

- Да. Я знаю. Я чувствую это.

Она берет меня за руку. - Тогда ничто не сможет разлучить вас, даже смерть. Любовь связывает вас, - говорит она. – Клара...я должна тебе сказать...

Но я не могу дать ей уговорить меня смириться со смертью Такера. Поэтому говорю: - Вообще-то любовь не очень связывает тебя с папой, не так ли?

Она вздыхает.

Я сожалею, что сказала это. Я пытаюсь придумать что-нибудь, чтобы заставить ее понять. – Я хочу сказать, что иногда людям все же приходится расстаться, мам. Навсегда. И я не хочу, чтобы это произошло со мной и Такером.

- Ты упрямая, упрямая девчонка, - говорит она, вздыхая. Она поднимается и идет к двери. Останавливается. Оборачивается ко мне. – Ты ему сказала?

- Что?

- Про сон, или то, что он по твоему мнению значит, - говорит она. – Потому что объективно ты не знаешь, что он значит, Клара. Это не честно, вываливать это на него, пока ты не знаешь точно. Это ужасно – знать, что ты умрешь.

- Я думала, ты сказала, что мы все умрем.

- Да. Рано или поздно, - говорит она.

- Нет, - признаюсь я. – Я не сказала ему.

- Хорошо. И не надо, - она пытается улыбнуться, но у нее не получается. – Хорошего дня в школе. Будь дома до ужина. Нам нужно о многом поговорить. Есть кое-что еще, что я хочу вам сказать.

- Хорошо.

Когда она уходит, я падаю на кровать, неожиданно утомленная.

Она сказала, рано или поздно. И думаю, она бы знала. В ее возрасте, большинство людей, которых она знала, состарились и умерли. Как с землетрясением в Сан-Франциско. Несколько месяцев назад в газете была история, которую она вырезала, про то, что умер последний выживший в этом землетрясении. Что фактически делает ее последним настоящим выжившим.

Она права. Рано или поздно Такер умрет.

Думаю, поздно. Я должна сделать все, чтобы это было случилось поздно.

Анжела перехватывает меня у дверей кафетерия во время ленча.

- Ангельский клуб, - шепчет она. – Сразу после школы, не опаздывай.

- Ой, да ладно тебе. – Я совсем не настроена на ее бесконечные вопросы и ответы, ее энергичность, ее дикие теории. Я устала. – Знаешь, у меня есть и другие дела.

- У меня есть кое-что новенькое.

- Насколько новенькое? Мы все выходные провели вместе.

- Это важно, ясно? - визжит она, что ужасно меня удивляет. Анжела не истеричка. Я внимательнее присматриваюсь к ней. Она выглядит встревоженной, потрепанной, с темными кругами под глазами.

- Ладно, я приду, - быстро соглашаюсь я. – Я не смогу остаться допоздна, но я точно приду, хорошо?

Она кивает. – Сразу после школы, - снова говорит она и быстро уходит.

- Что это с ней? – Кристиан появляется позади меня, и мы вместе смотрим ей в след. – Я сказал, что у меня встреча с командой по лыжам, и она чуть не оторвала мне голову. – Я трясую головой, потому что понятия не имею, что с ней такое.

- Думаю, это важно, - говорит он. Затем он уходит, присоединяясь к группке популярных учеников, идущих на ленч. Около минуты я просто стою, чувствуя себя одиноко и странно, а потом встаю в очередь за едой. Получив свой ленч, я сажусь на свое обычное место рядом с Венди, которая сидит с Джейсоном за столиком невидимок.

Она бросает на меня острый взгляд. Она в курсе о том, что произошло утром.

Джейсон говорит, что ему нужно что-то сделать и уходит.

У меня огромные неприятности. Со всеми.

- Где Такер? – немедленно спрашиваю я. – Он все еще жив?

- Ему пришлось пойти домой, чтобы доделать кое-какую работу во время ленча. Он оставил тебе записку. – Она держит тетрадный лист. Я выхватываю его у нее из рук. – Я ее не читала, - быстро говорит она, пока я разворачиваю записку, но что-то в ее голосе заставляет меня думать, что возможно, она лжет.

- Спасибо, - говорю я, мои глаза пробегают по строчкам. Его неуклюжим почерком написано *Держи подбородок поднятым, Морковка. Мы с этим справимся. Просто нам придется какое-то время соблюдать правила, и нарисован поцелуй.*

- Твои родители были в бешенстве? – спрашиваю я, пряча записку во внутренний карман куртки. Я снова вижу, как увеличились глаза мистера Эвери, когда он увидел нас.

Она пожимает плечами. – В основном они были шокированы. Не думаю, что они вообще ожидали... – она откашливается.

- Ладно. Черт побери, они разозлились. Они все время повторяли слово *разочарованы*, а Такер выглядел как побитая собака каждый раз, когда, слышал это, а когда он показался им достаточно расстроенным, они отправили его в сарай вычищать навоз, чтобы они могли обдумать наказание.

- И каково наказание? – спрашиваю я.

- Не знаю, - говорит она. – Скажем, мои родители теперь не самые большие твои поклонники, и ситуация в доме Эвери этим утром была очень напряженная.

- Мне жаль, Вен, - говорю я, и это то, что я действительно думаю. – Кажется, я все испортила. – Она кладет руку мне на плечо и коротко сжимает его. – Все хорошо. Это драма отношений. У нас у всех в отношениях есть драма, да? Просто так случилось, что у тебя отношения с моим братом. Думаю, я должна была это предвидеть.

- Но я должна еще кое-что упомянуть, - через минуту добродушно добавляет она. – Если ты обидишь моего брата, тебе придется иметь дело со мной. Я закапаю тебя в лошадином навозе.

- Хорошо, - быстро говорю я. – Я это запомню.

- Так что за срочность? – спрашивает Джеффри. Он бежит вдоль стены «Розовой подвязки» к месту, где сидим мы с Кристианом, ожидая Анжелу, которая опаздывает, что для нее не характерно. – Я думал, мы не будем собираться на этой неделе, потому что, знаете, мы и так провели все выходные вместе. Меня, ребят, от вас уже тошнит.

- Рад видеть, что ты почтил нас своим присутствием, - говорит Кристиан.

- Ну, не мог же я это пропустить, - говорит он. – Вы же знаете, что весь этот клуб держится только на мне. Я предлагаю сменить название на клуб Джеффри. – Он улыбается, когда подходит к столу. На чистых сестринских инстинктах я поднимаю ногу, как будто собираюсь поставить ему подножку, он улыбается, перешагивает через мою ногу и толкает меня в плечо.

- Как насчет клуба какашкоголовых? – предлагаю я.

Он фыркает. – Какашкоголовая. – В детстве это было самым большим оскорблением.

Секунду мы боремся, пытаюсь дать друг другу подзатыльник. – Ой, - говорю я, когда он выкручивает мое запястье. – Когда ты успел стать таким чертовски сильным? – Он отступает и ухмыляется. Эта перепалка с Джеффри кажется удивительно приятной. Он стал почти прежним собой, с тех пор, как мы вернулись с собрания, словно он, наконец, дал себе разрешение жить дальше, какой бы груз не лежал на нем прежде.

Кристиан смотрит на нас. Он единственный ребенок и ему не понять тонкого удовольствия от подтрунивания над братом. Я последний раз толкаю Джеффри, чтобы сровнять счет и занимаю свое место за столом.

Джеффри приземляется на стул напротив меня.

Анжела подходит к нам сзади. Она садится, не говоря ни слова. Открывает свой блокнот.

- Итак. Неотложное дело, - говорю я.

Она делает глубокий вдох: - Я изучала продолжительность жизни полу-ангелов, - говорит она.

- Это имеет отношение к тому, что ты спрашивала мистера Фиббса сколько ему лет? – интересуюсь я.

- Да. После того, как на прошлой неделе я увидела собрание, мне стало любопытно. Мистер Фиббс - Квортариус, я практически уверена, но он выглядит гораздо старше твоей мамы, а она - Димидиус. Теперь вы понимаете, что меня смущает.

Я не понимаю.

- Или мистер Фиббс должен быть на много старше твоей мамы, - начинает она объяснять, - или возраст твоей мамы исчисляется иначе, чем его. Что приводит меня к мысли, что если Квортариус, который только на четверть ангел – на семьдесят пять процентов человек – то он и стареет в таком же соотношении к человеческому возрасту. Люди, в основном, не живут дольше ста лет, но Квортариус может прожить сто двадцать пять. Тогда понятно, почему мистер Фиббс выглядит старым.

Она останавливается. Барабанит ручкой по блокноту и выглядит взволнованно.

- Продолжай, - говорю я.

Еще один глубокий вдох. Она не смотрит на меня, и это начинает выводить меня из себя. – Я думала о том, что Димидиус, который всего наполовину человек, может жить как минимум в два раза дольше, где-то двести – двести пятьдесят лет. Так что твоя мама полу-ангел среднего возраста. Она выглядит примерно на сорок. Столько ей и есть.

- Звучит так, как будто ты все уже выяснила, - говорит Кристиан.

Она сглатывает: - Мне казалось, так и было. – Говорит она странным невыразительным голосом. – А потом я прочла это. – Она переворачивает несколько страниц в блокноте и начинает читать. - *Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны Божии – это ангелы, как минимум, в широкой трактовке их называют ангелами - увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал.*

Я знаю этот отрывок. Это Библия. Ветхий Завет глава 6. Появление Нефилимов: полу-ангелов.

Но Анжела продолжает чтение: - *И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками, потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет.* Затем он возвращается к Нефилимам, когда «сыны божьи и дочери человеческие и дети их» и всем этим «героям древности», и мне это показалось странным. Сначала речь идет о Нефилимах, затем Бог ограничивает срок жизни человека, а затем речь снова идет о Нефилимах. Но потом до меня дошло, что это срок не людей. Эта часть в середине не о людях. Бог создал нас смертными.

- Бог создал нас смертными, - тупо повторяю я.

- И не важно, способны ли мы прожить сотни лет. Мы не проживем дольше ста двадцати, - подводит итог Анжела. – Я читала про это всю ночь, и не смогла найти записи ни об одном Димидиусе или Квортариусе, который бы прожил дольше. Каждый, о ком мне удалось найти хоть что-то, умирал либо до своего сто двадцатилетия, или в течение этого года, но никто не дожил до сто двадцати одного. – Внезапно Джефффри издает шокированный звук. Он вскакивает на ноги. – Ты несешь чушь, Анжела. – Его лицо искажает выражение, которое я никогда раньше не видела, дикое и отчаянное, полное ярости. Оно пугает меня.

- Джефффри..., - начинает Анжела.

- Это не правда, - говорит он, будто угрожает ей. – Как такое возможно? Она совершенно здорова.

- Окей, - медленно говорю я. – Давайте успокоимся. Итак, нам отмеряно сто двадцать лет. И ни дня больше, так?

- Клара, - шепчет Кристиан, и я чувствую от него что-то вроде жалости, а затем на меня обрушивается осознание.

Я такая дура. Как я могла быть такой глупой? Вот я думаю, что все нормально, что сто двадцать лет – это нормально, потому что мы хотя бы останемся молодыми и сильными. Как мама. Мама, которая не выглядит старше сорока. Мама, которая родилась в 1890. Маргарет и Мэг, и Мардж, и Марго, и Меган, и все эти незнакомки, кем она была в прошлом. И Мэгги – моя мама, которой несколько недель назад исполнилось сто двадцать.

Меня тошнит.

Джефффри бьет кулаком в стену. Его кулак проламывает ее, словно она сделана из картона, куски штукатурки летят в разные стороны, его удар такой сильный, что кажется, будто все здание пошатнулось.

Мама.

- Мне пора, - говорю я, вставая так быстро, что мой стул переворачивается. Я даже не останавливаюсь, чтобы поднять рюкзак. Я просто бегу к выходу.

- Клара, - зовет Анжела. – Джефффри...стойте!

- Пусть идут, - уже у дверей я слышу голос Кристиана. – Им нужно домой. – Я не помню, как доехала до дома. Я просто здесь, уже паркуюсь на подъездной дорожке, руки так крепко сжимают руль, что костяшки побелели. В зеркало заднего вида я замечаю грузовик Джефффри, паркующийся позади меня. И теперь, когда я здесь, нарушив, вероятно, десяток правил дорожного движения, чтобы оказаться дома как можно быстрее, часть меня хочет уехать прочь. Я не хочу заходить внутрь. Но мне придется. Я должна узнать правду.

Анжела и раньше ошибалась, думаю, хотя я и не могу вспомнить, когда. Порой она несет такую чушь.

Но она не ошиблась.

Мой сон про кладбище Аспен-Хилл – это похороны не Такера. А мамы.

Я чувствую себя как в Диснейленде, в чайной чашке, это головокружение, перед глазами все вертится, хотя мое тело и неподвижно. Мои чувства – это беспорядочный коктейль из облегчения, что это не Такер, смешанный с шоком и разрывающей болью, чувством вины и приправленный горем и растерянностью. Меня может вырвать. Я могу потерять сознание. Могу заплакать.

Я выхожу из машины и медленно поднимаюсь по ступенькам крыльца. Джеффри идет позади меня, когда я открываю входную дверь и иду по коридору мимо гостиной, кухни, направляясь к мамину кабинету. Дверь со скрипом открывается, и я вижу ее читающей что-то на своем компьютере, на ее лице концентрация, пока она смотрит на монитор.

Мной овладевает странное спокойствие. Я стучу, легкий удар костяшками по дереву. Она поворачивается и поднимает глаза.

- Привет, милая, - говорит она. – Рада, что ты дома. Нам очень нужно поговорить о...

- Полу-ангелы живут только сто двадцать лет? – выдавливая я из себя.

Ее улыбка гаснет. Она переводит взгляд с меня на Джеффри, стоящего позади. Затем она поворачивается к своему компьютеру и выключает его.

- Анжела? – спрашивает она.

- Какая разница, откуда мы узнали? – говорю я, мой голос звучит остро, пронзительно. – Это правда?

- Заходите, - говорит она. – Присядьте.

Я сажусь в одно из ее уютных кожаных кресел. Она поворачивается к Джеффри, который скрестил руки на груди и продолжает стоять в дверном проеме.

- Так ты умираешь, - монотонно говорит он.

- Да.

Его лицо выражает испуг, руки опускаются по бокам. Думаю, он ожидал, что она будет отрицать это. – Значит, ты умираешь, только потому, что Бог решил, что нам нельзя жить слишком долго?

- Все намного сложнее, - говорит она. – Но по существу, так и есть.

- Но это не честно. Ты еще молода.

- Джеффри, - говорит мама. – Пожалуйста, сядь.

Он садится в соседнее кресло, и теперь мама может смотреть на нас обоих. Я изучаю ее лицо, пока она пытается собраться с мыслями.

- Как это случится? – спрашиваю я.

- Я не уверена. Это зависит от нас. Но с прошлой зимы я стала заметно слабее. Особенно за эти последние несколько недель.

Преследующие ее головные боли. Усталость, которую она списывала на проблемы на работе. Ее холодные руки и ноги, то, что ее тепло, казалось, ушло. Новые морщинки. Круги под глазами. То, как она сидела все эти дни, все время отдыхая. Не могу поверить, что я не собрала все воедино раньше.

- Итак, ты слабеешь, - говорю я. – А затем ты просто исчезнешь?

- Моя душа покинет тело.

- Когда? – спрашивает Джеффри.

Она бросает на нас тот грустный, задумчивый взгляд, который мне так знаком. – Я не знаю.

- Весной, - говорю я, потому что это единственное, что я знаю. Мои сны показали мне.

Что-то горячее и тяжелое поднимается у меня в груди, такое сильное, что начинает шуметь в ушах и выбивает воздух из легких. Я начинаю задыхаться. – Когда ты собиралась сказать нам? – Ее глаза цвета полуночи светятся состраданием, что я нахожу ироничным, потому что умирает именно она. – Тебе нужно было сосредоточиться на предназначении, а не на мне. – Она трясет головой. – И, кажется, я была эгоисткой. Я не хотела умирать. Я собиралась сказать вам сегодня, - говорит она, снова устало вздыхая. – Я пыталась сказать тебе утром...

- Но есть же что-то, что мы могли бы сделать, - перебивает ее Джеффри. – Обратиться к каким-нибудь высшим силам, да?

- Нет, дорогой, - нежно отвечает она.

- Мы можем помолиться или еще что-нибудь, - настаивает он.

- Мы все умрем, даже полу-ангелы. – Она поднимается и встает на колени перед креслом Джеффри, накрывая его руки своими. – Пришел мой черед.

- Но ты нужна нам, - выдавливает он. – Что будет с нами?

- Я много об этом думала, - говорит она. – Думаю, вам будет лучше остаться здесь до конца учебного года. Я передам опеку Билли, она уже согласилась. Если вы не против.

- Не отцу? – спрашивает Джеффри с дрожью в голосе. – Отец хотя бы в курсе?
- У вашего отца... у него нет возможности позаботиться о вас.
- Ты имеешь в виду, у него нет времени? – уточняю я без всякого выражения.
- Ты не можешь умереть, мам, - говорит Джеффри. – Ты не можешь.

Она обнимает его. Какое - то мгновение он сопротивляется, пытается отстраниться, но вскоре сдается, его плечи вздрагивают, пока она держит его, из его груди вырываются рыдания. Я слышу этот рев раненого животного, исходящий от моего брата и разрываюсь надвое. Но я не плачу. Я хочу злить на нее, обвинить ее в том, что она самая большая лгуня, которую я встречала в своей жизни, кричать, что она бросает нас, может, самой пробить дыру в стене, но я не делаю ничего из этого. Я вспоминаю, что она сказала мне сегодня утром про смерть. Я думала, она говорит обо мне и Такере, но теперь понимаю, что она говорила о нас с ней.

Я обнаруживаю себя на полу, ползущую на коленях к креслу Джеффри. Мама отстраняется, смотрит на меня, ее глаза блестят от слез. Она раскрывает для меня объятия, и я прижимаюсь к ней, окутанная ее парфюмом из розы и ванили и одеколоном Джеффри. Я ничего не чувствую, словно я парю вне моего тела, оторванная от него. И все еще не могу дышать.

- Так вас люблю, - говорит она мне в волосы. – Вы даже не представляете, какой чудесной сделали мою жизнь.

Джеффри всхлипывает. Супер-мачо Джеффри рыдает так, будто его сердце разбито.

- Мы пройдем через все это вместе, - жестко говорит мама, снова отстраняясь, чтобы заглянуть в наши лица. – Все будет хорошо.

За ужином она другая. За столом только она и я, потому что у Джеффри матч по реслингу, и она уговорила его пойти. Она говорит не много, но есть в ней что-то легкое, что-то в ее манере сидеть так прямо, что мне кажется, что раньше она сутулилась, в том, как она ест все, до последнего кусочка, что я понимаю, что раньше она просто капалась в еду. Внезапно она кажется намного сильнее, как будто это не болезнь давила на нее, а то, что ей приходилось держать это в секрете. Теперь мы знаем, и это больше не секрет, поэтому он не давит на нее, и в этот момент она чувствует себя самой собой. Это не продлится долго. Мама знает, что не продлится. Но она настроена наслаждаться этим моментом нормальной жизни.

Она со вздохом кладет вилку, смотрит на меня через стол и поднимает брови. У меня уходит секунда, чтобы понять, что я читаю ее эмоции.

- Прости, - бормочу я.
- Еще спагетти?

Я смотрю в свою тарелку. Я почти не прикоснулась к еде. – Не надо. Я просто... - Ты умираешь, думаю я. Как я могу есть, зная, что ты умираешь, а мы ничего не можем сделать, чтобы предотвратить это?

- Прошу прощения, - я встаю со стула прежде, чем она успевает ответить.

- Конечно, - говорит она со смущенной улыбкой. – Я обираюсь пойти на матч Джеффри. Хочешь присоединиться?

Я трясую головой.

- Мы сможем поговорить позже, если хочешь, - говорит она.

- Могу я отказаться? Я имею в виду, может потом, не прямо сейчас, мне не очень хочется разговаривать. Хорошо?

- Конечно. Понадобится некоторое время, чтобы привыкнуть к этому, всем нам. – Я прячусь в тишину своей спальни и закрываю дверь. Смогу ли я когда-нибудь привыкнуть к мысли, что я потеряю свою маму? Это кажется таким нелепым, почти невозможным, моя мама, которая как супермама поддерживает Джеффри на всех его играх, снимает мои танцевальные номера, печет печенье для продажи в поддержку команды по реслингу, уже не говоря о том, что она прогнала Черное Крыло и способна одним махом буквально перепрыгнуть (ладно, перелететь, хотя какая разница?) через дом. И она умрет. Я точно знаю, как это будет. Мы положим ее тело в гроб. В землю.

Это как плохой сон, от которого я никак не могу проснуться.

Я тянусь к телефону. На автомате набираю номер Такера. Отвечает Венди.

- Мне нужно поговорить с Такером.
- Хм, он вроде как потерял право болтать по телефону.

- Вен, пожалуйста, - говорю я, и мой голос срывается. – Мне нужно поговорить с Такером. Прямо сейчас.

- Ладно. – Она бежит за ним. Я слышу, как она говорит ему, что у меня что-то случилось.

- Привет, Морковка, - говорит он, беря трубку, - что случилось?

- Моя мама, - шепчу я. – Это моя мама.

Я замечаю какое-то движение за окном. Кристиан. Я чувствую, что он излучает беспокойство, как лампочка жар. Он хочет сказать мне, что понимает. Он тоже потерял мать. Я не одинока. Но он передумал говорить это, потому что знает, что эти банальные слова просто бессмысленны в такой момент. Ему просто хочется посидеть со мной, часами, если это будет необходимо.

Он бы выслушал, если бы мне хотелось выговориться. Он бы обнял меня.

Я совершенно не ожидала этого от него. Когда я сказала Такеру, он все время повторял, как ему жаль, снова и снова, и я поняла, что он не знал, что еще сказать, как реагировать на такую новость, поэтому я сказала, что мне пора идти и положила трубку.

Я встаю, подхожу к окну и стою около минуты, глядя на Кристиана, на его спину, потому что он отвернулся от меня, как обычно расположившись на карнизе. Он одет в черную флисовую куртку. Я так хорошо знаю его в этом ракурсе. Он здесь ради меня. Такое чувство, что он всегда, так или иначе, был здесь.

Снежинка падает на стекло. За ней еще одна. Затем они действительно начинают падать, большие, тяжелые, летящие в сторону дома. Кристиан расстегивает молнию на кармане куртки, вытаскивает черную вязаную шапку и надевает ее. Он прячет руки в карманы. И ждет.

Мне хочется позвать его. В своем воображении я представляю, как все это будет происходить. Вот я открываю окно и произношу его имя в холодный воздух. Я иду к нему. Он оглядывается. Вот он пытается сказать что-нибудь, но я останавливаю его. Вот я беру его за руку и веду к окну, назад в мою комнату, и он заключает меня в объятия. Это было бы как в моем сне. Он помог бы мне. Я могла бы опереться на него. Это было бы так же просто, думаю я, как позвать его по имени.

Его спина напрягается. Неужели он слышит все мысли, что роятся в моей голове?

Я отхожу от окна.

Я говорю себе, что не хочу чувствовать себя лучше. Во всем этом не может быть ни счастья, ни комфорта. Мне хочется быть опустошенной. Поэтому я отворачиваюсь от Кристиана и иду в ванную, переодеться в пижаму. Я игнорирую присутствие Кристиана, когда возвращаюсь и вижу, что он все еще там. Должно быть, он замерзает, но я отгоняю от себя эту мысль. Я ложусь на кровать, спиной к окну, и, наконец, приходят слезы, скатываясь по моему лицу, в уши, на подушку. Я лежу так долго, возможно, несколько часов, а когда я уже почти засыпаю, мне кажется, что я слышу взмахи крыльев - Кристиан улетает.

ГЛАВА 10. ОТСУТСТВИЕ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

(Переводчик: lialilia; Редактор: [unreal])

Я закрываю свой учебник по физике, по которому безуспешно пыталась решить одну и ту же задачу на принцип Гейзенберга³² уже третий раз за сегодняшнее утро. К чему хорошие оценки, думаю я. Кого вообще волнуют эти оценки? Я хотя бы уже подала заявление в свои колледжи, и даже сдалась под напором Анжелы и подала заявку в Стэнфорд, который по-прежнему считаю недостижимой целью, несмотря на то, что сказала мама.

Может быть, мне вообще не стоит идти в колледж. Я имею в виду, что Джеффри исполнится шестнадцать к тому времени, когда умрет мама, и хотя он и согласился на всю эту затею с Билли, который станет нашим официальным попечителем, он будет нуждаться во мне здесь, правда? Я его единственная семья.

Я ложусь на кровать и закрываю глаза. Дни сливаются в одно размытое пятно. Прошли недели с тех пор, как мама подтвердила свой смертный приговор. Я хожу в школу, словно ничего не случилось.

³² **Принцип неопределённости Гейзенберга** (или **Гайзенберга**) в квантовой механике - фундаментальное неравенство (соотношение неопределённостей), устанавливающее предел точности одновременного определения пары характеризующих квантовую систему физических наблюдаемых, описываемых некоммутирующими операторами (например, координаты и импульса, тока и напряжения, электрического и магнитного поля). Соотношение неопределенностей задаёт нижний предел для произведения среднеквадратичных отклонений пары квантовых наблюдаемых. Принцип неопределённости, открытый Вернером Гейзенбергом в 1927 г., является одним из краеугольных камней квантовой механики.

Возвращаюсь домой. Делаю домашнюю работу. Продолжаю принимать душ и чистить зубы, продолжаю держаться. У нас было несколько собраний ангельского клуба, но сейчас они уже не кажутся такими важными. Джеффри перестал ходить на них вовсе. Я уже ни с таким усердием тренируюсь вызывать сияние сейчас, когда поняла, что не так уж много могу сделать. Я не могу спасти маму. Не могу сделать ничего, кроме как влачить подобие существования, как зомби. Такер и я выбрались на двойное свидание с Венди и Джейсоном, и я пыталась притвориться, что все в порядке. Но все это, словно кто-то нажал кнопку паузы на моей жизни.

Моя мама умирает. Думать о чем-то другом трудно. Какая-то часть меня до сих пор не может поверить, что это правда.

Что-то ударяется в мое окно. Я открываю глаза, испуганная. Комок снега соскальзывает по стеклу. У меня уходит секунда, чтобы сообразить: кто-то бросил снежок в мое окно.

Я торопливо подбегаю и открываю окно как раз тогда, когда второй снежок пролетает в воздухе. Мне приходится наклонить голову в последнюю секунду, что бы он не попал мне в голову.

- Эй! – вскрикиваю я.

- Прости, - это Кристиан, стоящий внизу во дворе. – Я целился не в тебя.

- Что ты делаешь? – спрашиваю я.

- Пытаюсь привлечь твоё внимание.

Я смотрю мимо него, на вход в наш дом, где вижу блестящий черный грузовик, припаркованный на подъездной дорожке. – Что ты хочешь?

- Я приехал, чтобы вытащить тебя из дома.

- Зачем?

- Ты просидела там всю неделю, хандря, - отвечает он, смотря на меня прищуренными глазами. – Тебе нужно выйти оттуда. Ты должна повеселиться.

- И ты назначил себя разносчиком радости.

Он улыбается. – Да.

- И куда мы собираемся? Если предположить, конечно, что я достаточно сумасшедшая, чтобы поехать.

- На гору, конечно, - На гору. Будто она здесь только одна. Но когда он произносит это, мое сердце автоматически начинает биться быстрее.

Потому что я точно знаю, что он имеет в виду.

- Отряхни от пыли свое снаряжение, - говорит он. – Мы едем кататься на лыжах.

Окей, я не могу сказать нет лыжам. Это как наркотик для меня. И именно поэтому спустя примерно час я обнаруживаю себя, сидящей в кресле подъемника рядом с Кристианом, с вишневым «Джолли Рочер» во рту, зависшей над снежной лыжней, наблюдающую за лыжниками, прочерчивающими волнистые линии вниз по склону. Это нетерпение от того, что я так высоко, холодный ветер на моем лице и звук поскрипывания лыж о снег. Это небесное блаженство.

- А вот и она, - произносит Кристиан, глядя на меня с чем-то, напоминающим восхищение во взгляде.

- Она?

- Твоя улыбка. Ты всегда улыбаешься, когда катаешься на лыжах.

- Откуда ты знаешь? – поддеваю я, хотя знаю, что это правда.

- Я наблюдал за тобой в прошлом году.

- Окей, что ж, когда ты катаешься, у тебя на лице появляется забавное выражение, особенно на твоих губах.

Он изображает шок.

- Не появляется.

- Еще как появляется. Я тоже наблюдала за тобой.

Колеса грохочут, когда наши кресла достигают станции, и некоторые лыжники зовут друг друга внизу. Я отворачиваюсь от его ищущих зеленых глаз. Помню прошлый год, когда то, что я оказалась с ним в одной кабинке подъемника, могла поговорить с ним, по-настоящему поговорить с ним в первый раз, казалось волшебным поворотом судьбы.

Сейчас мне не хочется говорить.

Он чувствует мое нежелание, а, может, читает мои мысли.

- Ты можешь поговорить со мной, Клара.

- Разве тебе не будет легче прочитать мои мысли?

Выражение его лица омрачается. – Я не сканирую твой разум, когда бы мне ни захотелось, Клара.

- Но ты можешь.

Он пожимает плечами. – Мои силы непредсказуемы, когда дело касается тебя.

- Здорово, что что-то в твоей жизни может быть непредсказуемым, - говорю я.

Он отводит взгляд и стряхивает снег со своих лыж, постукивая их друг о друга. Мы наблюдаем, как снег падает вниз на землю.

- Чтение мыслей – это не так уж и круто, знаешь. Я имею в виду, понравилось бы тебе идти по школьному коридору, точно зная, что каждый думает о тебе?

- Это было бы отстойно.

- Но с тобой, это по-другому, - говорит он. – Будто иногда ты просто говоришь со мной, даже не зная, что делаешь это. Я не знаю, как заблокировать это. Я не хочу делать это, честно говоря.

- Что ж, это несправедливо. Мне почти никогда не удастся узнать, что ты думаешь. Ты Мистер Загадка, который знает обо всем больше меня, но ничего не говорит.

Мгновение он наблюдает за выражением моего лица, затем произносит:

- Большую часть времени, когда ты думаешь обо мне, ты хочешь, чтобы я ушел.

Я выдыхаю:

- Кристиан.

- Если ты хочешь узнать, что происходит у меня в голове, спроси меня, - говорит он. – Но у меня создалось впечатление, что ты не хочешь знать.

- Эй, я хочу узнать все, - возражаю я, хотя это и не совсем правда.

Потому что я не хочу понимать, каким могло быть наше будущее, если бы я не выбрала Такера. Я не хочу чувствовать то, что он всегда заставляет меня чувствовать: смущение, страх, волнение, вину, тоску, осознание самой себя и всего того, что чувствую я и чувствует он, словно он имеет силу магическим образом включать мое сочувствие, даже если это правда – я не хочу знать этого. Я не хочу нуждаться в нем.

- Господи, я просто хочу знать, каким должно было быть мое предназначение, - продолжаю я. - Почему кто-то не может просто сказать мне: вот твое предназначение, так что иди и сделай это? Неужели я прошу слишком многого? И где был мой брат той ночью в лесу? И что за тайный бойфренд у Анжелы? И еще я хочу знать, почему Черное Крыло влюблен в мою маму, и каким было ее предназначение, и почему она до сих пор, даже когда умирает, не хочет рассказать мне все, и если ты скажешь, что все это для того, чтобы защитить меня или моего брата или что-то вроде того, я думаю, что столкну тебя с этого подъемника. Или все это какое-то наказание за то, что я не смогла осуществить предназначение? Что возвращает меня обратно к вопросу, какое же оно, мое дурацкое предназначение? Потому что я действительно, действительно хотела бы знать это.

Кристиан встряхивает головой:

- Вау.

- Я говорила тебе.

- Так у Анжелы есть тайный бойфренд... - произносит он.

- Вот черт, я не должна была говорить тебе вовсе.

- Нет, не должна была, – добавляет он, смеясь. – Я никому не скажу. Хотя сейчас мне достаточно любопытно.

Я тяжело вздыхаю. – У меня проблемы, когда дело касается хранения секретов.

Он бросает на меня взгляд.

- Не думаю, что ты будешь наказана за это.

- Не думаешь?

- Эй, я даже не знаю, каково *мое* предназначение, - говорит он, и затем его голос смягчается. – Но я точно знаю, что если бы у тебя не было видений о пожаре, ты никогда не приехала бы в Вайоминг. Мы не сидели бы в креслах подъемника прямо сейчас. Если бы твоя мама рассказала тебе о конгрегации раньше, ты бы пришла на последнее собрание, то, где был я, и мы бы узнали друг о друге еще до пожара. Все произошло бы по-другому. Правильно?

Да, все было бы по-другому. Мы бы знали, что не были предназначены спасти друг друга. Что наша встреча в лесу должна была стать чем-то иным. И что бы случилось тогда? Полетела бы я спасать Такера, зная все это?

- Это все похоже на тест, - я откидываюсь назад в кресле и поднимаю глаза к небу. – Словно все это одна длинная проверка, и сейчас, это видение с кладбищем – это следующий вопрос. Хотя все и выглядит так, словно я ничего не могу сделать. С пожаром, я хотя бы знала, что могу что-то предпринять.

- Что ты могла сделать? – спрашивает он меня удивленным голосом.

- Спасти тебя. Только на самом деле я не должна была делать этого, правда?

- Это самая сложная часть, - отвечает он. – Отсутствие определенности. – Фраза звучит хорошо. Она может стать девизом моей жизни.

- И если все это тест, каким ты думаешь, будет ответ? – спрашивает он.

Ты, думаю я, ответ должен быть связан с тобой, но я не говорю ему этого. Думаю, я до сих пор борюсь со своим предназначением, даже сейчас, когда знаю, что это моя мама умирает, а не Такер. Я до сих пор чувствую себя так, будто меня просят сделать выбор между Кристианом и Такером.

- Без понятия, - отвечаю я, наконец.

- Ясно. Итак...- отвечает он. – Есть что-то, о чем ты хочешь спросить меня лично? Не могу обещать, что дам хороший ответ, но я попробую.

Я говорю первое, что приходит в голову:

- Ты... любил Кей?

Он отводит взгляд, смотрит на долину и город внизу, снова стучит своими лыжами, мягко. Негодует из-за моего вопроса.

Прости, думаю я.

- Нет, это не справедливый вопрос, - говорит он. Вздыхает. – Да. Я любил ее.

- Тогда почему вы расстались?

- Потому что она узнала бы обо мне.

- Ты не рассказал ей?

Он тоже откидывается в кресле и глубоко вдыхает.

- С первого дня в моей голове билась мысль, что мы не должны рассказывать людям. Мой дядя говорит, что это плохо для обеих сторон. И он прав – невозможно иметь отношения с человеком, настоящие отношения, во всяком случае, чтобы они не заметили, что что-то в тебе не так. И когда заметят, то что?

Неожиданно я вспоминаю своего отца, то, как он переехал на другой конец страны после их с мамой разрыва, что в ретроспективе кажется чрезмерным, только если, доходит до меня, он не узнал, что она не была человеком. Может поэтому он и бросил нас. Может дядя Кристиана прав. Возможно, наши отношения с людьми обречены.

Уголок рта Кристиана приподнимается.

- Думаю, нам нужно выбирать по-настоящему глупых людей, чтобы встречаться с ними.

- Кей не глупая, - говорю я. Она может быть коронованной королевой, притворяться недалекой в классе иногда, но она не идиотка.

- Нет, Кей не глупа, - соглашается он. – И в определенный момент нельзя было бы не сказать ей. Она бы пострадала.

Я думаю о ночи, когда Такер узнал обо мне, его затравленном взгляде, сумасшедших предположениях, которые он делал. Он не успокоился бы, пока я не раскрыла себя.

- Я понимаю, - говорю я тихо, смотря вниз на свои перчатки.

- И как много знает Такер? – спрашивает он. – Потому что он тоже не глуп.

Меня смущает, что Кристиан такой хороший ангел, который делает правильные вещи и хранит все в секрете, в то время как я так очевидно этого не делаю. Как влюбленный щенок, импульсивно, эгоистично, я рассказала все человеку. Я рискнула всем, особенно самим Такером.

- Так много, да? – спрашивает Кристиан.

- Я рассказала ему... многое.

- Обо мне?

- Да.

Его глаза, когда он смотрит на меня сейчас, на десять градусов холоднее, чем были минуту назад.

- Я говорила тебе, что плохо храню тайны, - повторяю я снова.

- Что ж, ты все-таки сохранила от него один секрет, и разве ты не счастлива, что сделала это? – он говорит о моем сне, конечно. О том, что оказалось, что это мамина могила, а не Такера, как я считала.

- Да, - признаю я. – Хотя не знаю, подходит ли в этой ситуации слова *счастлива*.

- Я знаю.

Он снова надевает перчатки, хлопает руками, от чего я испуганно поднимаю глаза вверх.

Кабинка быстро достигает вершины горы.

- Серьезные разговоры официально закончены. Я привез тебя сюда, чтобы повеселиться.

Он выравнивает лыжные палки. Я делаю то же самое. Кресла подъезжают к вершине холма. Я поднимаю концы лыж вверх, как учил меня Кристиан в прошлом году. Когда мы достигаем определенного уровня, я поднимаюсь и отталкиваюсь, игриво задевая плечом Кристиана, и легко соскальзываю вниз. Сейчас мой уровень – синий квадрат, я больше не новичок в лыжах.

- Мой маленький вундеркинд, - говорит он с притворной гордостью. Он надевает защитные очки и улыбается коварно. – Давай сделаем это!

Все утро я почти не думаю о маме. Кристиан и я скатываемся, заплетая узоры вниз по лыжне, вперед и назад, иногда случайно вторгаясь в пространство друг друга, подрезая, играя как малые дети. Иногда мы соревнуемся, и Кристиан дает мне уехать чуть вперед, пока не использует свои силы супер-лыжника и не оставляет меня в снегу позади, но никогда не уезжает чересчур далеко без меня. Он катается на моей скорости, на моем уровне. Я ценю это.

Потом он берет меня на заснеженный трек, который, он говорит, что любит. Мы стоим на вершине, смотря вниз.

Знак, размещенный в стороне, гласит, что уровень этого склона - черный бриллиант. Не просто сложная, а экстрем-супер, ты-можешь-погибнуть-если-не-знаешь-что-делаешь трасса. Я смотрю на нее широко распахнутыми глазами.

- Ой, перестань, не превращайся в цыпленка сейчас, - Кристиан практически бросает мне вызов. – В тебе кровь ангелов. Ты практически неуязвима, помнишь? Это будет легко, вот увидишь.

Я никогда не реагировала спокойно на слово цыпленок.

Не говоря ни слова, я соскальзываю вниз по лыжне, крича по пути. Я обнаруживаю, что эта трасса – черный бриллиант не без причины. Холм убийственно отвесный, это раз. И покрыт пушистым снегом, высотой достигающим почти до пояса, который, кажется, оседает на моих лыжах и весит как тонна камней. Уже через тридцать секунд я абсолютно себя не контролирую. Через минуту я падаю. Полное уничтожение.

Кристиан поднимается ко мне, разбрызгивая снег.

- Чтоб ты знал, это был последний раз, когда я тебе поверила, - говорю я.

- Но ты такая классная, когда вот так покрыта снегом.

- Заткнись и помоги мне найти мои лыжи.

Мы ищем в снегу какое-то время, но не можем найти мои пропавшие лыжи. После десяти бесплодных минут я убеждена, что их проглотила гора.

- Спасибо большое, Кристиан.

- Не переживай, их могут найти – вот придет лето, - отвечает он со смешком.

Он не ожидает снежка, который я бросаю в него. Он взрывается снежинками у него на груди.

- Эй! – протестует он, смотря вниз.

Я бросаю в него еще один. Этот попадает ему прямо в голову. Упс.

- Ой, извини, серьезно. Я целилась не в тебя.

Мой голос затихает, когда он спокойно опускает лыжные палки в снег, нагибается, чтобы снять лыжи, которые затем так же осторожно укладывает на сугроб.

- Что ты делаешь?

- Готовлюсь, - отвечает он.

- К чему?

- К этому, - говорит он, и затем с криком бросается в мою сторону.

Я вскрикиваю, когда он поднимает меня и валит в снег.

- Только не в мое пальто! – кричу я, когда он забрасывает пригоршни снега за край моего воротника. Ледяная вода стекает вниз по моей шее. Я набираю снег в ладоши и размазываю по его лицу, сдвигая назад его очки, затем использую свою ангельскую силу, чтобы сбросить его с себя, повалить на спину и перекинуть свои ноги через него. Он безуспешно пытается остановить меня, но я умудряюсь приковать его руки к земле и забросить пару пригоршней снега за его воротник. Я победно вскрикиваю.

- Время сдаваться, - смеюсь я.

Он смеется, глядя на меня снизу вверх.

– Окей, - говорит он.

Ох.

Я останавливаюсь. Мы оба тяжело дышим, со снегом, прилипшим к волосам, тающим на нашей одежде. Я смотрю вниз, на него. Снег плывет вокруг нас. Его глаза наполнены золотистым теплом. Он разрешает мне сделать это. Он так же силен как я, если не сильнее, но он прекращает бороться со мной.

Он закусывает нижнюю губу на секунду, быстрое, мельчайшее движение, чтобы увлажнить ее.

Все, что я должна сделать, это закрыть глаза и позволить себе это.

- *Попробуй*, - говорит он без слов, так мягко, словно это прикосновение перышка к моим мыслям.
- *Давай узнаем, что тогда случится дальше.*

Но он тоже сомневается: я могу почувствовать это.

Я неловко скатываюсь с него и изо всех сил стараюсь сделать вид, что то, что почти случилось сейчас, не случилось вовсе. Он садится и начинает стряхивать снег со своих плеч. Затем неожиданно с вершины холма до нас доносится голос. Лыжный патруль.

- У вас там все в порядке там?

- Да, - кричит в ответ Кристиан. – Мы в порядке.

Он смотрит на меня, и выражение его лица неожиданно меняется.

- Я нашел их, - говорит он, наклоняясь к сугробу рядом с собой. – Они все время были здесь.

- Кто они? – спрашиваю я немного изумленно.

- Твои лыжи.

Это и кое-что еще.

- Выглядишь так, будто хорошо проводишь время, - это Такер, с которым мне случилось столкнуться в лодже в обеденное время. Я чувствую, как вспыхивают мои щеки, и на мгновение я с трудом могу сделать вдох, хотя и стараюсь выглядеть спокойной. Кристиан, слава Богу, не со мной, покупает нам еду.

- Да, веселюсь изо всех сил, - отвечаю я, наконец. – Думаю, теперь я знаю, что здесь делаю. На горе, я имею в виду. Я определенно синий квадрат. Не уверена, что готова к черному бриллианту.

Он ухмыляется.

- Я рад, что ты наконец-то решила прийти. Ты почти никогда не пользуешься своим шикарным абонементом, который тебе купила твоя мама на Рождество.

Исходя от него, эти слова звучат как серьезное обвинение. Сезонный абонемент – это больше двух тысяч долларов. Не использовать его, словно выбрасывать деньги в камин. Преступление.

- Да, но я вроде как занята в последнее время.

Он мгновенно переходит в режим супер-заботливого бойфренда.

- Все нормально? – спрашивает он. – Как твоя мама?

- С ней все нормально. Тяжело привыкнуть, что все стало известно, думаю.

- Если я что-то могу сделать, только скажи, - говорит он. – Я всегда рядом.

- Спасибо.

- Хочешь покататься на лыжах попозже? Я тренирую малышей до четырех, но затем мы можем поездить. Спорю, я до сих пор могу научить тебя одному-двум трюкам.

- Звучит здорово, но...

- Тебе, наверное, нужно возвращаться домой к маме? – предполагает он, сочувственно глядя на меня.

- Нет, я...

Кристиан выбирает именно эту минуту, чтобы появиться перед Такером с тележкой в руках.

- Извини, что так долго. Я положил все сюда, - говорит он, кивая на мой чизбургер. – Не знал, что тебе понравится.

Такер поворачивается, смотрит на Кристиана, на еду, снова на Кристиана. – Она не любит лук, - говорит он. Снова поворачивается ко мне. – Ты приехала с ним?

- Э-э, он пригласил меня, и я подумала, что это хорошая идея. Мне нужно было выбраться из дома на какое-то время.

Такер кивает рассеяно, и я внезапно осознаю, что мои волосы все еще мокрые от катания в снегу, щеки красные, а кожа светится, и не только от холода.

Держись, Клара, говорю я себе. Ничего не произошло. Ты и Кристиан друзья, и Такер понимает это, и это нормально – кататься на лыжах со своим другом. Ничего не произошло.

- *Извини*, - произносит Кристиан в моей голове, - *из-за меня у тебя неприятности, правда?*

- Нет. Все нормально, - отвечаю я, замирая от ужаса, что прямо сейчас он может слышать меня, собирать виноватые мысли из моего разума.

- Вообще-то, мне было немного страшно приглашать ее, - говорит Кристиан Такеру.

Такер скрещивает руки. – Правда?

- Я катался с ней в прошлом году, и она почти убила нас обоих.

- Хей, - возражаю я безмолвно. - *Я не делала ничего подобного. Не говори ему этого.*

- Да ладно, нечего возражать, - добивает меня Кристиан.

- Это был мой первый раз на подъемнике. Прими это во внимание, - отвечаю я.

- Что ж, она только что сказала мне, что теперь стала кататься гораздо лучше, - говорит Такер.

- Я взял ее на «Dog Face»³³, - говорит Кристиан. – Ты бы видел, как она упала. Убийственный провал.

- Вот как? Я не знал, что она когда-нибудь падала, – отвечает Такер.

Слушать этот разговор, словно наблюдать за столкновением поездов.

- С частичной потерей амуниции, - отвечает Кристиан. – Стукнулась по-крупному.

- Привет? Я вообще-то стою прямо здесь, - я стукаю его по руке.

- Это было просто...

- Это не смешно, - обрываю я его. – Было холодно.

- По идее ты должна быть имунна к холоду, - отвечает он. – Это была хорошая практика.

- Точно. Хм-м, - я пытаюсь не улыбнуться. – Практика.

- Звучит очень забавно, - говорит Такер. Он бросает взгляд на часы. – Окей, мне пора идти.

Некоторым из нас нужно работать.

Он наклоняется и целует меня в щеку, что немного неловко в лыжных ботинках и полной зимней амуниции, но мы справляемся.

- Значит, встретишь меня в четыре во дворе Мусс Крик? Я могу подвезти тебя домой, если Крис не против.

- Без проблем, - отвечает Кристиан, словно это ни сколько его не беспокоит. – В четыре часа она полностью твоя. Что оставляет нам еще сколько, три часа на лыжи?

- Здорово, - говорит Такер. А потом он обращается ко мне. – Постарайся не пораниться, хорошо?

Такер почти не разговаривает по дороге домой.

- С тобой все в порядке? – спрашиваю я, понимая, что это самый глупый вопрос всех времен, но я ничего не могу с собой сделать. Тишина убивает меня.

Неожиданно он сворачивает в сторону от дороги и паркует старую фермерскую машину.

- Вы заканчиваете предложения друг друга, - он поворачивается ко мне с безмолвным обвинением в глазах. – Ты и Кристиан. Вы заканчиваете предложения друг друга.

- Так. Это ничего не...

- Да, это значит. И больше того. Вы будто можете читать мысли друг друга.

Я кладу ладонь на его руку, стараясь найти правильные слова.

- Он заставляет тебя смеяться, - говорит он мягко, отказываясь смотреть мне в глаза.

- Мы друзья, - говорю я.

Его челюсть напрягается.

- Мы связаны, - признаю я. – Мы всегда были в каком-то смысле связаны. Из-за видений. Но мы просто друзья.

- И ты общалась с ним как с другом? Вне ангельского клуба Анжелы?

- Пару раз.

- Пару раз, - повторяет он медленно. – И сколько? Три? Четыре?

Я мысленно подсчитываю количество раз, когда он появлялся на моей крыше. – Может быть пять. Или шесть. Я не веду учет, Так.

- Шесть, - говорит он. – Вот видишь, это больше чем несколько. Думаю, это можно оценить, как довольно много.

- Такер...

- И ты не говорила мне, потому что...

³³ Прим. переводчика: название трассы уровня черный бриллиант.

Я вздыхаю:

- Я не говорила, потому что не хотела, чтобы ты... - я не могу произнести это.

- Ревновал, - заканчивает он. - Я не ревную.

Он откидывается на сидении, закрывает глаза на минуту, затем выдыхает.

- А вообще-то знаешь? Я чудовищно ревную.

Он открывает глаза и смотрит на меня с недоуменным удивлением во взгляде.

- Вау. Терпеть не могу вести себя так. Весь день я был на волоске от того, чтобы превратиться в Брюса Баннера³⁴ и врезаться по шкафчику, как Халк. Могу поспорить, это не очень привлекательно?

Я не могу сказать, серьезно ли он, так что веду себя так, будто он пошутил.

- Вообще-то это даже здорово, в стиле пещерного человека. Зеленый – определенно твой цвет.

Он смотрит на меня неуклонно.

- Но ты не можешь меня винить. В прошлом году Прескотт тебе нравился.

- Но это было, потому что я думала, что он моя... - и снова я не могу произнести это.

- Твоя судьба, - договаривает Такер. - И почему мне от этого не легче?

- Видишь, кто теперь заканчивает мои предложения? Он и я - друзья, - снова настаиваю я. - Я признаю, что была немного одержима идеей о Кристиане в прошлом году. Но это была именно идея. Я даже не знала его, а ты - это по-настоящему.

Он смеется. - Я это по-настоящему, - смеется он, но я могу сказать, что это ему нравится.

- Кристиан мое прошлое, ты - будущее.

И теперь я говорю, используя клише.

- Ты мое настоящее, - добавляю я быстро, и это не лучше.

Уголок его рта поднимается в попытке улыбнуться.

- Ого, Марковка, ты только что сказала, что я Мистер Райт³⁵?

- Извини.

- Господи, ты всегда так умеешь использовать слова. Успокойся, мое сердце³⁶.

- Я не сказала это в этом смысле.

- Так ты и Прескотт друзья. Добрые-добрые друзья. Хорошо. Я могу с этим смириться. Но скажи мне одну вещь: было ли что-то между тобой и Кристианом, по-настоящему, не в твоих видениях и не то, что от тебя ожидают другие ангелы, и тому подобное, а в реальной жизни, что угодно, о чем мне надо знать? Даже если это произошло до того, как мы начали встречаться?

Ох... Думаю, мы уже выяснили, что я не лучший обманщик. Чаще всего, сталкиваясь с выбором между тем, чтобы признать правду и выдумать отговорку, даже если для лжи есть хорошая причина, такая как защита моей семьи или охрана мира от знания об ангелах, я замираю, мое лицо деревенеет, а во рту пересыхает. Другими словами, я задыхаюсь. Вот почему я удивляю саму себя, когда глядя прямо в незащитные глаза Такера, глаза, говорящие, что он любит меня, но хочет знать правду, независимо от того, как больно от этого станет, я говорю совершенно спокойным и твердым голосом:

- Нет, ничего.

И он верит мне.

Затем я чувствую скорбь. Всего мгновение, вот она здесь и через несколько ударов сердца уже исчезла, так быстро, что Такер не замечает слезинки, скатившейся из моих глаз.

На этот раз я даже не предполагаю, что это Черное Крыло. Это я.

Я отбрасываю эту мысль.

³⁴ **Брюс Баннер** - физик, получивший изрядную долю гамма-излучения во время собственного эксперимента и из-за этого превращающийся в Халка, являющегося его эмоциональным и импульсивным альтер-эго.

³⁵ **Мистер Райт** - герой истории, рассказанной американским онкологом Филипом Вестом. У Райта была поздняя стадия рака лимфатических узлов - лимфосаркома. Он умирал, и все, что могли сделать доктора, - это давать ему обезболивающие средства. У них уже не осталось никаких надежд, но надежды остались у Райта. Он был уверен, что очень скоро должны разработать новое лекарство.

В один прекрасный день его лечащий врач обнадежил Райта. Сказал, что изобрели лекарство от его болезни и Райт может испытать его на себе. Специально создав торжественную обстановку, доктор сделал ему первую инъекцию "препарата удвоенной силы", который в действительности был водой. И мистер Райт начал выздоравливать. Вскоре он снова вернулся к своей нормальной жизни, летая на аэроплане в добром здравии.

³⁶ **«Успокойся, мое сердце»** - выражение, передающее волнение, возникающее при виде объекта воздыхания.

Первоначально использовалось для характеристики бесчувственности женщины в романтический период, сейчас же часто употребляется иронически для описания неподходящих партнеров.

ГЛАВА 11. НАДВИГАЕТСЯ БУРЯ

(Переводчик: Наталья Цветаева; Редактор: [unreal])

Когда в прошлом году сошел снег, было так здорово убрать зимние пальто, вдыхать запах обновленной земли и ловить первые намеки тепла, возвращающегося в долину. А в этом году с крыши капает растаявший снег, крошечные побеги пробиваются наружу на цветочных клумбах, на осинах разворачиваются зеленые листочки, и все это вселяет в меня ужас.

Пришла весна. Между этим моментом и летом мама нас покинет.

В последнем сне я вижу себя на кладбище, поднимающуюся на холм солнечным днем. Наблюдая за людьми вокруг, я осознаю, что эта толпа состоит в основном из тех, кого я видела на встрече. Уолтер держит платок. Билли, которая совсем не выглядит расстроенной, скорее жизнерадостной, улыбается мне, когда ловит мой взгляд. Мистер Фиббс в сером твидовом повседневном пальто. Есть еще и другие, кого я не знаю, полу-ангелы со всех уголков мира, люди, с которыми моя мама жила и работала на протяжении ста двадцати лет, проведенных ею на земле.

Теперь кажется таким очевидным, что это касалось мамы. Почему я не поняла этого с самого начала?

Ответ прост: потому что Такер так и не появился. Ни разу. Ни в одном видении.

И в этот раз тоже. Я стараюсь игнорировать чувство, что меня обманули, что для него не может найтись ни одной веской причины не прийти на похороны моей матери. Он не умрет, и это огромное облегчение. Но его здесь нет.

Если бы только это видение показало мне, что делать, что от меня требуется, дало ощущение – простите за каламбур – *предназначения* всего этого, возможность потренироваться и подготовиться, как было перед пожаром. Но, кажется, сон не говорит мне что делать, кроме как готовиться к самой большой потере в моей жизни. Я чувствую себя букашкой под огромным ботинком Бога, и все, что говорит мне этот сон, все, к чему он меня ведет – это появиться и стоять там, в ожидании пока меня раздавят.

Если я все же когда-нибудь встречу с Богом, как обычно рассказывала про это мама, Ему придется многое мне объяснить, вот что я скажу. Потому что все это кажется ужасным.

Во сне мы подходим к месту у вершины холма, где все останавливаются. Я иду словно под водой, один медленный шаг за другим. Когда толпа расступается чтобы пропустить меня, что-то начинает замерзать у меня внутри. Я перестаю дышать, когда делаю последние шаги. Я думаю, что не хочу ничего видеть.

Но я вижу. Ничто не могло подготовить меня к виду моей мамы, лежащей в гробу, богатом и блестящем гробу цвета махагона, увенчанного горой белых роз.

В этот момент мне в голову приходит идиотская мысль. Не знаю, моя ли она или Клары из будущего, но я думаю, сама ли мама выбирала гроб? Это так на *нее* похоже. Я представляю ее выбирающей гроб, бродящей по выставочному залу, осматривающей гробы так же, как она это делала с древней мебелью, оценивая размеры, наконец, смотрящей на продавца, указывающей на один и говорящей: «Я возьму вот этот». Вот этот.

Глаза застилает пелена. Я пошатываюсь. Рука Кристиана неожиданно исчезает из моей. Он подходит ближе, обвивая рукой мою талию, помогая стоять ровно. Его другая рука, в этот раз правая, возвращается в мою руку. Он коротко выдыхает.

- *Хочешь присесть?* - нежно спрашивает он у меня в мыслях.

- *Нет,* - отвечаю я. Теперь я вижу отчетливо. Я смотрю на Джеффри, его руки сжаты в кулаки, и он так пристально уставился на гроб, что мне кажется, тот сейчас загорится. Сначала мне хочется смотреть куда угодно, лишь бы не на гроб, но когда я делаю это, когда осматриваюсь по сторонам, то все, что я вижу – это лица людей, бегающие глаза, выражение сочувствия на лицах. Я заставляю себя сосредоточиться на одной белой розе. Свет просачивается через листву деревьев под углом, который падает только на один маленький бутон, только начавший раскрывать свои сияющие идеально белые лепестки.

Затем приходит скорбь, волны горя так сильны, что я прилагаю усилия, чтобы сдержать удушающий звук, зарождающийся у меня в горле. Я чувствую себя странно обособленной, ускользающей. Кто-то подходит к другой стороне гроба и прочищает горло. Это рыжеволосый мужчина

с серьезными глазами орехового цвета. Мне требуется несколько секунд, чтобы узнать его. Стивен. Священник или что-то вроде того. Наши взгляды встречаются.

- *Он хочет знать, готова ли ты,* - говорит Кристиан в моей голове.

- *Готова?*

- *Чтобы он начал.*

- *Да. Пожалуйста.*

Стивен торжественно кивает.

- Наша нежно любимая, - говорит он.

И тогда я понимаю. Я не слышу слов, когда он продолжает свою речь с легким ирландским акцентом. Уверена, он говорит хорошие вещи о моей маме. О ее мудрости. Ее доброте. Ее силе. Слова, которые даже близко не могут ее описать.

Я сосредотачиваю внимание на розе.

Скорбь нарастает, растягиваясь по моему телу, как лед по реке. Скоро они опустят гроб в землю. Они засыпят его землей. Моя прекрасная, яркая, милая Мэг исчезнет навсегда...

Мое сердце переворачивается. Это не похоже на ту волну скорби, которая накатывала прежде. Эти слова – это не мои слова. Не мое горе, не мои чувства.

Черное Крыло здесь.

Семьязя.

Внезапно я начинаю воспринимать каждую мелочь. Я чувствую ветерок на голых руках. Вдалеке в деревьях поют птицы. Я чувствую запах сосен, роз и полевых цветов. Я всматриваюсь в лица вокруг, некоторые отвечают скорбными взглядами, но я не вижу Семьязу. Теперь его чувства приникают в меня громко и ясно. Это он. Я уверена. Он наблюдает за нами на расстоянии и ненавидит то, как мы столпились у ее могилы, чтобы сказать последнее прощание в ее последние мгновения на земле. Он думает, что любил ее. Он любил ее и он в бешенстве, что потерял ее после всех этих лет ожидания. Он ненавидит нас. Если бы его ненависть была солнцем, оно спалило бы нас дотла.

- Ладно, давайте-ка все успокоимся, - говорит Билли, глядя на кружок полу-ангелов, собравшихся на лугу вокруг костра. – Это не такая большая проблема.

- Не проблема? – восклицает женщина с другой стороны круга. – Она сказала, что Черное Крыло будет у могилы Мэгги.

- Может, она ошибается. Черное Крыло на может прийти на кладбище. Там земля освящена, - говорит кто-то.

- А Аспен-Хилл освящен? Это не традиционное кладбище. Это же не церковный двор.

- Освящен. Там похоронены и другие представители нашего вида, - говорит Уолтер Прескотт.

Наши взгляды с Кристианом встречаются сквозь мерцающее пламя.

- *Я не выдумала все это,* - посылаю я ему, когда практически все члены собрания снова начинают спорить. - *Он был там.*

- *Я верю тебе.*

- Люди, пожалуйста. – Билли поднимает руку и все на удивление затихают.

Она улыбается с уверенностью принцессы воителей. – Мы говорим об *одном* Черном Крыле, о Семьязе, который возможно будет там, чтобы оплакивать Мэгги, а не воевать. Мы все там будем. Мы с этим справимся.

- У меня есть дети, и я забочусь о них, - сухо говорит женщина. - Я не буду подвергать их опасности без необходимости.

Билли вздыхает. Я знаю, что ей хочется закатить глаза. – Ну, так не бери их, Джулия.

- Но их там может быть больше, - громко сообщает кто-то. – Это опасно.

- Это всегда опасно, - звучит властный голос. Снова Уолтер Прескотт. – Черное Крыло может прийти в любое время за любым из нас. Давайте не будем притворяться, что это не так. – Мама бросает на Уолтера понимающий взгляд.

- Как много времени прошло? – спрашивает Джулия, женщина с детьми. – С тех пор, как ты общалась с Семьязой?

- Между нами все кончено. Я не видела его пятнадцать лет до прошлого лета, - отвечает мама.

- Когда он напал на твою дочь на пике «Статик», - добавляет кто-то. – И ты защищалась, используя сияние.

- Правильно.

Итак, они все про это знают. Это как ангельский таблоид, а я на его первой странице. Каким-то образом, это заставляет меня почувствовать свою вину, словно, если бы не мое предназначение и я бы не полетела над горами в тот день, в поисках пожара, мы бы сейчас не были втянуты в этот неприятный разговор про падших и то, где нам безопаснее находиться.

- Ты сказала, что не думаешь, что он скоро вернется, - упрекает Джулия. – Ты сказала, он был ранен.

Многие относятся к маме с почтением, думаю я. Но теперь это обретает смысл. Раньше это не было почтением. Это была жалость. Все они знали, что она скоро умрет, и старались относиться к ней, как будто она была тонкой, хрупкой. Они не относились к ней как к лидеру. Они относились к ней как к старушке. Что теперь, с тех пор как ее смерть грозит опасностью или неудобна им, очевидно больше не актуально.

- Так и было, - спокойно отвечает мама. – Мне удалось схватить его и удерживать, пока я была в сиянии, и я оторвала ему ухо. Я думала, что он слишком тщеславен, чтобы появиться, не излечившись полностью. - И снова она не хочет рассказывать им полностью, что случилось в тот день. Это бессовестная ложь. Я бросаю на нее острый взгляд, но она даже не смотрит в мою сторону.

- Ну, тогда он вылечился, - говорит Джулия.

- Я не знаю, - признается она. – Но что я знаю точно, так это то, что Клара чувствует его присутствие на кладбище.

Все взгляды направлены на меня.

- Ты уверена, - говорит Уолтер, и это не звучит, как вопрос. – Ты уверена, что ты чувствовала именно горе Черного Крыла, а не свое собственное из-за...

- Смерти моей матери? – заканчиваю я за него, удивленная тем, как спокойно это прозвучало. – Нет. Это он.

Минуту или две все просто молчат.

- Итак, Клара, расскажи нам. – Снова Уолтер, его глаза, так похожие на глаза Кристиана - глубокие изумрудные озера, сверлят меня, будто он хочет вытащить всю информацию прямо из моей головы. – Что ты чувствовала во сне, на кладбище? Что точно ты чувствовала?

- Горе, - медленно отвечаю я. Я не хочу, чтобы у мамы были неприятности или смутить ее, сказав, что Семейязе в нее влюблен.

- Просто расскажи им, - говорит мама. – Не беспокойся обо мне.

Ну, тогда ладно. Я закрываю глаза, возвращаясь в тот момент во сне, пытаюсь впитать его чувства.

- Я чувствую горе. Отстраненность. Боль. И вы правы, сначала, я думала, что они мои. Но потом я почувствовала его отчаяние. Он знает, что больше никогда не увидит маму. Он не сможет отправиться туда, куда ушла она. Он потерял ее навсегда. У него не было шанса все исправить. Загладить свою вину.

- Тогда он мог попытаться сделать это прошлым летом, - горячо восклицает Билли, - вместо того, чтобы пытаться ее задушить.

Мама смотрит на нее с печальным, умоляющим выражением лица, и Билли замолкает.

- Причина в том, - продолжаю я, - что он злится. На некоторых из нас особенно.

- На кого? – спрашивает Джулия.

- Ну, для начала на меня. Он считает меня высокомерным ребенком. Я унизила его. Я сказала то, что его задело. – Меня трясет. – Он хочет уничтожить меня. Я напоминаю ему о...

- На кого еще? – поспешно перебивает мама. – Скажи, на кого еще?

- Мистер Фиббс, то есть Корбетт. Почему-то он просто ненавидит вас.

- Рад слышать, - грубо говорит мистер Фиббс.

- Он так же не в восторге от Билли. И от вас, Уолтер.

Билли фыркает. – Скажи нам что-нибудь, чего мы еще не знаем.

- Вот почему я решила, что вам стоит знать. Чтобы вы могли решить, стоит ли рисковать и идти на мои похороны, - говорит мама.

- Ооо, мы все придем, - утверждает Билли. – Как я уже сказала, с Семейязой мы справимся. Он не застанет нас врасплох.

Остальные выглядят не так уверенно.

- Мы все придем, - снова говорит Билли, словно проверяет, посмеет ли кто-нибудь возразить. – Мы будем стоять рядом.

Мама раздраженно вздыхает. – Билл, я не буду нигде стоять. Меня там вообще не будет. Очень мило с твоей стороны отдать дань уважения, но в этом, правда, нет необходимости. Я не думаю, что стоит рисковать.

Билли даже бровью не ведет. Она поворачивается к маме, к моей невозмутимой умирающей маме, у которой даже не хватило бы сил уйти с луга без нашей помощи, которая усилием воли заставляет себя сидеть ровно, а Билли смотрит на нее, будто она полная идиотка.

- Мэгз, милочка, - говорит она. - Я это знаю. Это не для тебя, дорогая. Мы придем туда ради Клары. Ради Джеффри. Ради всех остальных, кто тебя любит. И если там будет Черное Крыло, то для нас это еще более весомая причина быть там. Чтобы защитить их.

Мама прикрывает глаза. – Это всего лишь похороны.

- Это *твои* похороны, - говорит Билли, нежно обвивая ее рукой. – Мы любим тебя. Мы позаботимся о твоих детях.

По толпе снова прокатывается волна шепота, в этот раз согласия.

- Не думаю, что дело действительно в похоронах, - вдруг говорит мистер Фиббс.

- А в чем тогда? – спрашивает Билли.

- Клара сказала, что Семейяза стоял у могилы. И что ему больно, как это обычно бывает с Черным Крылом. Но еще она сказала, что он зол на нас. Я бы сказал, самый большой вопрос здесь – это что мы собираемся делать с сегодняшнего дня и до похорон, чтобы он убрался прочь?

Итак, это задевает многих. Люди снова начинают спорить.

- Последний раз, когда одна из нас сражалась с Черным Крылом, она умерла, - это говорит Джулия.

- И она пожертвовала собой, чтобы Черное Крыло не узнал про нас, если ты забыла.

В этот раз Кристиан не встречается со мной взглядом. Он смотрит вниз на потрескивающий костер.

- Мы не забыли, - тихо говорит Уолтер.

- Я понимаю, что тебе страшно, - говорит мистер Фиббс. – Но прошло уже семь лет. С тех пор мы перестали действовать. Перестали действовать и находимся в безопасности.

- Ты беспечен, Корбетт, но ты можешь себе это позволить, - отвечает Джулия. – Тебе нечего терять, конечно, с тех пор, как твое время почти вышло. – Мистер Фиббс бросает на нее взгляд плохого ученика.

- Может, ты и права, - выпаливает он в ответ.

- Но мы в состоянии войны, если ты забыла. Мы не можем забыть об этом и продолжать жить своими человеческими жизнями в человеческих домах и пару раз в год приезжать сюда на кемпинг, реальность – это то, что ты – полу-ангел. А это война. Нам суждено воевать. – Его слова звенят в холодном ночном воздухе, который внезапно стал неподвижным.

- Стоп, - протестует мама. – Только я виновата во всем этом кошмаре с Семейязой, больше никто.

- Мэгз, милая, успокойся, - говорит Билли.

Я смотрю по сторонам. Мистер Фиббс прав. Все понимают, что он прав.

- Я приду на кладбище, - внезапно жестко говорит Кристиан. – Мне не важно, кто еще придет.

- Я тоже, - говорит Уолтер, кладя руку Кристиану на плечо.

- Я с вами, - добавляет кто-то. – До конца.

Это распространяется по кругу, каждый полу-ангел обещает быть на кладбище Аспен-Хилл. Даже Джулия неохотно соглашается. Когда очередь доходит до Джеффри, который за все выходные не сказал ни слова, тот пожимает плечами и говорит: - Вроде все очевидно, да? – затем Анжела продолжает: - Сделаем это, - теперь моя очередь и я просто киваю, внезапно пораженная настолько, что не могу выдавить из себя ни слова.

На этом наше импровизированное собрание заканчивается, и все, кажется, становится как раньше, кроме появившейся в воздухе новой энергии, потому что мы полу-ангелы, и мы не трусы, и нам дана отмашка начать сражение. Мама выглядит измученной, и Билли отводит ее к палатке, затем возвращается к костру, где избранные члены круга собрались, чтобы обсудить, как мне кажется, что они будут делать со всей этой ситуацией. Я смотрю на мистера Фиббса, который все еще сидит в кругу, откинувшись назад с довольным выражением лица.

- Вы знаете, что вы просто ходячая неприятность? – говорю я ему.

Он поднимает свою неряшливую седую бровь. – Рыбак рыбака... – Я смеюсь, но позже, когда все уже спят, прокручиваю в голове все, что он сказал. Что нам суждено сражаться. Что это война. И это значит, что и я, и Джеффри, и Анжела, и все те, кто мне не безразличен, окажутся в самом эпицентре.

Утром трубят безумно громкие ангельские трубы, и все встают еще до рассвета. Больше официальных встреч не запланировано. Мы все обсудили вчера, сказал Стивен. Он машет всем, даже тем из нас, кто не является официальным членом, зовя собраться в круг в центре луга.

- Мы хотим воспользоваться случаем и выразить свое почтение Маргарет Гарднер, поскольку это последнее собрание, на котором она присутствует, - говорит он, когда мы все собираемся. Я глазами ищу Джеффри, но не вижу его.

Наверное, он улизнул, чтобы половить рыбу или заняться еще чем-нибудь, и это приводит меня в бешенство. Он должен быть сейчас здесь.

Мама склоняет голову и становится в центр круга. Все вызывают свои крылья. Стивен кладет руку на снежно-белые перья за маминым плечом.

- Ты служила Ему верой и правдой, и вдохновляешь этим всех нас, - говорит он. – Мы отдаем тебе нашу любовь, Мэгги.

- Нашу любовь, - чуть слышно шепчут собравшиеся, и мы все смыкаемся, другие члены внутреннего круга кладут одну руку на ее крылья, а другую на соседа, остальные делают то же с впереди стоящим, все дальше и дальше, пока мы не создаем великолепную сеть полу-ангелов с мамой посередине. Солнце пробивается сквозь горы, окутывая ее ореолом сияния, и сочетание солнца и нашего сияния почти причиняет глазам боль.

Луг наполняется ангельским гомоном, а затем гомон превращается в слово на ангелике, кажется, слово *любовь*, пробивающееся через многоголосье музыки ангельского языка, или, может, это комбинация нескольких слов, когда каждый говорит что-то свое, но, в конечном итоге, это значит одно и то же, и не поддается переводу.

Я замечаю, что плачу, слезы скользят по лицу и капают с подбородка на траву у моих ног. И я улыбаюсь. У меня появляется чувство, будто что бы не случилось, какая бы темнота не лежала впереди, нет ничего, что победило бы эту силу.

Моя радость мгновенно исчезает, когда я вижу, как тяжело приходится маме, когда мы идем обратно к машине, а Джеффри, Билли и я окружаем ее со всех сторон, чтобы поддержать, если она начнет падать. Было бы проще полететь, но у всех нас есть вещи, которые тогда придется держать в руках, а маме не безопасно лететь в одиночку. Она продолжает говорить, что все в порядке. Но это не так. Она потеет, и нам пришлось сделать привал дважды.

- И в чем смысл? – выплевывает Джеффри, когда мы останавливаемся во второй раз.

- Смысл?

- Смысл всего этого собрания. Не похоже, чтобы они действительно что-то делали. Не похоже, что они смогут ее вылечить.

- Конечно не смогут, - говорю я, хотя мне и приходило в голову, что учитывая весь тот свет и выброс нашей силы, и тот факт, что сияние может лечить людей, наверное, где-то глубоко в душе я надеялась, что мама будет чудесным образом спасена, или хотя бы, это даст ей силы продержаться на несколько дней дольше.

Но, вероятно, все то впечатляющее сияние превратилось в обычный солнечный свет, а собравшиеся пожали друг другу руки, и мама отправилась умирать. – Не будь дураком, Джеффри. Собрание беспокоится о нас, или тебя не было, когда они все говорили, что придут на похороны?

- Посмотрим, - отвечает он так, словно ему это крайне безразлично. – Посмотрим, кто действительно там появится.

- Они все придут.

- Почему? Потому что ты видела их во сне?

- Да. Я видела их.

- А что, если твой сон вообще ничего не значит? – спрашивает он с внезапной горечью. – Что если это просто сон?

- Да, это сон, но это еще и видение, - отвечаю я раздраженно. – Конечно, он что-то значит.

- Думаешь, это часть твоего предназначения?

Я смотрю на него долгим взглядом. Хотелось бы знать ответ на этот вопрос.

- Это будущее, - говорю я.

Глаза Джеффри горят серебряным огнем. – А что если нет? Что если это кто-то так шутит над тобой? Может, у нас даже нет никакого предназначения, Клара. Тот факт, что кто-то сказал тебе, что ты была послана на землю, чтобы что-то сделать, чтобы стать кем-то, не делает это правдой. – Не знаю, что на него нашло, но я прекрасно знаю, что он подвергает сомнению все, чему нас учили, и это меня раздражает. – Ты не веришь маме?

- Нет, потому что она была не слишком откровенна с нами.

- Эй, о чем это вы тут спорите? – прерывает нас Билли, подбегая к нам с той стороны, где мы оставили маму сидящей за столом для пикников под деревьями на площадке для кемпинга. – Мне стоит вмешаться?

- Ничего, - говорит Джеффри, отворачиваясь от нее. – Мы уже можем идти? У меня еще есть домашнее задание, которое нужно сделать до завтра.

- Да, пошли. Думаю, она справится с остатком пути. – Говорит Билли, глядя на меня. Я же внимательно разглядываю шнурки своих походных ботинок. Слышала ли мама что-то из нашего разговора, спрашиваю я себя. Интересно, задело ли ее то, что сказал Джеффри, каждая злая мысль, каждое сомнение пронзает ее как ножом. Я с болью сглатываю.

- Все хорошо? – спрашивает Билли.

Я поднимаю голову и пытаюсь улыбнуться и кивнуть. – Да. Все нормально. Я просто хочу домой.

- Ладно, тогда пошли, - говорит она, но как только Джеффри отходит, она берет меня за руку. – Не опускай головы, ладно?

- Я знаю.

- Надвигается буря, ребенок, - говорит она, улыбаясь так, что это напоминает мне, как она выглядела у могилы мамы. – Я чувствую это. Приближаются тяжелые времена. Но мы справимся.

- Хорошо.

- Ты мне веришь?

- Да, - отвечаю я, кивая головой.

Хотя, правда в том, что не все из нас справятся с этим, и я не знаю, во что верить.

ГЛАВА 12. НЕ ПЕЙ ВО ВРЕМЯ ПОЛЕТА

(Переводчик: lialilia; Редактор: [unreal])

И теперь все начинает происходить довольно быстро. Мама бросает работу. Она проводит много времени перед телевизором, завернувшись в одеяла, или на заднем дворе, разговаривая часами с Билли. Она много спит. Перестает готовить. Это может не показаться чем-то важным, но мама любит готовить. Ничто не наполняет ее такой домашней радостью, как поставить что-нибудь замечательное на обеденный стол, даже если это что-то простое: ее фирменный кофейный пирог или макароны с пятью сортами сыра. Но сейчас это слишком для нее, и мы прибегаем к ожидаемой схеме: хлопья на завтрак, сэндвичи на ленч, замороженные обеды. Джеффри и я не возражаем. Мы не говорим ничего, но думаю, именно в этот момент, когда мама перестает готовить, мы осознаем все. Осознаем, что это начало конца.

Затем в один из дней она говорит Билли и мне, совершенно неожиданно:

- Думаю, пришло время поговорить о том, что мы собираемся сказать людям.

- Окей, - говорю я медленно. – О чем?

- Обо мне. Думаю, мы должны сказать, что у меня рак.

Я задыхаюсь, шокированная. До этого момента я ни на мгновение не задумывалась, что мы скажем людям, как мы объясним мамину «болезнь», как она любит называть это. Рак определенно все объяснит. Люди начинают замечать, думаю я. То, что она остается сидеть во время матчей Джеффри по реслингу. Какой тихой и бледной она стала, как одна из прядей ее волос спереди стала серебристой, и что теперь она постоянно носит шляпу, чтобы скрыть это. Как из стройной она превратилась в болезненно худую.

Все это кажется на столько неожиданным, но потом я понимаю, что раньше просто не обращала внимания. Я была так поглощена своей собственной жизнью, моими снами, идеей, что Такер погибнет. Она становилась все слабее, и я не замечала до сегодняшнего дня.

До чего же я потрясающая дочь.

- Какая разновидность рака? – спрашивает Билли глубокомысленно, словно это и не ужасная тема для разговора.

- Что-нибудь смертельное, конечно, - говорит мама.

- Окей, можем мы не говорить про это? – я не могу больше этого выносить. – У тебя нет рака. Почему мы не можем просто не сказать им ничего? Я не хочу, чтобы меня принуждали рассказывать еще одну ложь.

Билли и мама обмениваются удивленными взглядами, которые мне трудно понять.

- А она честная, - замечает Билли.

- К сожалению, - отвечает мама. – Унаследовала это от отца.

Билли фыркает.

- Да ладно, Мэгс, она словно точная копия тебя в этом возрасте.

Мама закатывает глаза. Затем снова переводит внимание на меня.

- Рациональное объяснение поможет всем нам. Оно не позволит людям задавать слишком много вопросов. Последнее, чего мы хотим, - это чтобы моя смерть показалась загадочной по любой причине.

Я до сих пор нахожу безумным то, что она может произнести *моя смерть* так спокойно, словно говорит *моя машина* или *мои планы на обед*.

- Окей, хорошо, - уступаю я. – Говори им все, что хочешь, но я в этом не участвую. Не собираюсь называть это раком или врать об этом и тому подобное. Это ваше дело.

Билли открывает рот, чтобы сказать что-нибудь ехидное, а может быть подколоть меня тем, насколько я бесчувственная, но мама берет ее за руку.

- Ты не должна ничего говорить, - говорит она. – Я обо всем позабочусь.

Так что, это рак. Но мама была не права насчет того, что мне не придется участвовать. Может, идея и работала, но до того, как меня буквально снесло волной сочувствия, и сейчас практически невозможно не знать, что все чувствуют по поводу моей ситуации. Новости о том, что у моей мамы смертельная форма рака подобна атомной бомбе, сброшенной на школу Джексон Хай. Не проходит и дня, когда все, и я имею в виду абсолютно все, узнают. Сначала люди отводят глаза, а некоторые милые девушки бросают на меня сочувствующие взгляды. Затем люди начинают шептаться. Я быстро заучиваю сценарий наизусть. Разговор начинается с «А ты слышал про маму Клары Гарднер?» и заканчивается чем-то вроде «Это *так* грустно». Я опускаю голову и делаю свою работу: стараюсь вести себя нормально, но на второй день я буквально страдаю от всепоглощающих волн сочувствия, и это от людей которые в прошлом году даже не знали моего имени. Даже мои учителя опечалены, за исключением мистера Фиббса, который просто смотрит на меня так, словно достаточно разочарован из-за моей паршивой домашней работы, которую я написала по «Потерянному раю», за которую он поставил мне D³⁷ с минусом и потребовал, чтобы я переписала ее. Я словно крошечная лодочка, плывущая по течению в океане жалости.

Например: я в кабинке женского туалета, занимаюсь своими делами, когда входит кучка десятиклассниц. Они трещат как белки, даже когда писают, и потом одна из них говорит:

- Вы слышали о маме Джеффри Гарднера? У нее рак легких.

- Я слышала, что у нее рак мозга. Стадия 4, или вроде того. Ей осталось около трех месяцев.

- Это *так* грустно. Я не знаю, что бы делала, если бы моя мама умерла.

- Что будет делать Джеффри? – спрашивает одна из них. – Я имею в виду, когда она умрет. Их отец не живет с ними, правильно?

Потрясающе, сколько они знают про нас, группа абсолютно посторонних людей.

- Думаю, это настоящая трагедия.

Они одобрительно бормочут. Самая трагичная история всех времен.

- И Джеффри так переживает из-за всего этого. Это бросается в глаза.

Затем они переходят к обсуждению их любимого вкуса блесков для губ. Арбуз или черничный крем. От моей умирающей мамы к блеску для губ.

Трагично.

«- О, Благодать, без меры и границ,

³⁷ По американской шкале оценивая знаний D приравнивается к «удовлетворительно», D с минусом практически равна F, которая является «неудовлетворительной оценкой».

*От Зла родить способная Добро
И даже Зло в Добро преобразить!
Ты чудо, большее того, что свет,
При сотворенье мира извлекло
Из мрака....»³⁸*

- Подожди, - говорю я, положив книгу на пол рядом с моей ногой. - Я даже не знаю, кто это произносит, Михаил или Адам?

- Адам, - подсказывает Венди, экстраординарный специалист по домашней работе, смотря на меня вниз с моей кровати, на которой она сидит. – Видишь, здесь говорится:

*«Он смолк, великий ознаменовав
Период мировой, а Працур наш*

С восторгом изумленья возгласил...» - Так что теперь говорит Адам. Он наш отец, понимаешь? Мне нравится эта строка *«великий ознаменовав/ Период мировой...»*.

- Уф! Что это вообще значит?

- Михаил рассказывает ему об освобождении, как хорошо будет отпраздновать победу над злом в конце концов, и все такое.

- То есть сейчас он не против этого? Его собираются изгнать из Эдема, но все отлично, потому что когда-то, через тысячу лет после того, как он умрет, добро победит?

- Клара, мне кажется, ты относишься к этому чересчур серьезно. Это только поэма. Искусство. Она придумана, чтобы заставить тебя поразмыслить, и все.

- Что ж, прямо сейчас она заставляет меня подумать, что моя домашняя работа по физике – это супер-весело, и мне нужно переходить к ней, - я закрываю расстроившую меня книгу и отодвигаю ее подальше от себя.

- Но мистер Фиббс сказал, что тебе нужно вернуть переделанную работу завтра. Больше никаких поблажек, сказал он.

- Окей, но я скорее всего получу двойку и за эту работу тоже, буду я готовиться или нет. Уверяю, он старается помучить меня.

Венди выглядит обеспокоенной.

- Это скорее всего будет в выпускном тесте.

Я вздыхаю.

- Не хочу думать про выпускной тест. Или о колледже. Или моем колоссально блестящем будущем. Хочу жить прямо сейчас. Я так решила.

Она закрывает свою книгу и смотрит на меня с этим ультра-давай-будем-серьезными выражением.

- Ты должна радоваться, Клара. Ты подала заявление в потрясающие колледжи. У тебя высокие шансы поступить хотя бы в один из них. Не у всех есть такая возможность, - она нервничает. Письма, подтверждающие наше поступление в колледж, должны прийти на этой неделе. Она уже ходила на почту три раза, начиная с понедельника.

- Окей-окей, представь, что я в восторге, - говорю я, чтобы утихомирить ее. – Ю-ху!! В таком восторге.

Она достает свой учебник по химии, внезапно закончив разговор. Я открываю свой учебник по физике. Мы учим. Неожиданно она вздыхает.

- Просто... Такер ведет себя так же, - говорит она. – Мои родители пытаются уговорить его пойти в колледж, но он ни чуть не заинтересован. Такер не подал заявление ни в одно место. Даже в университет Вайоминга, в качестве запасного плана.

- Он хочет остаться здесь, - отвечаю я.

- А ты? – спрашивает Венди.

- Что я?

- Ты хочешь остаться здесь? Потому что Такер хочет? Потому что я думаю, что это романтично и все такое, Клара, но не... - она останавливается, взволнованно потягивает себя за кончик косы, пытаясь определиться, пойдет ли она дальше и скажет ли мне это. – Не бросай свою жизнь ради парня, - произносит она твердо. – Даже ради замечательного парня. Даже ради Такера.

Я не знаю, что ответить.

³⁸ Отрывок из поэмы «Потерянный рай»

- Венди...

- Я собираюсь расстаться с Джейсоном, - добавляет она. - А мне он нравится. Очень. Но когда мы закончим школу, я должна буду отпустить его.

- Он не рыба, Вен, - замечаю я. - Что если Джейсон не хочет, чтобы его выпускали на свободу? Что если он хочет попробовать отношения на расстоянии?

Она качает головой.

- Он поедет в Бостон, или в Нью-Йорк, или в один из тех помпезных колледжей, куда он отправил заявление. Я, надеюсь, буду в Вашингтоне. Это не сработает, но ведь это и значит стать взрослым. Ты должна думать о будущем.

Я хочу напомнить ей, что мы еще не взрослые, нам только семнадцать лет. Мы не должны думать о будущем. Кроме того, мое будущее, то которое я вижу почти каждую ночь, закрывая глаза, это кладбище. Невероятная, ошеломляющая потеря. Что случится после этого, моя жизнь после этого дня, это словно стертая видеозапись – серая и застывшая. Да, я, вероятно, пойду в колледж. Я могу завести новых друзей, ходить на вечеринки и в итоге понять, что жизнь не так уж и плоха. Но сейчас я поймана в капкан единственным солнечным днем на склоне холма.

- С тобой все нормально? – спрашивает Венди. – Прости меня. У меня нет права читать тебе лекции. Я знаю, что у тебя сейчас трудные времена, из-за мамы и вообще.

- Все нормально, - пытаюсь убедить ее я, стряхнуть тревожное чувство, проигнорировать жалость, которая, я ощущаю, начинает исходить от нее.

- Эй, у меня есть идея, - говорю я, чтобы сменить тему. – Пойдем, проверим почту.

- Все не так, как я думала, - говорит Венди, пока мы идем по тротуару в нижней части Джексона.

Я придерживаю дверь открытой, пока мы заходим на почту. – Что не так?

- Ты и Такер. Я думала, что вы так идеально друг другу подходите, уравниваете друг друга, словно инь и янь, вроде того, и я думала, что он будет так счастлив, но... - она покусывает нижнюю губу. – Иногда вы настолько поглощены друг другом, что, кажется, не замечаете ничего вокруг. Как, хм-м, меня.

- Извини, Венди, - говорю я. - Но ты по-прежнему мой лучший друг, ты же знаешь это, правда?

- Конечно, - отвечает она. – Но парень побеждает подругу, вот и все, что я пытаюсь сказать. Хотя, думаю, что и я виновна в этом же.

Она права. Я видела Венди не так уж часто в этом году, частично из-за того, что когда у меня есть свободное время, я чаще всего провожу его с Такером или в «Ангельском клубе» и частично из-за того, что Венди часто с Джейсоном. Это ожидаемо, как она и сказала, когда у девушки появляется молодой человек, она уже не проводит так много времени с друзьями. Я всегда думала, что это ужасно глупо, но это не останавливает нас от того, чтобы поступать так же, когда мы оказались в такой же ситуации. Я также общаюсь с Венди меньше, потому что есть много всего, о чем она не знает, чего она не может знать, и я лучше буду держаться подальше от нее, чем стану врать ей. В прошлом году я могла притворяться, по крайней мере, большую часть времени, что я нормальная. В этом году я не могу.

Мы разделяемся, чтобы проверить свои почтовые ящики. В моем обычные рекламные листовки, реклама продуктового магазина, но затем в самом низу, толстый конверт. Я с трудом сглатываю. Из университета Стэнфорд.

Венди появляется рядом со мной, ее лицо бледное даже под загаром, голубые глаза расширены. Она держит конверт. WSU³⁹. Вот и оно. Школа ее мечты. Ее будущее. Ее жизнь. Она пытается улыбнуться, но получается скорее судорога. Ее глаза находят конверт в моей руке, и она выдыхает.

- Стоит нам... подождать, пока доберемся до дома? – спрашивает она, ее голос скорее напоминает писк.

- Нет. Определенно нет. Давай откроем их. Покончим с этим. – Ей не нужно повторять дважды. Она разрывает конверт, бросает взгляд на верхнюю страницу, затем прижимает ладонь ко рту. – Ох... - произносит она.

- Что? *Что?* Ты поступила, да?

В ее глазах блестят слезы.

- Бог есть, - говорит она. – Я поступила!

³⁹ WSU сокращение от Washington State University

Мы обнимаем друг друга, прыгаем и пищим, как маленькие девочки около минуты, затем успокаиваемся.

- Теперь ты, - говорит она.

Я аккуратно открываю конверт. Достаю бумаги. Брошюра о размещении в кампусе вылетает из конверта и приземляется на пол. Венди и я смотрим на нее.

- Клара, - выдыхает она. – Ты тоже поступила.

Я читаю первую строчку на первой странице – *Дорогая Клара, мы рады сообщить вам...* - затем стараюсь изобразить улыбку, напоминающую таковую у Венди, хотя мысли, пролетающие в моей голове в этот момент далеки от волнения, отличны от восторга и счастья, больше напоминают смесь недоверия и страха. Но это хорошо, говорю я себе. Я могу вернуться домой в Калифорнию. Я могу по настоящему поступить в Стэнфорд и изучать то, что хочу, построить для себя новую жизнь.

- Я поступила, - шепчу я недоверчиво.

Венди обнимает меня за плечи.

- Это потрясающе, - говорит она. – И поверь мне. Такер будет счастлив за тебя.

- Так значит, - произносит Анжела безапелляционным тоном позже, когда я появляюсь в «Ангельском клубе». – Ты едешь в колледж.

- Не обязательно, - я снова стою в своей обычной позе на сцене «Розовой подвязки», пытаюсь вызвать сияние, потому что это единственное, что я могу придумать в том мечтательном состоянии, в котором нахожусь с полудня.

Анжела откладывает ручку и смотрит на меня своим лучшим ты-абсолютная-идiotка взглядом.

- Клара Гарднер. Тебя приняли в Стэнфорд. У тебя даже есть стипендия. Не говори мне, что ты не собираешься туда.

Деньги – новое яблоко раздора в нашем с ней общении. Вот она я, Мисс Куча-денег, у мамы которой целое состояние, и которая со времен Второй Мировой Войны инвестировала деньги в, скажем, компьютеры, когда они еще занимали целые комнаты, и вот я получаю стипендию. Не такую уж и большую - это точно, одну их тех, что связаны с моими родственными связями, моей «бабушкой» - но все равно большую, чем мне нужно. А Анжела (конечно, ее тоже приняли) должна будет экономить и подрабатывать, напрягаться и брать займы, чтобы оплатить обучение. У нее тоже есть стипендия, потому что она что-то вроде Супер-Ученицы, но на все ее не хватит.

Я должна чувствовать себя виноватой из-за своей нерешительности, но я не чувствую. У меня просто не осталось места для еще одной вины в огромном беспорядке конфликтующих друг с другом эмоций в моей голове. Все, о чем я думаю, что было на моем уме с того самого времени на почте, когда я увидела логотип Стэнфорда на конверте, это то, что я не обязана ехать. Я выстраиваю другой план. Новый и исправленный план. Замечательный.

- Может быть, я не пойду в колледж в этом году, - произношу я так буднично, как только могу. – Я могу взять перерыв на год или два.

- Чтобы делать что? – бормочет она.

- Останусь здесь. Тогда я смогу быть рядом, когда Джеффри закончит школу. Найду работу.

- Вроде той, чтобы работать в магазине сувениров? Продавать еду на обочине? Будешь официанткой?

- Конечно, почему нет?

- Ты потомок ангелов, вот почему нет. Предполагается, что ты должна сделать что-то особенное в своей жизни.

Я пожимаю плечами. В Джексоне есть и другие, в чьих жилах течет кровь ангелов, и они работают на обычной работе. Кроме того, мне нравится мой план. Он кажется правильным. Я могу остаться здесь, в Джексоне. Убедиться, что с Джеффри все хорошо. Это отличный план, используя который мне не придется покидать мой дом и семью (или по крайней мере то, что от нее останется, когда умрет мама), и я смогу построить нормальную, приятную жизнь для себя.

Анжела трясет головой, ее золотистые глаза суживаются.

- Все это из-за Такера.

- Нет, - я бросаю на нее взгляд. Но, признаюсь, эта мысль проскальзывала и в моей голове.

- Господи, ты собираешься бросить Стэнфорд, чтобы остаться с Такером, - произносит Анжела с отвращением.

- Полегче, Анжела, - неожиданно говорит Кристиан. Он сидел на своем обычном месте за одним из дальних столиков, делая свою домашнюю работу, пока происходил наш с Анжелой разговор. – Это Кларины жизнь. Она может делать, что захочет.

- Да, согласна с ним. – Я посылаю Кристиану благодарную улыбку. – В любом случае, - обращаюсь я к Анжеле. – Ты просто хочешь, чтобы я поехала в Стэнфорд, чтобы тебе не пришлось быть там одной и столкнуться со своим предназначением в одиночку.

Она опускает взгляд, разглаживает скатерть, словно она отдыхает перед тем, чтобы броситься и ударить мне в нос. Я готовлюсь.

- Окей, может быть это и правда, - признает она затем, что удивляет меня. – Ты мой лучший друг, Клара, и ты права. Я не хочу ехать одна.

- Анж, я уверена, что с тобой все будет хорошо. Ты самый продвинутый, самый умный, самый одаренный ангел из всех, каких видел мир за тысячи лет. Если кто-то точно сможет надрать задницу этому предназначению, так это ты.

- Я знаю, - говорит она с довольной улыбкой. – Но дело не в этом. Просто... - Она делает паузу, поднимает глаза, смотря на меня своими серьезными кошачьими глазами. – Я знаю, что ты поедешь в Стэнфорд, Клара. Потому что я видела тебя там.

- Что?

- В моем видении. Я видела тебя.

Следующие пятнадцать минут я провожу, стоя на сцене, стараясь сконцентрироваться и вызвать сияние, стараясь заземлить себя, но все, о чем я могу думать это то, насколько несправедливо, что мое будущее продумано за меня. Сначала моими видениями. Теперь Анжелиными.

- Окей, я не могу больше это терпеть, - говорит Кристиан (опять неожиданно, обычно он не слишком разговорчив в клубе), захлопывая свой учебник. Я открываю глаза.

- Что?

- Я не могу больше смотреть на тебя, на твои попытки псевдо-медитации.

Он взбегаёт по ступеням сцены и быстро направляется ко мне.

- Позволь мне помочь тебе.

Мое сердцебиение ускоряется.

- Ты что знаешь, как вызвать сияние?

- Смотри, именно в этом и есть твоя ошибка. Ты думаешь, что это словно звать кого-то, словно сияние где-то извне.... – он указывает на пустое черное пространство вокруг нас. – Вместо того, чтобы понять, что она здесь.

Он прикладывает ладонь к своей груди, делает глубокий вдох.

- Она внутри тебя, Клара. Она часть тебя, и она проявится естественно, если ты перестанешь стоять на ее пути.

Я смущена, но заинтригована.

- Ты можешь сделать это?

Он пожимает плечами.

- Я учился этому.

Он протягивает мне ладонь. Я смотрю на нее, его вытянутые, манящие пальцы, и внезапно возвращаюсь в свое видение, в тот момент, когда мы держимся за руки под сводом деревьев, пока пламя ревет внизу на горе. Затем я вспоминаю свой сон, в котором то, что я держусь за его руку, возвращает меня к самой себе, когда мне кажется, что я уже готова унести прочь на облаке горя. Я вкладываю свою ладонь в его.

Жар проносится сквозь меня. Он держит мою ладонь осторожно, но буднично, не сжимая и не прикасаясь подушечкой большого пальца к моей ладони, как он делал в моем сне о пожаре в лесу, то движение, которое сводило меня с ума, когда я размышляла, что оно могло значить.

- О чем ты думаешь?

Кровь приливает к моему лицу.

- Что?

- Когда стараешься вызвать сияние, о чем ты думаешь?

- Ох. Что ж... - большую часть времени я думаю о Такере, о том, как люблю его, что сработало лишь единственный раз, тогда в лесу, но все-таки сработало, и это что-то значит.

- Я... я думаю о тех моментах, когда была счастлива.

- Окей, забудь про это, – он хватает вторую мою руку, поворачивает меня так, что теперь мы стоим лицом к лицу в центре сцены, ладонь в ладони. Я вижу, как Анжела наклоняется вперед, смотря за нами, ее голова покоится на одной из ее ладоней, другая готова записывать в блокноте.

- Не смотри на нее, - говорит Кристиан. – Не думай о ней, или прошлом, и вообще чем-то.

- Хорошо.

- Просто будь здесь, - произносит он мягко. Его глаза поразительны в свете театральных рампы, янтарные вкрапления сияют искорками. – Будь в настоящем.

- *Отпусти все остальное*, - настаивает он в моем разуме. - *Просто будь здесь. Со мной.*

Я смотрю на него, позволяя себе сосредоточиться на его лице так, как обычно стараюсь не делать, обводя взглядом углы его скул, линию рта, размах его темных ресниц и изгиб его бровей, форму плеч, которые я запомнила так давно. Я не думаю. Я позволяю себе просто смотреть на него. Затем жар от наших соединенных ладоней распространяется по моему телу, останавливается в области груди, и я позволяю себе окунуться в его глаза.

Я чувствую то, что чувствует он. Уверенность, всегда так много уверенности, не смотря на то, что он говорил раньше об отсутствии определенности. Он знает самого себя. Знает, чего хочет. Я вижу себя с его точки зрения, понимаю свою красоту через его взгляд, мои волосы – беспорядочный золотистый ареол вокруг моего лица, контраст бледной кожи и розовых губ и щек настолько разительный, дождливые сияющие глаза, которые сейчас кажутся синими, как гладь воды в бассейне, в которую ты можешь окунуться. Он словно смеется изнутри, настолько довольный собой, потому что я сияю, свет пробивается сквозь меня, мы сверкаем вместе, свет исходит от наших рук, там, где они соединяются вместе, его собственные волосы начинают сверкать сейчас, сияние поднимается вокруг нас.

Он хочет сказать мне что-то. Открыть себя полностью, позволить мне увидеть все, дать мне узнать все о нем, и пусть будут прокляты правила. Неожиданно мы вместе идем по кладбищу, солнце пригревает наши спины, и он держит меня за руку, направляя меня. Я чувствую себя такой сильной в этот момент, сильной и живой, и полной энергии.

- Святая Мария Богородица! – раздается крик.

Кристиан и я отскакиваем друг от друга. Свет вокруг нас ослабевает. На мгновение я полностью ослеплена от внезапного перехода от света к тьме, но когда мои глаза привыкают, я вижу маму Анжелы, стоящую в проходе и уставившуюся на нас. Ее рука поднесена к губам, лицо пепельно-бледное. Анжела вскакивает и подходит к ней, еле успевая поймать ее, прежде чем та падает на колени.

- Мама, все в порядке, - произносит Анжела, поднимая маму снова на ноги. – Они просто тренировались делать кое-что.

- Ничего такого в моем доме, - шепчет Анна, ее темные глаза впираются в меня с такой силой, что мне приходится отвести взгляд. – Ничего такого в моем доме, я говорила тебе.

- Мы больше не будем. Я обещаю. Тебе нужно подняться наверх и прилечь, - говорит Анжела.

Анна кивает, и Анжела обвивает рукой ее плечи и практически вытягивает ее из театра. Мы слушаем звук их шагов по ступеням, ведущих в квартиру, Анна все еще говорит, Анжела пытается успокоить ее. Скрип двери. Затем тишина.

Кристиан и я смотрим друг на друга, затем отводим взгляд.

- Что ж, это сработало, - говорю я, просто чтобы сказать что-то. – Мы сделали это.

- Да, мы сделали, - отвечает Кристиан, вытирая пот со своего лба.

- Ты собирался сказать мне что-то, - говорю я.

Он нахмурился.

- И кто теперь читает мысли?

- Это была эмпатия. Я могла чувствовать, что чувствовал ты. Ты хотел сказать мне что-то.

Это полностью выводит его из себя, по какой-то причине. Он спрыгивает на пол, идет к столу, где оставил свою домашнюю работу, и начинает собирать свои вещи. Я следую за ним, кладу ладонь на его плечо. Он напрягается. Я чувствую себя так, словно должна извиниться за что-то, за то, что так прочитала его мысли, или за то, что заговорила про это, когда Анжела так близко и может услышать.

- Кристиан, я...

Анжела снова врывается в комнату, ее лицо светится от восторга.

- Черт, это было классно! Не могу поверить, насколько ярко это было, я имею в виду, вау. Вы видели мою маму? Она практически упала. Ее лицо стало совсем бледным. Никогда не видела ее такой. Хотя сейчас с ней все нормально. Я дала ей попить воды, и она почти расплескала ее. Все в порядке.

- Сияние пугает людей, - напоминаю я ей, стараясь оставаться серьезной, но трудно не поддаться ее энтузиазму. Это *было* здорово. И сейчас волшебство как будто все еще в воздухе, плывет вокруг нас с мелкими частичками пыли и впитывается в бархатный занавес. Я не хочу, чтобы оно исчезло.

- Что ж, думаю, мы поняли, что это правда? Давайте сделаем это еще раз. В этот раз, попробуй со мной, - обращается Анжела к Кристиану.

- Не думаю, что смогу.

- Да ладно, я хочу научиться. Пожалуйста! – умоляет она.

Он опускает голову, вздыхает, сдаваясь.

- Окей, мы можем попробовать.

Все должно получиться. Я сижу в кресле Анжелы, пока они вдвоем маршируют назад к сцене, берут друг друга за руки и концентрируются.

- Будь в настоящем, - снова говорит Кристиан. – Это ключ. Не думай о настоящем, а освободись от своих мыслей. Это будет трудно для тебя, потому что ты слишком много думаешь обо всем. Просто помни, что ты – не твои мысли.

- Окей, сенсей, давай начнем, - ее голос вздрагивает.

Они оба закрывают глаза. Я наклоняюсь вперед, наблюдая, в ожидании, когда появится сияние, стараясь сдержать зависть от того, что там Анжела, а не я. Но ничего не происходит. Они просто стоят, словно замерли во времени.

- Ничего такого в моем доме! – раздается голос из холла. Анна, должно быть, боится войти в зал.

Анжела и Кристиан размыкают руки, открывают глаза. Около минуты Анжела выглядит разочарованной, но затем на ее лице расплывается озорная улыбка.

- Это было горячо, - говорит она. Она поворачивается ко мне, приподняв одну бровь. – Правда, Клара?

- Ух...

- Я думаю, ты хочешь сказать что-то и мне тоже, - мурлычет она Кристиану, полностью наигранно и Кристиан знает это. Я помню, как однажды она сказала мне, что они с Кристиан играли в бутылочку в девятом классе, и она думает, что поцеловать его все равно, что поцеловать родного брата.

- О да, - отвечает Кристиан, не меняя тона, - это было горячо, Анж. Ты девушка моей мечты. Я всегда хотел сказать тебе это.

- Ничего такого здесь! – Анна Зербино снова кричит.

Все мы заливаемся смехом.

Громкий шум будит меня в середине ночи. На мгновение я лежу в кровати, слушая, не уверенная в том, что происходит. Я чувствую себя так, словно проснулась от дурного сна. Я смотрю на будильник. Четыре утра. Дом абсолютно тих. Я закрываю глаза.

Что-то падает. Я сажусь в постели. Лучшее оружие, которое я могу придумать на этот раз, - бутылка лака для волос, словно это может нанести Семтьязой какой-нибудь вред.

Заметка на память: купить нунчаки⁴⁰ или что-нибудь наподобие.

Еще одно падение разносится по дому, затем раздается чья-то брань, и звук разбитого стекла.

Шум доносится из комнаты Джеффри.

Я набрасываю халат и спешу вниз, в холл. Звучит еще один громкий удар. Он точно разбудит маму, если уже не разбудил. Я открываю его дверь.

- Что ты делаешь? – спрашиваю я темноту, раздраженно.

Включаю свет.

Джеффри стоит посреди комнаты, развернув крылья, одетый только в свои джинсы.

Он вскрикивает от удивления, когда вспыхивает свет, затем отворачивается, прижав ладонь к глазам, словно я ослепила его. Его крылья зацепляют стопку книг на столе, сбивая их на пол. Он насквозь мокрый, с волосами, прилипшими к лицу, на половицах под ним формируется лужа. И он смеется.

⁴⁰ **Нунчаки** - восточное холодное оружие ударно-раздробляющего и удушающего действия, представляющее собой две короткие палки, соединённые шнуром или цепью.

- Я не могу вспомнить, как убрать свои крылья, - говорит он, очевидно находя это уморительным.

Я смотрю на открытое окно позади него, где жалюзи перекрутились и свисают с одной стороны.

- Ты только что пришел домой? – спрашиваю я.

- Нет, - отвечает он, ухмыляясь. – Я рано пошел в кровать, и был здесь всю ночь.

Он делает шаг в моем направлении и спотыкается. Я ловлю его за руку, чтобы удержать от падения. Именно тогда он взрывается смехом прямо мне в лицо, и я сполна ощущаю гадкий запах его дыхания.

- Ты пьян, - шепчу я удивленно.

- Я хотя бы не за рулем, - отвечает он.

Это плохо.

Я стою здесь около минуты, прижавшись к нему, стараясь заставить свой мозг функционировать в четыре утра. Я могу пойти и привести маму, если предположить, что она сама еще не идет сюда, чтобы узнать, откуда весь этот шум. Если у нее хватит сил, чтобы подняться вверх по ступеням. Я даже не знаю, что она сделает, или еще хуже, что с ней может случиться из-за этого. Это полностью за пределами любого наказания, какое только ей приходилось для нас придумывать. Это поведение, которое может стоить ему домашнего ареста длиной в год.

Он до сих пор смеется, словно находит всю эту ситуацию очень забавной. Я хватаю его за ухо. Он вскрикивает, но не может перебороть меня. Я веду его к кровати и толкаю на нее, лицом вперед. Потом я берусь за его крылья, стараясь сложить их, прижимая их вниз к его спине. Вот бы было волшебное слово по-ангельски, которое мгновенно убрало бы их.

Джеффри бормочет что-то в свою подушку.

- Я не слышу тебя, придурок, - отвечаю я.

Он поворачивает голову.

- Оставь меня одного.

- Как скажешь, - бормочу я, до сих пор пытаюсь сложить его крылья. – Где твоя футболка? И как ты умудрился полностью промокнуть?

И затем я замечаю его серые перья. Крылья светлее, чем когда я видела их в ночь пожара. Тогда они были темно-серыми, и я надеялась, что это от сажи. Мои крылья были усыпаны ею в ту ночь тоже, но она смылась, практически вся. Но крылья Джеффри до сих пор серые. Как крыло голубя, могу я назвать этот цвет. И есть пара перьев на задней стороне одного крыла, которые цветом напоминают деготь.

- Твои перья, - я наклоняюсь ближе, чтобы рассмотреть их.

Он выбирает именно этот момент, чтобы вспомнить, как скрыть крылья. Я неловко падаю на него, затем скатываюсь. Он смеется.

- У тебя будут такие большие проблемы... - говорю я яростно.

Он перекачивается на спину и смотрит на меня с выражением, таким злым, что буквально заставляет мурашки пробежать вдоль моего позвоночника. Он словно ненавидит меня.

- Что, собираешься рассказать маме?

- Я должна, - заикаюсь я.

- Давай, - огрызается он. – Будто ты никогда не выбиралась из дома ночью. Расскажи маме. Давай. И посмотри, что будет.

Он садится. Он все еще смотрит так, будто в любую минуту готов броситься на меня. Я делаю несколько шагов назад.

- Ты всегда думаешь только о себе, - говорит он. – Твои видения. Твои идиотские сны. Твой глупый бойфренд.

- Это неправда, - говорю я дрожащим голосом.

- Ты не единственная важная персона здесь, знаешь. Ты не единственная с предназначением.

- Я знаю...

- Просто оставь меня одного, - он улыбается, с напряженным, ироничным оскалом зубов. – Оставь меня одного.

Я выхожу из его комнаты. Я стараюсь побороть желание закричать. Мне хочется побежать вниз и разбудить маму, привести ее сюда, чтобы разрешить эту ситуацию. Помочь ему. Вместо этого я иду к бельевому шкафу. Беру полотенце. Затем возвращаюсь обратно к Джеффри и бросаю в него полотенце. Оно ударяется о его грудь. Он поднимает на меня глаза, удивленный.

- Я знаю, что твоя жизнь – дерьмо, - говорю я ему. – Но и для меня она не веселый пикник. Мое сердце грохочет, но я стараюсь выглядеть спокойной и собранной.

- Я не скажу маме на этот раз. Но я клянусь, Джеффри, если ты не соберешься, то пожалеешь. Выкинешь еще что-нибудь такое хоть раз, и мама будет последним, о чем тебе нужно будет беспокоиться.

Затем я выхожу из его комнаты до того, как он сможет увидеть, что я плачу.

ГЛАВА 13. ПРОИЗВЕДИ ФУРОР (Переводчик: Наталья Цветева; Редактор: [unreal])

- Клара, ты выглядишь прекрасно, - говорит Билли, когда я в выпускном платье вхожу в мамину комнату.

Я кружусь перед ней, и юбки моего красного шелкового платья надуваются колоколом вокруг ног. Платье немного вычурное. Плюс оно стоило целое состояние, но когда мы с Анжелой и Билли увидели его в торговом центре в Айдахо-Фоллс на прошлой неделе, оно будто позвало меня. «Надень меня», говорило оно. Тогда Билли сказала что-то вроде, что за черт, это же твои последние официальные танцы в школе, так произведи фурор. Тема выпускного «Найденный рай» – да, организованный старшеклассниками, которым пришлось в этом году прочесть «Потерянный рай» с мистером Фиббсом. Мою самую любимую книгу.

Так что либо оно, либо фиговый листок.

Я стараюсь не смотреть на пятачок перед GNC⁴¹, где я впервые почувствовала на себе взгляд Семьязы. Я даже находила это немного забавным, что видела Черное Крыло в торговом центре. Я пыталась представить себе, как он делает покупки, прогуливается между полок с новыми романами Дена Брауна в «Барнс & Ноббл», у «Марси» трогает галстуки, выбирает белье, потому что даже ангелам нужно белье, раз уж они собираются разгуливать среди нас, так ведь? Я помню, как мы смеялись над этим с Анжелой, а теперь, думая об этом, я понимаю, Боже, какими мы были глупыми. Мы знали, что Черное Крыло был пугающим и сильным, мы видели, что в тот день мамино лицо стало белым, как простыня, нам тоже было страшно, но мы и понятия не имели. Поэтому я не смотрю на то место, где он стоял и стараюсь не вспоминать то, как его голос скрежетал в моей голове, говоря мне не бояться его. То, как он думал обо мне, как о чем-то, что он может забрать. И у него это почти получилось.

Еще одна неприятная вещь в нашем походе по магазинам, что в этот раз там не было мамы. Она отправила Билли. Такое чувство, что Билли уже начала исполнять мамины обязанности: в делах по дому, отпуская шуточки в мамином стиле, водя меня по магазинам, а теперь не мама, а Билли помогает мне сделать прическу на выпускной. Это Билли говорит мне, как чудно я выгляжу, в то время, как мама лежит на спине на подушках, глядя на меня усталыми глазами.

- Она выглядит потрясающе, правда, Мэгс? - подсказывает Билли, когда мама ничего не говорит.

- Красный – это твой цвет, Клара.

- Да, - слабо соглашается мама. - Ты прекрасна.

- Поверь, у Такера челюсть отпадет, когда он тебя увидит, - говорит Билли, выводя меня из комнаты, чтобы мама могла отдохнуть. - Он будет чувствовать себя миллионером с тобой об руку.

- Хочешь сказать, я буду прекрасной спутницей?

- Этим вечером да, - говорит Билли, - наслаждайся.

Мне придется забрать Такера, потому что он теперь без машины – старенький пикап из ранчо в конце концов развалился. Венди тоже едет с нами, так как машина Джейсона Ловетта сломалась пару дней назад, поэтому она договорилась встретиться с ним там. Не самая романтическая ситуация для всех нас, но уверена, все будет отлично.

Билли останавливает меня в коридоре, чтобы побрызгать в воздух каким-то потрясающим парфюмом и заставить меня пройти сквозь это облачко.

- Домой к полпервому или я пойду тебя искать, - говорит она, и я не знаю, шутка ли это.

- Да, мамочка, - ворчу я.

Она сочувственно улыбается. – Проведи хорошо время на танцах. – Так и планируется. Весна проходит слишком быстро, безжалостно приближая меня к кладбищу, лету, колледжу и всем тем

⁴¹ прим.пер.: магазин витаминов и биодобавок

вещам, о которых я не хочу думать. Этот вечер может оказаться единственным хорошим временем, которое у меня будет. Я собираюсь воспользоваться им во всю.

В этом году танцы проводятся на лыжной базе «Король снега». Выпускной комитет сделал это место похожим на джунгли: искусственные деревья, большие искусственные цветы, даже гигантская яблоня в углу с пластиковой змеей, свернувшейся на ветках.

В прошлом году было лучше.

Но это не важно. В этом году я с Такером. Обычно он невероятно привлекателен в своей ковбойской одежде, ботинках, футболках и узких джинсах, во фланели и с ковбойской шляпой.

Эта его жесткость кажется ужасно сексуальной. Но бывают и другие случаи, как сегодня, когда он бреется и надевает взятый напрокат смокинг, повязывает галстук и зачесывает волосы так, что выглядит как кинозвезда.

- Они смотрят на тебя, - шепчу я, когда мы идем по вестибюлю, и группа девушек поворачивается, чтобы посмотреть на нас.

- Нет, - говорит он. - Они смотрят на тебя. Это великолепное платье. - Мы танцуем. Такер не очень хороший танцор, но недостаток мастерства он компенсирует чувством юмора.

Он все время веселит меня. Он пытается научить меня двум шагам на одном месте, а потом поворот в стиле вестерна. Играет медленная песня, и я кладу голову ему на плечо и смакую момент, как будто здесь только я и он, нет проблем, нет расписаний, нет нависшей над нами катастрофы, нет вообще никаких планов на будущее.

Я чувствую, что Кристиан смотрит на меня, прежде чем вижу его. Он танцует с Авой Питерс на другой стороне танцпола. Я поднимаю голову и из-за плеча Такера вижу, как он искусно ведет Аву через толпу. Ава улыбается и что-то кокетливо ему говорит, глядя на него из-под фальшивых ресниц.

Я снова прижимаюсь щекой к плечу Такера и закрываю глаза. Но когда я их снова открываю, я все еще по привычке ищу Кристиана, а когда нахожу, он смотрит прямо на меня, встречается со мной взглядом и не отводит глаз.

- Ты потанцуешь со мной, Клара? - спрашивает он. - Всего один танец?

Прежде чем я успеваю ответить, Такер отстраняется. Он поднимает мою руку к губам и целует, благодаря за танец. Я улыбаюсь ему.

- Давай выпьем что-нибудь, - говорит он. - Тут жарко. - Я позволяю ему отвести меня к чаше с пуншем и налить мне стакан. Несколько минут мы стоим у двери, нас обдувает холодным воздухом.

- Хорошо проводишь время? - спрашивает он.

- Супер, - улыбаюсь я. - Вот только мне интересно, где другие твои девушки?

- Мои девушки?

- Если не изменяет память, в прошлом году ты привел на выпускной трех разных девушек. Где же эта неуловимая мисс Элисон Лоуэлл?

- В этом году мне нравишься только ты.

- Хороший ответ. - Я обвиваю руками его шею и тянусь за поцелуем.

- Хм, хм, хм, люди, - говорит мистер Фиббс, прочищая горло.

Дуэнья. Я награждаю его своим лучшим отвали-взглядом.

- Целомудрие есть добродетель, - язвительно замечает он.

- Да, сэр, - говорит Такер с уважительным кивком. Мистер Фиббс кивает в ответ и уходит на поиски других счастливых парочек, которые нужно разбить.

Я иду в туалет, чтобы припудрить носик и встречаю там Кей Пэттерсон. Она довольно рассматривает себя, подкрашиваясь блеском. Она выглядит восхитительно в длинном черном платье в стиле русалки, сияя украшениями, которые, я надеюсь, не настоящие.

- Жаль слышать про твою маму, - говорит она.

Я встречаюсь в зеркале с ее большими карими глазами. Не думаю, что достаивалась от нее хотя бы пары слов с прошлого года, когда они с Кристианом только расстались.

- Эм, спасибо.

- Мой отец умер от рака толстой кишки, - ровно говорит она. - Мне было три. Я этого не помню.

- Ох, мне жаль. Я не знала.

Не могу придумать, что ответить, поэтому начинаю мыть руки в ближайшей раковине. Она заканчивает улучшать ее и без того идеальную внешность и бросает помаду в сумку. А потом стоит и смотрит на меня. Я готовлюсь к оскорблению с ее стороны.

- Большинство людей не знают. У меня приемный отец, а все думают, что он родной. – Я киваю, не понимая, почему она рассказывает мне все это, и смотрю на дверь.

- В любом случае, - продолжает Кей. – Я приношу тебе свои соболезнования. Хотя это не важно.- Я бормочу слова благодарности и начинаю махать рукой перед раздатчиком бумаги, чтобы запустить механизм, выдающий бумагу. Ничего не происходит. Кей протягивает мне бумажное полотенце из стопки около раковин.

- Кристиан беспокоится о тебе, - говорит она. – Я вижу это. Он тоже потерял маму, когда был еще ребенком. Это была одна из первых вещей, которые мы поняли друг про друга.

- Я знаю, - аккуратно говорю я Кей. Что значит: он мне тоже это рассказывал.

Она кивает. – Будь с ним помягче. Он заслуживает счастья.

- Он не мой пар...

- Ты смотришь на него, - говорит она. – Возможно, у тебя все чудесно с твоим парнем, но ты смотришь на него.

- Не смотрю.

Она закатывает глаза. Спустя несколько секунд она говорит: - Знаешь, он бросил меня ради тебя. – Я смотрю на нее, как олень в свете фар.

Ее губы сжимаются, словно она старается спрятать улыбку. – Конечно, он мне этого не говорил. Он выдал мне кучу дурацких фраз о том, что он хочет быть честным со мной, и делал вид, что оказывает мне тем самым услугу. Не то чтобы я не догадывалась, что так будет. В последнее время он вел себя странно. И не только он. И я видела, как он смотрел на тебя, и как ты смотрела на него.

- Он не смотрел на меня, - протестую я.

Она усмехается. – Какая разница.

- Мы с Кристианом друзья, - пытаюсь я объяснить. – У меня есть парень.

- Может и так, - говорит Кей, пожимая обнаженными плечами. – Но ты все равно смотришь на него. – Должно быть, мое лицо стало цвета свеклы.

Затем она осматривает меня сверху вниз, оценивая мое платье. – Тебе придется сделать первый шаг, если ты хочешь быть с ним.

- Кей, займись своими делами, - зло говорю я, и вылетаю из туалета.

И врезаюсь прямо в Кристиана. Как раз в этот момент начинает играть медленная песня.

Я начинаю думать, что мои выпускные навечно прокляты.

- Хей, - говорит он. – Клара, потанцуешь со мной?

Мы принадлежим друг другу, скачет у меня в голове. Не знаю, кто из нас это думает.

Паника поднимается у меня в груди.

- Что...я...Боже, - заикаюсь я, затем раздраженно вздыхаю. – А где Ава?

- Ава не моя пара. Я пришел один.

- Один. Ты. Почему?

- Потому что моя пара бы не одобрила мое желание потанцевать с тобой, - говорит он.

В этот момент я замечаю Такера на расстоянии около пяти футов, он слушает. – Ты кое о чем забыл, - говорит он, подходя ко мне и кладя руку мне на талию. – У Клары есть пара. Я. Так что тебе не повезло.

Кристиан не выглядит взволнованным.

- Один танец, - говорит он. – Мы с Кларой друзья. В чем проблема?

- У тебя был шанс, - холодно отвечает Такер. – Ты его упустил. Так что иди оттаптывать ноги кому-нибудь другому.

Кристиан медлит. Смотрит на меня.

Такер трясет головой. – Парень, не вынуждай меня бить тебя здесь. Не хочу портить смокинг.

На щеках Кристиана задержались мускулы. Я чувствую от него явные вибрации я-бы-отделал-тебя-если-бы-захотел.

Господи. Боже.

Я встаю между ними.

- Так, не обижайся, - говорю я, - но я не кусок мяса, окей? Прекратите надо мной рычать. Я сама могу с этим разобраться.

Я поворачиваюсь к Кристиану. - Нет, - просто говорю я. - Спасибо за приглашение, но у меня есть пара. *Я сама решаю, кому я принадлежу*, - молча говорю я ему.

Он кивает, делает шаг назад. *Я знаю*.

Я беру Такера за руку и увожу на танцпол, оставляя Кристиана стоять в одиночестве.

После случившегося танцы уже не доставляют удовольствия. Я потратила кучу энергии, пытаюсь заблокировать Кристиана, в то же время, стараясь вообще о нем не думать, что оказалось невозможным. Остаток вечера мы с Такером напряжены, почти не разговариваем, тесно прижимаясь друг к другу в танце, держась друг за друга так, словно боимся, что один из нас может ускользнуть от другого.

По дороге домой мы не разговариваем.

Прежде чем переехать сюда, у меня никогда не было историй с любовными треугольниками. Знаете, в фильмах, романах или где-то еще всегда есть такая цыпочка, вокруг которой увиваются все парни, хотя в ней нет ничего особенного. Но нет, она нужна им обоим.

А она такая: о, Боже, кого же мне выбрать? Уильям такой нежный, он понимает меня, с ним у меня подкашиваются колени, как мучительно, хнык, хнык, но как же я могу жить без Рейфа и его черт-знает-чего и его темной и только-немножко-жесткой любви? Беее. Так наигранно, всегда думала я.

И вот, кажется, я осталась в дураках.

Но мы с Кристианом были предназначены друг другу. Я интересую его не из-за моей ошеломительной внешности или потрясающих личных качеств. Он хочет меня, потому что ему так сказали. Я что-то чувствую к нему, потому что для меня он большая загадка, и потому что мне сказали хотеть его, и не просто моя мама, а высшие силы, люди наверху, Большой Парень. Плюс Кристиан привлекательный, кажется, что он всегда знает, что сказать, и он покоряет меня.

Я, и правда, в дураках.

Но вот почему – это то, чего я не могу понять – людей наверху волнует, кого я люблю, когда мне семнадцать лет? Мой выбор – это Такер. Мое сердце принимает собственные решения.

Мне внезапно хочется плакать, на меня накатывает такая волна грусти, какую я не чувствовала уже давно, и я думаю, Боже, почему бы вам всем просто не оставить меня в покое?

- Все хорошо? – нервно спрашивает Венди с заднего сиденья.

- Превосходно, - отвечаю я.

Затем Такер говорит: - Что это?

Я ударяю по тормозам, и мы со скрипом останавливаемся.

Кто-то стоит посреди дороги. Кажется, ждет нас. Высокий мужчина в длинном кожаном пальто. Мужчина с угольно-черными волосами. Даже на расстоянии пятидесяти ярдов, я знаю, кто это. Я чувствую это.

Это была не моя грусть.

А Семьяязы.

Мы влипли.

- Клара, кто это? – спрашивает Такер.

- Плохие новости, - бормочу я. – Все пристегнуты?

Я не дожидаясь ответа. Я не знаю, что делать, поэтому действую интуитивно. Я медленно снимаю ногу с тормоза и ставлю ее на газ. Затем вдавливаю его в пол.

Мы быстро набираем скорость, но, в то же время, все как в замедленной съемке, ползет в каком-то альтернативном времени, когда я крепко держу руль и фокусируюсь на Семьяязы. Эта машина, понимаю я, мое единственное оружие. Может, если я на пару недель выведу его из строя, у нас будет возможность как-нибудь убраться отсюда.

Это наш единственный шанс.

Такер начинает кричать и хватается за сиденье. Моя голова затуманивается горем, но я не поддаюсь. Свет фар падает на ангела на дороге, его глаза светятся, как у животного, и в последний сумасшедший момент, когда машина несется на него, мне кажется, что он улыбается.

На секунду все становится черным. Вокруг моей головы кружится белый туман, наверное, от подушек безопасности. Рядом со мной, Такер внезапно приходит в себя и делает глубокий вдох. В темноте я вижу его не слишком хорошо, но на пассажирском окне широкая сеть разбившегося стекла. Он стонет.

- Такер? – шепчу я.

Он поднимает к голове дрожащую руку, осторожно трогает ее, затем смотрит на свои пальцы. Его кровь выглядит как разлитые чернила на неожиданно бледной коже. Он двигает челюстью, будто кто-то только что ударил его.

- Такер? – я слышу нотку паники в моем голосе, почти всхлип.
- Ты о чем вообще думала?
- Извини, Так. Я...
- Боже, эти подушки безопасности больно бьют, да? – говорит он. – Как ты? Не ранена?
- Вроде нет.
- Венди? – зовет он.

Я вытягиваю шею, чтобы заглянуть на заднее сиденье, но все, что мне удастся увидеть с этой точки – это прядь ее длинных волос, падающую на лицо. Такер начинает бороться с дверью, пытаюсь выбраться наружу, чтобы пойти к ней, но дверь местами смята и отказывается открываться. Я толкаю свою дверь – то же самое. Я закрываю глаза, пытаюсь очистить голову и привести мысли в порядок.

Сделай это, говорю я себе.

Я крепко сжимаю ручку двери, толкаю и тяну ее, затем упираюсь плечом в дверцу и давлю изо всех сил. Слышится треск, затем визг металла, и внезапно дверца слетает с петель, освобождая путь. Она падает на землю. Я отстегиваю ремень безопасности и выскакиваю из машины, торопясь к другой ее стороне, отрываю дверцу Такера и бросаю ее в траву, растущую на обочине. Он уставился на меня, рот слегка приоткрыт. Он ни разу не видел, чтобы я делала что-то подобное.

Я сама ни разу не видела себя, делающей подобное.

Протягиваю руку. Он хватается ее, и я вытаскиваю его из машины. Он идет прямо к дверце Венди, которая легко открывается. Он пытается вытащить ее наружу, но что-то мешает.

- Ремень, - говорю я.

Он, все еще удивленный, сыплет проклятиями и нащупывает замок, вытаскивая ее из машины. Она не издает ни звука, пока он несет ее к обочине и осторожно кладет за плечи на гравий.

Он снимает пиджак смокинга и подкладывает ей под голову и спину.

- Просыпайся, Венди, - просит он, но ничего не происходит. Я опускаюсь рядом с ним на колени и наблюдаю за тем, как поднимается и опускается ее грудь. Я слушаю биение ее сердца, медленно и размеренно, самый лучший звук в мире.

- Она дышит, - говорю я Такеру. – Пульс бьется. – От облегчения он опускает голову. – Надо позвонить 9-1-1. Сейчас же. Где твой сотовый? – Я иду назад к машине. Она разбита, вся передняя часть совершенно уничтожена, будто я врезалась в телефонный столб на скорости восемьдесят километров в час. Ни следа ангела. Может, он отправился обратно в ад. Я иду к стороне водителя и начинаю копаться в хламе, в поисках маленького черного клатча, внутри которого лежит мой телефон. Я нигде не могу его найти. Это кажется таким сюрреалистичным, словно и вовсе не происходит, как плохой сон.

- Я не знаю, где он, - кричу я. – Он был у меня с собой, когда мы уходили.

- Клара, - медленно говорит Такер.

- Просто дай мне минуту. Уверена, он где-то здесь.

- Клара, - снова говорит он.

Что-то в его голосе останавливает меня. Он звучит так же, как в тот день в горах, когда мы пришли полюбоваться на восход солнца, и из кустарника на нас вышел гризли. *Не беги*, сказал тогда Такер именно таким голосом. Словно смола, я вытекаю из машины, выпрямляюсь, смотрю туда, откуда услышала его голос, и замираю.

Рядом с Такером стоит Семъйяз. На нем ни царапинки. Моя машина выглядит так, будто побывала под прессом, а он здесь, с легкой улыбкой, он держится так непринужденно, словно они с Такером просто болтают прямо на обочине. У него в руках мой сотовый.

- Привет, маленькая птичка, - говорит он. – Рад снова тебя видеть.

Это прозвище вызывает во мне вспышку страха и посылает дрожь прямо в желудок. Все мое тело начинает трястись.

- Ты врезалась в меня на машине, - замечает он. – А это твой парень? – Он поворачивается к Такеру, словно хочет пожать ему руку, но Такер отводит взгляд, он смотрит в землю, на машину, куда угодно, только не в горящие янтарем глаза ангела. Его руки сжимаются в кулаки.

Семъйяз хмыкает. – Он решает, ударить меня или нет. После того, как ты сбила меня машиной, он все еще думает, что, возможно, ему стоит подраться со мной. – Он трясет головой.

Это движение оставляет странный след, как будто в нем заключено два человека, наложенных друг на друга: человеческое тело, и еще какое-то существо. Я почти забыла об этом. – Люди, - весело говорит он.

Я так резко сглотнула, что заболело горло. Я отказываюсь смотреть на лежащую на земле Венди. Я так же не могу посмотреть на Такера; прямо сейчас я не могу бояться за него. Нужно быть сильной. Придумать способ, как нам выбраться из всего этого. – Чего ты хочешь? – спрашиваю я, прилагая усилия, чтобы голос звучал ровно.

- Отличный вопрос, я уже давно задаюсь им. Я был зол на тебя, маленький Квортариус, с тех пор, как ты... - Он поворачивает голову и поднимает волосы, чтобы продемонстрировать мне свое ухо, которое даже в темноте выглядит деформированным. Оно снова отрастает, понимаю я. Я оторвала его прошлым летом, когда сияние шло из моих рук, и все это время он отращивал его.

- Я не пыталась... - говорю я. – Я не хотела...

Он пренебрежительно отмахивается от меня, поворачиваясь назад. – Конечно, хотела. Но не стоит больше расстраиваться из-за этого.

- Зачем вы здесь? – спрашиваю я. – Давайте уже перейдем к этой части, окей? Если вы хотите убить меня, то уже сделайте это.

- О нет, - говорит он, будто сама эта идея обижает его, как будто в последнюю нашу встречу он не пытался сделать именно это. – Я хочу поговорить с тобой. Я наблюдал за тобой, и ты кажешься несчастной, моя дорогая. Растерянной. Я думал, что смогу помочь.

- Вы не хотите помочь мне.

- Ох, не правда, - говорит он. – Я нахожу тебя очень интересной, даже очаровательной, с тех пор, как впервые увидел тебя. Думаю, твоя мать что-то скрывает про тебя.

- Зато она рассказала мне все про вас, - отвечаю я.

Его брови поднимаются. – Все про меня? Правда. Что ж, это хорошая история, но она не важна для тебя. Меня больше интересует, что ты должна сделать. Твое предназначение. Твои видения. Твои сны.

- Мое предназначение никак с вами не связано.

Он качает головой. – Или тут что-то еще? – Я чувствую, как он копается в моих мозгах.

- Она не сказала тебе, - разочарованно говорит он. – Я бы чувствовал, если бы ты знала. – Он возбудил мое любопытство. Я хочу знать, о чем он говорит, и, конечно, он знает об этом, вот почему он так улыбается, и сейчас я оказываюсь в его руках, потому что думаю о том, что он сказал, вместо того, чтобы обдумывать, как убраться подальше.

Ничего не могу с этим поделать. – Чего она мне не сказала? – спрашиваю я.

Он протягивает мне сотовый. – Давай спросим ее саму.

Сделай же что-нибудь! Мне нужно выработать стратегию, воспроизвести сияние, что кажется невозможным в тяжелом облаке его горя, которое меня окружает. Неразбериха у меня в голове не пройдет, его горе затмевает все на свете.

Думай.

- Это что, какой-то план, чтобы взять меня в заложники? Уверена, маме это покажется ужасно романтичным.

Его лицо мрачнеет. - Не вынуждай меня делать то, о чем я могу пожалеть, - говорит он и приближается к Такеру.

Я встречаюсь глазами с Такером. Он сглатывает, его Адамово яблоко⁴² дергается. Он напуган. Семъяйза собирается убить его, думаю я. Вот почему его не было на кладбище. Семъяйзе было бы так просто сделать это – все заняло бы какое-то мгновение, движение запястья. Ну почему я такая дура? Почему я не видела этого? Все эти месяцы я провела в раздумьях, как защитить его, а когда узнала про маму, забросила эти мысли, и вот все пришло именно к этому.

Мне хочется сказать ему, что я сожалею, что втянула его в свою сумасшедшую жизнь.

- Давай, звони ей, - говорит Семъяйза.

Я киваю и подхожу к нему, чтобы забрать телефон, шаг за шагом. Я пытаюсь заблокировать горе, когда внезапно оказываюсь в его невидимом радиусе, который словно соткан из боли. Слезы жгут глаза. Я смаргиваю их. Иду дальше. Встаю прямо напротив него и смотрю ему в глаза.

Семъяйза вкладывает телефон мне в руку.

Я нажимаю номер два. Гудки идут долго, так долго, что я ожидаю услышать автоответчик, но затем слышу мамин голос.

⁴² Адамово яблоко, кадык, выступ на передней поверхности шеи у мужчин, образованный сходящимися под углом пластинками щитовидного хряща гортани. Название — от библейской легенды о проглоченном Адамом яблоке.

- Клара? – по звуку ее голоса я понимаю, она знает, что что-то случилось.

- Мам... - на мгновение я не могу заставить горло формировать слова, слова, что приведут ее сюда к Семейязе и Бог знает, к какой судьбе. – Семейяза здесь.

- Ты уверена? – спрашивает она.

Я чувствую взгляд Семейязы, его присутствие и толчки в моей голове, он, конечно, не давит на меня, просто пытается прочесть меня или подслушать, или как это называется. – Он стоит прям тут. – На другом конце тишина. Затем она спрашивает: - Где ты?

- Не знаю. – Я дезориентировано осматриваюсь. Я не могу вспомнить, где мы, а все, что могу увидеть – это темные поля и телефонные столбы, тянущиеся вдоль них.

- Колтман Рoad, - выдыхает Такер.

Я повторяю его слова ей.

- Я разбила машину, - говорю я, потому что глупая часть моего мозга хочет знать, несколько мне за это попадет.

- Клара, слушай меня, - шепчет она. Она делает глубокий, неровный вдох. – Ты же понимаешь, что я не смогу прийти за тобой.

Я знала это. Волны шока все еще прокатываются во мне. Я знаю, она слишком слаба для полетов, слишком слаба даже для того, чтобы подняться по лестнице без головокружения, но глубоко в душе какая-то крошечная часть меня верила, что она все равно придет, несмотря ни на что.

- Что она сказала? – спрашивает Семейяза, делая шаг ко мне, его рот почти у моего уха. Он взволнован. Он думает, она спасет меня, как в прошлый раз. Ему так приятна идея снова увидеть маму, посмотреть ей в лицо, услышать ее голос. Он практически приплясывает от нетерпения. Теперь у него есть план, что-то, что снова объединит его с другими, план, чтобы навечно удержать с ним маму. В аду.

Только она не придет.

Кажется, теперь мы действительно влипли.

- Что она сказала? - снова спрашивает Семейяза, его разум давит на мой, пытаюсь самостоятельно найти информацию. Я отталкиваю его, и в этот раз мне удивительно легко удастся держать его подальше от моих мыслей. Ментально я сильнее, чем была в прошлый раз. Я могу выгнать его из своей головы. И это хорошо, учитывая то, что мне придется солгать.

- Она уже едет.

- Крепись, дорогая, - говорит мама. – Помни, что я говорила тебе о том, как победить его умом и сердцем. Ты сильнее, чем думаешь. Я люблю тебя.

- Ладно. – Я кладу трубку. Семейяза протягивает руку, а я пытаюсь унять дрожь, когда кладу в нее сотовый.

- Тогда подождем, - говорит он. Он держится как школьник: нервничает, улыбается. – Никогда не умел ждать.

Паника поднимается внутри меня, как трепыхание птицы, но я подавляю ее.

Выиграй время, думаю я. Найди способ увести его от Такера и Венди, чтобы вызвать сияние.

- Моей подруге надо вызвать скорую, - указываю я на Венди, лежащую у ног Такера, как тряпичная кукла в вельветовом платье. Это мое платье. Моя ответственность.

Семейяза опускает глаза на мой сотовый, собственнически сжимает на нем пальцы. – Мне так не кажется.

Я сглатываю. – Она ранена. Ей нужна помощь. Это не отразится на вас в любом случае. Мы – то есть, я, вы и мама – уйдем задолго до того, как придут медики.

- Пожалуйста, - просит Такер, в его голосе звучит неподдельная мольба. – Она моя сестра. Она может умереть. Пожалуйста, сэр.

Возможно «сэр» действует на него. Горе пульсирует вокруг меня, и в нем я чувствую мерцание чего-то человеческого, может, жалости. Чего-то противоречивого. Он снова опускает глаза на мой сотовый, открывает его. Его глаза бегут по кнопкам, но, похоже, он не знает, какую нажать.

Он не умеет пользоваться сотовым, доходит до меня.

- Я позвоню, - говорю я. – Вы можете наблюдать. Я только наберу 9-1-1. Если я сделаю что-то еще, вы можете убить меня.

Он улыбается. – Но если я убью тебя, я не получу того, за чем пришел, не так ли? А как насчет этого? Ты звонишь, но если попробуешь обмануть меня, я убью его. – Он мотает головой, чтобы указать на Такера. Холодная волна страха прокатывается по мне. - Окей, - шепчу я.

- Давай быстрее, - говорит он.

Он отдает мне телефон. Я набираю номер, и трясущимися руками прижимаю телефон к уху.

- 9-1-1, что у вас случилось? – отвечает женщина.

- Здесь... - я прочищаю горло и начинаю заново. – Здесь произошла авария на Колтман Род. Пожалуйста, пришлите скорую.

Она спрашивает мое имя. Я не могу назвать его, потому что когда приедут врачи, они будут искать меня, а меня уже там не будет. Но, может, это не важно. Может, я буду уже слишком мертва, чтобы волноваться по этому поводу. – Я...ээ...я... - бормочу я.

Семьязя протягивает руку. Я закончила то, что сказала. Позвонила. Я отдаю ему телефон. Оператор все еще говорит, задает вопросы, выясняя серьезность травм.

- Алло, - говорит Семьязя, его голос серьезен, но во взгляде я ловлю что-то еще.

- Алло? – слышу я тихий голос женщины. – Кто это?

- Я только что подошел. Ужасная, ужасная авария. Боюсь девушка уже без сознания. И молодой человек. Они выглядят так, словно они одеты для танцев. Пожалуйста, поспешите. Они оба серьезно пострадали.

Он закрывает телефон.

Оба серьезно пострадали.

- Но мама...

- Она не придет, - говорит он, его глаза такие понимающие. Он кажется очень разочарованным. – Мне придется довольствоваться тобой.

Он начинает поворачиваться в сторону Такера.

Я смотрю в лицо Такеру, его глаза цвета бури выражают понимание того, что Семьязя собирается сделать. Принятие. Готовность.

Время останавливается.

Я должна вызвать сияние. Почти такой же момент был год назад. Сейчас.

Я смотрю на Такера и не чувствую ничего, кроме биения моего сердца, так медленно, что это как удар каждые пять секунд, и я могу почувствовать, как кровь перекачивается по моему телу, к легким, туда и обратно, наполняя меня силой, жизнью, ощущением себя и чего-то большего, чем мое тело. Чего-то большего, чем человек может постичь. Моя сила. Моя душа.

Свет взрывается вокруг меня. Я поворачиваюсь к Семьязе, и в этот самый момент, замедленный в двадцать раз, он смотрит мне в глаза и, кажется, знает, что я собираюсь сделать. Он излучает ярость, но у него нет времени воспользоваться этим. Он двигается с неземной скоростью за пределы досягаемости сияния.

Я делаю глубокий вдох, медленно выдыхаю, чувствуя покалывание света на кончиках пальцев, вырывающегося из моего тела, мои волосы сияют, грудь наполняется теплотой. Во мне поселяется ощущение покоя. Я снова поворачиваюсь к Такеру. Он поднимает руку, чтобы защитить глаза от моего света. Я беру его вторую руку. Она кажется прохладной и липкой на фоне моей почти горячечной кожи. Он вздрагивает от моего прикосновения, затем заставляет себя расслабиться, опускает руку, сжимает на меня глаза, будто пытается смотреть на солнце. В его глазах застыли непролитые слезы. И страх.

Я тянусь и кладу пальцы на царапину на его голове, наблюдаю, как свет излечивает его, как снова сходит кожа до тех пор, пока от раны не остается и следа.

- Все хорошо, - шепчу я.

Смех пронзает мою невозмутимость. Семьязя смеется, отойдя на безопасное расстояние.

- А я недооценил тебя, - говорит он почти восхищенно. – Ты обученная маленькая птичка.

- Уходите.

Он снова смеется. – Мне хочется узнать, что будет дальше, а тебе?

- Уходите. Прочь.

- Ты не сможешь держаться вечно, ты же знаешь.

Что-то вроде этого он говорил и моей маме, в тот день в лесу. Она вызвала сияние, а он сказал: *Ты не сможешь вечно держать его*, она ответила: *Я смогу держать его достаточно долго*.

Достаточно долго – это сколько? Даже сейчас, спустя несколько минут, я чувствую, что начинаю уставать.

Это как держать дверь к моей душе широко открытой, пока ветер с силой пытается ее захлопнуть. Рано или поздно дверь закроется.

Семьязя закрывает глаза. – Я почти слышу сирены. Они мчатся сюда. Будет интереснее, когда они приедут.

Я сжимаю руку Такера. Он пытается улыбнуться. Я пытаюсь ответить на улыбку.

Было бы неплохо иметь план. Сидеть здесь и ждать, пока моя лампочка перегорит – это не совсем план. Ждать, пока придет скорая, тем самым только добавив больше людей в мясорубку – тоже не план.

- Почему бы тебе просто не прекратить этот бред? – говорит Семьяйза. – Не то, чтобы я не впечатлен. Для твоего возраста и разбавленной крови самостоятельно вызвать сияние – это просто неслыханно. Но тебе стоит сейчас же прекратить это.

Он говорит спокойно, но я чувствую, что он приходит в ярость.

Я уже видела его в таком состоянии. Это не хорошо. Он начинает делать неприятные вещи, как например, метание огненных шаров в твою голову.

На дорогу падает свет фар. Воздух застывает у меня в легких. Я почти теряю сияние. Оно мерцает, тускнеет, но я удерживаю его.

- Давай же, хватит глупить, - нетерпеливо говорит Семьяйза. – Нам пора идти. – Слишком поздно. Автомобиль медленно движется к нам. Останавливается, скрипят тормоза. Но это не скорая. Это побитая серебряная Хонда с зеленой проржавевшей решеткой радиатора. Я вглядываюсь сквозь свое собственное сияние, силясь рассмотреть человека внутри. Седовласый мужчина с бородой.

Мистер Фиббс.

Никогда в жизни не была кому-либо так рада, как мистеру Фиббсу в его изношенном коричневом костюме из полиэстера, вышагивающем к нам с улыбкой, словно он вышел на неспешную ночную прогулку. С его приближением я чувствую себя сильнее, так, будто я могу сделать все, что потребуется, чего бы мне это ни стоило. Я чувствую надежду.

- Добрый вечер, - говорит мистер Фиббс, кивая мне. – Как дела?

- Она ранена, - я указываю на Венди. Слава Богу, она еще дышит. – Скорая уже в пути. Они вот-вот должны появиться.

Семьяйза смотрит на него.

- Понимаю, - говорит мистер Фиббс. Он переключает свое внимание на Черное Крыло. – А что у вас за проблема?

- Ты кто? – спрашивает Семьяйза.

- Я учитель, - мистер Фиббс поправляет очки. – Это мои ученики.

- У нас дела с девочкой, - говорит Семьяйза почти вежливо. – Мы пойдем, а вы можете заняться остальными.

- Боюсь, я не могу этого допустить, - говорит мистер Фиббс. – Да, ты мог бы раздавить меня, как жука, если бы захотел. Если бы смог до меня добраться, - добавляет он. – Но я выступаю против тебя во имя Господа Всемогущего, которого ты предал. Так убирайся ж обратно во мрак, Страж. – Надеюсь, ради нашего блага, он не блефует.

Семьяйза не двигается.

- Ты что, плохо меня слышишь? – спрашивает его мистер Фиббс, будто тот не падший ангел, а ленивый школьник. – Вижу, у тебя проблемы с ухом. Клара, твоя работа?

- Эээ, да.

- Хорошо, молодец. – Он поворачивается обратно к Семьяйзе.

- Поосторожнее, старик, - рычит ангел. Воздух вокруг него начинает потрескивать от силы. Я начинаю волноваться, что он решил перенести нас в ад.

- Корбетт, - нервно говорю я.

Я не успеваю моргнуть, а мистер Фиббс уже высоко держит одну руку, в которой разгорается свет, окружая нас, закручиваясь в длинную, тонкую линию с яростно-яркой точкой света на конце. Стрела, это моя первая мысль, стрела из сияния, но прежде чем у меня появляется время подумать, что это может означать, мистер Фиббс делает резкое движение рукой и бросает ее прямо в Семьяйзу.

Как в замедленной съемке я наблюдаю, как стрела пронзает воздух, как падающая звезда, и вонзается ангелу прямо в плечо. Она издает звук, похожий на звук от ножа, входящего в арбуз. Он испуганно смотрит на нее, затем неверяще на мистера Фиббса. Свет стрелы, как кровь, стекает по его плечу, и шипит, когда соприкасается с его кожей, сжигая вторую личину, за которой он прячет свой истинный облик. Он протягивает руку и хватается за древко. Его брови сведены вместе, затем он вырывает стрелу. Он стонет от боли, когда она оказывается снаружи. Он бросает ее, и она рассыпается на маленькие искорки, ударяясь о землю. Тяжело дыша, он смотрит прямо на меня, не на мистера

Фиббса или Такера, а на меня, и его взгляд печален. Его тело внезапно становится прозрачным, серым и неотчетливым, даже кожа, как будто он стал призраком.

А потом он исчезает.

Мистер Фиббс рядом со мной медленно выдыхает, единственный признак того, что этот психоделический ужас произошел на самом деле. Наконец, я отпускаю сияние, и оно гаснет.

- Ну, теперь мы знаем, почему он злится на меня, так ведь? – бодро говорит он.

- Как вы это сделали? – задыхаюсь я. – Это было *так* круто!

- Давид и Голиаф, дорогая, - отвечает он. – Чтобы убить великана, нужен всего лишь маленький камушек. Хотя, если честно, я целился ему в сердце. Я никогда не был метким стрелком. – Такер отступает несколько шагов в кусты и его рвет. Мистер Фиббс морщит нос, пока мы слушаем, как он расстается со своим ужином.

- Боюсь, люди и сияние не очень-то совместимы, - говорит он.

- Ты в порядке? – зову я Такера.

Он выпрямляется и возвращается к дороге, вытирая рот рукавом смокинга.

- Он вернется? – спрашивает он.

Я смотрю на мистера Фиббса, тот вздыхает.

- Я уверен в этом.

- Но вы ранили его, - говорю я, голос звучит испуганно. – Неужели ему не понадобится время на лечение? То есть, я оторвала его ухо много месяцев назад, и оно еще не отросло. – Мистер Фиббс жестко кивает. – Надо было бить в сердце.

- Это бы убило его?

- О, Господи, нет. Ты не можешь убить ангела, - говорит он.

- Смотрите, - Такер указывает на дорогу, где мы видим полицейскую машину, за которой следует скорая помощь и машина пожарных, несущиеся в нашу сторону.

- Что-то они долго, - говорю я.

Мистер Фиббс опускается на колени, чтобы проверить Венди, его пальцы легко касаются ее шеи. Ее веки подрагивают, но она не просыпается. Она стонет. Сейчас это чудесный звук.

- С ней все будет хорошо? – спрашивает Такер, его лицо все еще немного зеленое.

- Да, конечно, - отвечает мистер Фиббс.

Мы все молчим, когда сирены приближаются, звук меняется, когда они становятся ближе, пока мы не окунаемся в красные и голубые вспышки ничего не подозревающих людей, спешащих на помощь.

ГЛАВА 14. ПОЙ ПЕСНЮ ПЕЧАЛИ (Переводчик: Наталья Цветева; Редактор: [unreal])

Было почти утро, когда я зашла через парадную дверь в своем мятом платье для выпускного и без туфель. Джеффри и мама ждали меня в гостиной. Она издала сдавленный крик, увидев меня, и вскочила так быстро, что это встревожило Билли, практически падая в мои объятия.

- Мне так жаль, - шепчет она напротив моих волос. – Ты в порядке? – глупый вопрос.

- Мам... - неловко говорю я, поддерживая ее. - Я в порядке.

Позади меня мистер Фиббс прочистил горло. Он оставался со мной в отделении скорой помощи все время, даже после приезда Билли, проводя меня через ненужные анализы и ожидание в коридоре с семьей Эвери новостей о Венди, которая оказалась в порядке, по крайней мере, мистер Фиббс сказал так, и шквал вопросов от полиции, на которые я не знала, как ответить.

Мама отстраняется от меня и смотрит на мистера Фиббса блестящими глазами.

- Спасибо, Корбетт.

- Не за что, - грубо говорит он.

- Ты сказал им, что произошло? – спрашивает Джеффри, имея под «ними» в виду всех, кто полностью человек.

- Официальная версия – она столкнулась с лосем, - Корбетт хихикает.

Лось. Может быть, однажды мне это покажется смешным. Но не сегодня.

- Я не должна была пытаться ударить его машиной, - говорю я, потирая виски. - Это было глупо.

- Ты шутишь? Это было бесстрашно, как и любой другой выход из трудного положения, - сказал

Билли.

- Ты была изумительна сегодня, - добавила мама. - Ты смотрела на него без страха. Ты сохранила всех в безопасности. Ты вызвала ореол, несмотря на невероятное количество давления, и ты держала его, пока не подросла помощь. Я никогда так не гордилась тобой.

Что-то влажное течет по моим щекам. Я вытираю их.

- О, дорогая, - говорит мама и, взяв меня за руку, тянет в гостиную, где, скорее всего, намеревается усесться перед камином и постараться утешить меня разговорами.

Я тяну свою руку.

- Как насчет того, чтобы рассказать мне сейчас, мам?

- О чем?

- Семейяза сказал, что есть что-то, что ты мне не рассказала о моем предназначении или моих видениях или о чем-то странном во мне. Это так?

Она вздрагивает как от удара. Они с Билли обмениваются взглядами и это молчаливое согласие.

Что-то есть.

- У Семейязы есть какой-то план, - говорю я. - Он хотел, чтобы я осталась с ним на какое-то время.

Мама хмурится и медленно идет. Затем говорит Билли, и это звучит, как гром среди ясного неба.

- Мадж, даже не думай об этом.

- Я не думала, - сказала мама.

- Думала. Я знаю это. Этот человек, если ты хочешь называть его человеком, не может выполнить обещание. Он сам вырыл себе могилу. Ты не можешь вернуть его из состояния Черного Крыла.

- Он думал, что взяв тебя в ад, он наладит отношения с другими Черными Крыльями. Что это значит? - спрашиваю я.

- Однажды он должен был убить меня, - говорит мама так, словно это не такое уж большое дело. - Но не сделал этого, за что и был наказан.

- С тех пор у него не все в порядке, - вставляет Билли. - Он расстроен. Вот почему я ни за что на этом благословенном Богом свете, не оставлю тебя поблизости от этого чокнутого ангела. Он убьет тебя.

Мама вздыхает: - Билли, я уже умираю. Мне нечего терять. - Мистер Фиббс откашливается. - Я согласен с Билли. Думаю, для тебя же лучше держаться от него подальше. Ты можешь потерять все. Он может забрать твою душу и не отпускать, держа тебя внизу, вместе с ним, сколь угодно долго.

- Он не смог бы удержать меня, - спорит мама. Она сверкает глазами в сторону Билли. - Не вечность. Не важно, что он об этом думает.

Мистер Фиббс пожимает плечами: - Это не то место, где мне хотелось бы провести даже десять минут.

- Ладно, - мама расстроено кривит рот. - Я и близко к нему не подойду. Я останусь здесь и буду увядать.

Это первый раз, когда она выразила что-либо, помимо благосклонного согласия с тем, что с ней происходит. Первый раз, когда она ведет себя, как побежденная.

- Тебе пора в кровать, - говорит она мне. - Мы можем поговорить об этом потом, сейчас ты измотана. Тебе нужно поспать.

- Думаю, я лучше соберу вещи, - говорю я, поворачиваясь к лестнице.

Мама бросает на меня непонимающий взгляд.

- Мы что, не уезжаем отсюда? То есть, Семейяза сказал, что он следил за мной. Он знает, где мы живем. Оставаться здесь не безопасно. Он же вернется. Ты знаешь, что вернется. - Она кивает: - Я бы сказала, что это данность. Это только вопрос времени. Но он знает тебя, Клара. Если он действительно захочет найти тебя, то найдет. Если мы сейчас сбежим, это не пойдет нам на пользу. - Почему-то меня это не успокаивает.

Она закрывает глаза, словно ей немедленно нужен сон. - Нам придется остаться здесь, Клара. Это то место, где я должна быть.

Она имеет в виду, что это то место, где она должна умереть. Я сглатываю.

- Дом в безопасности, - говорит она.

- И территория школы, - добавляет мистер Фиббс. - Я видел это много лет назад.

- Подожди, - перебиваю я. - Как это в безопасности?

- Она святая, - отвечает он. - Земля была освящена. Черное Крыло не может ступить на святую землю, это слишком болезненно для них.

- Значит наш дом на святой земле? - спрашиваю я. Это так знакомо. На собрании говорили о том, что он находится на кладбище, которое было освящено.

- Да, - отвечает мистер Фиббс.

В мыслях я возвращаюсь в тот день, когда впервые увидела наш дом, ощущение тепла, безопасности и радость жизни, наполнившие меня, как только я вышла из машины. Интересно, это есть та самая святость, или как оно там называется.

И школа. Вот почему мама заставляла нас с Анжелой ходить в школу в то время, когда у меня были атаки печали. Потому что там безопасно.

Мистер Фиббс снова поворачивается к маме. - Мы с Билли можем провожать и встречать детей со школы каждый день.

- Хорошо, - говорит мама. - Мы сделаем расписание. Извини, Клара, но, боюсь, все будет так же, как если бы ты была наказана.

- Что насчет меня? - спрашивает Джеффри.

Я совсем забыла, что он тоже здесь, стоит в углу, скрестив руки на груди.

Мамины глаза цвета ночи светятся печалью. - Тебе тоже придется побыть дома. Мне жаль.

- Чудесно, - ворчит он. - Еще одно небесное предписание, как раз то, что нужно. Надолго?

- Пока я жива, - говорит мама.

Он поворачивается и смотрит на меня, как будто это моя вина, его желваки движутся, словно он сжал зубы, затем он уходит в свою комнату, чтобы подумать об этом. Мы слышим, как хлопает дверь.

- А что до тебя, - говорит Билли, - больше никаких ночных путешествий к «Ленивой Собаке». Я буду тем человеком, кто забьет твоё окно гвоздями, клянусь. У тебя нет времени, чтобы шататься повидать своего бойфренда.

Такер. Я все еще вижу его лицо, когда Семъйза хотел ранить его.

То, что я чувствовала в тот момент, не в состоянии остановить его.

Но ты могла остановить его, говорит мне внутренний голос.

Да, но что потом? Что насчет Венди, ее сломанной руки, небольшого сотрясения, ее смущенного лица в больнице, когда она очнулась и ей объяснили, что произошло. Лось? Повторяла она. Я не помню.

Это все моя вина. Им бы никогда не грозила опасность, если бы ни я.

- Как Такер? - спрашивает мама. - Он в порядке?

Он потрясен. Но все нормально. С Венди тоже все должно быть в порядке, - не хочу больше думать о том, что могло случиться. Я слишком устала. - Думаю, мне пора спать. Доброй ночи. Или лучше сказать, доброго утра?

Мама кивает. - Доброй ночи. - Затем, когда я поднимаюсь по лестнице, она говорит: - Сегодня ты действительно заставила меня собой гордиться. Я люблю тебя, не забывай об этом.

Я знаю, что она любит меня. Но она продолжает что-то скрывать. До сих пор.

Секреты никогда не кончатся.

Солнце встает к тому времени, когда я выхожу из душа. Я надеваю чистую майку и пижамные штаны, затем подбираю свое потрепанное бальное платье с того места, где я его бросила, а именно, у двери в ванную, и кладу в угол, где оно лежит, как сдувшийся шарик.

У меня больше не будет танцев. Не будет официальной одежды. Не будет глупых мальчишек, делающих глупости, вроде драки, чтобы решить, кто будет со мной танцевать или кому я принадлежу.

Машины больше нет.

Но Такер жив.

За окном я замечаю движение, и отскакиваю назад, сердце колотится, хоть я и понимаю, что Семъйза не может пробраться сюда. В окне появляется Кристиан, выглядящий так, словно имеет полное право здесь находиться. Я ожидаю услышать его голос в моей голове или почувствовать вспышку эмоций, но ничего не происходит. В голове тихо, разум плотно закрыт.

Кристиан хмурится. Затем протягивает руку и осторожно стучит в окно.

Я ужасно устала. Ощущение, будто все мышцы одновременно запечатались то, что я пережила ночью. Мне хочется проигнорировать его, рухнуть на кровать и спрятаться под одеялом.

Вместо этого я подхожу к окну и открываю его.

- Сейчас не лучшее время, - говорю я.

- Ты в порядке? Я приходил раньше, чтобы извиниться за то, что вел себя, как последний придурок, а твоя мама сказала, что ты попала в аварию.

У меня нет сил, чтобы рассказывать ему, что случилось. Поэтому я тянусь к нему, кладу руку ему на плечо и открываю разум, позволяя увидеть все пережитые мной ужасы. Когда я заканчиваю, то замечаю, что он бледен. Его бьет дрожь. Он откашливается.

- Ты в порядке? – спрашиваю я.

Он опирается об оконную раму. – Никогда не делал такого прежде, - говорит он. – Похоже на... на то, что ко мне в голову вывалили кучу всего. Это слишком.

- Попытайся жить с этим.

- И твоя мама уверена, что ты здесь в безопасности? Она не думает, что будет лучше...

- Сбежать? С криками бежать в горы? Воспользоваться программой защиты свидетелей? Нет. Мама говорит, никому из нас это не пойдет на пользу. К тому же, дом стоит на освященной земле. – Он кивает, словно эта информация его не удивляет. Конечно, мой дом на освященной земле. Как и все праведные дома, это же нормально?

- Мне бы хотелось быть там с тобой, - говорит он. – Помочь тебе. – Именно это он и имеет в виду. И это мило. Но я раздражаюсь. Я устала. Я не расположена к любезностям.

- Мне нужно идти, - говорит он.

- Тебе действительно пора.

- Прости за то, что случилось на танцах, - говорит он. - Я не хочу, чтобы ты думала, что я из таких парней.

Он думает, что я еще злюсь из-за этого. Словно я все еще думаю об этом.

- Из каких парней?

- Которые влюбляются в чужих девушек.

- Я и не думала. Ты не такой. Так что все в порядке, правда.

- Я хочу, чтобы мы были друзьями, Клара. Ты мне нравишься. И если бы все это не было связано с нашими обязанностями, ты бы все равно мне нравилась. Хочу, чтобы ты это знала.

Серьезно, я слишком устала, чтобы участвовать в этом разговоре. – Мы друзья. И прямо сейчас я должна сказать тебе, как твой друг, иди домой, Кристиан. Потому что мне действительно хочется, чтобы этот день наконец-то закончился.

Он вызывает крылья и улетает. Я закрываю окно. Несмотря на усталость и на то, что последнее, о чем бы мне хотелось думать – это танец и мое предназначение, и то, что он в центре того и другого, теперь, когда он ушел, мне становится одиноко. Так одиноко, как никогда еще не было.

Я ненавижу эти ступеньки в лесу. Я ненавижу то, как хорошо я их знаю, как каждый их дюйм закрепился в моей памяти, хруст, трещины в цементе, темно-зеленый мох, похожий на вельвет, пытающийся пробить себе путь на поверхность. Ненавижу шероховатость, которую он создает у меня под ногами. Ненавижу перила, за которые я цепляюсь. Если бы я могла, я принесла бы отбойный молоток к этим ступенькам, разнесла бы их на кусочки и побросала на дно озера Джексон.

Бульдозером я бы сравняла с землей все это кладбище.

Я бы сожгла это черное платье, которое на мне надето. Я бы вышвырнула в помойку мамины красивые туфли.

Но я не могу. Это сон, а во сне действует Клара из будущего, которая едва чувствует свои ноги. Она укуталась в своем оцепенении, как в плаще, прячась, сгибаясь под тяжестью, так что каждый шаг вперед дается с усилием. Ей кажется, что она сейчас расплчется. Но не может. Ей хочется избавиться от руки Кристиана, но она не делает этого. Словно мы обе парализованы, не способны в этот момент ни на что, кроме ходьбы, дурацкой монотонной ходьбы, все время вверх, к пяточку, на котором собрались люди.

К яме в земле.

К смерти. Смерти моей матери. Краем сознания я ловлю Черное крыло, его горе, выходящее за рамки его разума, открывшуюся рану в его сердце.

Мама не шутила, что вся следующая неделя будет похожа на наказание. Каждое утро Билли отвозит нас в школу. Она ведет себя, как обычно, будто ничего не случилось, но она очень внимательна.

Я предложила прогулять школу, чтобы подольше побыть с мамой, но она не желала даже слышать об этом. – Что бы сказал Стэнфорд? – шутит она.

- У тебя рак. Уверена, они бы поняли, - отвечаю я. Отличный аргумент.

Не получилось. У мамы пунтик по поводу нормальности. Вести себя, будто ничего не случилось так долго, как можешь. Это раздражает, потому что когда мы вообще были нормальными? Кажется бессмысленным претворяться, что все иначе. Но она непреклонна. Нормальные дети ходят в школу. Будем ходить и мы.

Хочу назад свою жизнь. Хочу ходить в «Подвязку» и зависать с Анжелой. Хочу ходить на ужин к Эвери субботними вечерами, целоваться с Такером на заднем крыльце. Это то, что делают нормальные люди, правда? Встречаются с друзьями? С любимыми? А еще я хочу летать. Иногда я чувствую присутствие своих крыльев, словно им хочется самостоятельно раскрыться и взмыть высоко в небо, до боли желая почувствовать несущий их ветер.

- Вот отстой, - говорит Анжела в четверг на ленче на четвертый день после аварии. Она откусывает огромный кусок от зеленого яблока и шумно его прожевывает. – Но, Клара, на тебя напал Черное Крыло. Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть.

- Я перестраховываюсь и жалею.

Она бросает на меня серьезный перестань-ворчать взгляд. – Ладно, лучше перестраховаться, чем умереть.

- Отличный аргумент.

- Боже, как бы мне хотелось быть там, - так громко выдыхает она, что две, проходящих мимо, приостанавливаются с видом, что случилось с Анжелой Зербино? Она пристально смотрит на них, и они уходят.

- Все самое веселое происходит без меня, - уже тише жалуется она.

- Это было весело. Поверь мне.

- Спорю, это было круто. Адреналин зашкаливает. Нервы на пределе.

- С каких это пор ты стала адреналиновой наркоманкой? – спрашиваю я. – И нет, это не было круто. А очень страшно. Надеюсь-я-не-обделаюсь, надеюсь-я-не-умру-от-страха.

- Но Черное Крыло был великолепен, правда? Он производит впечатление, когда на него смотришь? Ты видела его крылья?

- Энджи, он же не дикое животное.

- Ну, уж точно не олень, - фыркает она.

- Я не упоминала о страхе? Все то время я думала, что это конец, что вот почему Такера не было на кладбище. Семейязя убьет его. – Она замирает с яблоком во рту. – На каком кладбище?

Вот черт.

Анжела пристально смотрит на меня: - Клара, что за кладбище?

Кажется, придется ей рассказать.

- Мой повторяющийся сон – это видение. Станный лес со ступеньками – это кладбище Аспен-Хилл. Я стою у края могилы. Сначала я думала, что умрет Такер, потому что его не было там, в видении, но оказалось, что это будет мама. – Она сжимает голову руками, словно я свожу ее с ума. – Как ты это поняла?

- Кристиан. Там похоронена его мама. К тому же, я бы выяснила это и сама. Теперь это довольно очевидно.

- Так ты рассказала Кристиану. – Она выглядит очень обиженно. – Ты рассказала Кристиану, а не мне. – Я пытаюсь придумать хорошее оправдание, вроде того, что я не хотела отвлекать ее от собственного предназначения, что не хотела ничего ей говорить, пока не буду уверена, сделать акцент на том, что какое-то время я не рассказывала этого даже маме, но все, что я могу сказать, это: - Эй, ты же была тем человеком, который убеждал меня рассказать все в первую очередь Кристиану.

- Ты не доверишь мне? – спросила она.

Она хочет сказать что-то еще, но внезапно что-то происходит в кафетерии. Народ расходится, очевидно, от чего-то в центре. Девочка начинает плакать, и это не истеричный детский плач, не так драматичного, как Кей в прошлом году, но толпа все равно отходит от нее. В этой патетичной фигуре я узнаю Кимбер, подружку моего брата. И Джеффри, как бесстрастная статуя рядом с ней.

- Джеффри, - между всхлипами говорит Кимбер. Она держит его за пиджак. – Ты ведь так не думаешь.

- У нас не получается, Кимбер, - говорит он, и, больше не произнося не слова, разворачивается, отталкивает ее руку, и устремляется к двери.

Я догоняю его, прежде чем он успевает уйти. – Джеффри, нельзя бросать девушку перед всеми, - шепчу я, пытаюсь не привлекать еще больше внимания. – Перестань.

- Не говори мне что делать, - это все, что он говорит. И уходит.

Друзья Кимер столпились вокруг нее, сочувствующе воркуя, и посылая негодующие взгляды в сторону, где скрылся Джеффри, громко заявляя, что он просто придурок и не заслуживает ее, ему же хуже. Она ничего не отвечает. Просто сидит за столом, плечи опущены, являя собой воплощение уныния.

Я бреду к столику. – Что с ним происходит? – спрашивает Анжела. – Или ты и этого не можешь мне рассказать?

Упс. – Он не очень хорошо переживает эту историю с мамой.

- Его можно понять, - говорит она, и ее глаза вспыхивают сочувствием. – Все равно, это очень плохо. Кимбер - милая девушка. Это было немного...жестоко.

Я вспоминаю одно событие, когда мы были детьми, к нам в окно врезалась птица. Мы смотрели утренние субботние мультики, и вдруг, шлеп. Джеффри выбежал на улицу, чтобы посмотреть, что это было.

Он поднял птицу, осторожно держа в руках, спросил меня, можем ли мы что-то сделать. Это был скворец со сломанной шеей. Он был уже мертв.

-Куда он ушел? – спрашивает он, когда я пытаюсь объяснить это ему.

- Может быть, на небеса. Я не знаю.

Он захотел похоронить птицу на заднем дворе, сказал речь, похожую на миниатюру пасторской про жизнь, которую, должно быть, прожила птица, свободно летая, как ее братья-птицы будет скучать по ней. А когда мы засыпали ее грязью, он заплакал.

Что случилось с тем ребенком? Думаю я, стараясь подавить комок, поднимающийся в горле. Куда он делся? Внезапно мне хочется заплакать. Мне кажется, что наши жизни рушатся.

- Итак, - начинает Анжела. – Нам надо поговорить.

- Эээ, - кажется, мое заточение становится проблемой. – Дело в том, что я наказана, - говорю я. Но резко останавливаюсь, потому что что-то другое привлекает мое внимание. Какое-то чувство, появившееся на краю сознания. Что-то, чего быть не должно, не таким образом, его интенсивность усиливается.

Печаль.

Я иду к окну и выглядываю на улицу. Грозовые облака, темно-синие и грозные, закрывают горы. В воздухе мелькают вспышки, похожие на молнию.

И печаль. Вполне определенный вид печали.

Семьязе здесь.

- Клара? – говорит Анжела. – Земля вызывает Клару.

Это невозможно. Школа находится на святой земле. Семьязе не может прийти сюда.

Я сканирую пространство за парковкой, затем за забором, где заканчивается школьный двор и начинается поле, небольшой лесок с тополями. Я не вижу Семьязу, но он точно здесь. Еще одна вспышка печали и одиночества, которая взывает ко мне. Я кладу руку на холодное стекло и позволяю ей вести меня. Я напрягаю глаза, чтобы рассмотреть поле. За высокой травой что-то есть.

- Что это? – спрашивает Анжела, подходя ко мне. Ее голос разрушает сковавшие меня чары печали. Я отхожу от окна.

Кристиан неожиданно оказывается рядом и кладет руку мне на плечо, заставляя меня подскочить от неожиданности. Его зеленые глаза расширены от беспокойства.

- Ты чувствуешь это? – шепчу я.

- Я чувствую тебя. Что-то не так?

- Семьязе здесь. – Каким-то образом мне удастся сохранить самообладание и говорить тихо, так что я не кричу об этом на всю школу.

- Здесь? – Анжела повторяет это ошеломленным голосом прямо позади него. – Серьезно? Где?

- В поле за школой. Думаю, он в другой форме, но я все равно чувствую его.

- Я тоже, - говорит Кристиан. – Хотя, я не знаю, делаю ли это самостоятельно или через тебя.

Брови Анжелы сходятся на переносице. Несколько секунд она концентрируется, затем вздыхает.

- Я ничего не чувствую. – Она смотрит через холл, в сторону задней двери, ведущей к полю. Она собирается выйти. Ей хочется увидеть этого ангела.

Я крепко сжимаю ее руку. – Нет. – Я лезу в карман за сотовым и понимаю, что он все еще у Семьязы. – У тебя сотовый с собой?

Она кивает и бросает свой рюкзак на пол, чтобы достать телефон из наружного кармана.

- Позвони ко мне домой. Не на сотовый, - быстро говорю я, прежде, чем она начнет набирать номер. – Возможно, ответит Билли. Скажи ей, что происходит.

Я поворачиваюсь к Кристиану. – Нужен мистер Фиббс. Обычно он ест ленч в своем кабинете. Найди его. – Он кивает и бежит к выходу. Анжела начинает возбужденно говорить по телефону.

- Где Такер? – спрашиваю я, в груди все застывает, когда в мозгу вспыхивает картина, как Такер, идет к парковке, чтобы поехать на тренировку по верховой езде. Теперь Семъяйза знает его.

Он знает, что я люблю его.

Такер не придет на кладбище, вновь думаю я.

- Он прямо там, быстро отвечает Анжела, видя ужас на моем лице.

Я смотрю по сторонам, немедленно обнаруживаю Такера, и все внутри меня опускается от облегчения.

Он встает, когда видит, что я иду к нему, преграждает мне путь и обнимает меня, так что мне даже не приходится просить об этом.

- Что случилось? – спрашивает он. – Ты выглядишь так, словно...

- Ангел здесь, снаружи в поле за школой. – Меня трясет.

- Прямо сейчас?

О, да. Он все еще здесь. Печаль окутывает меня, обвиваясь вокруг сердца, грустное одиночество Семъяйзы, как ноты песни серен.

- Да, - говорю я. – Прямо сейчас.

- Что нам делать? – решительно спрашивает он.

- Оставаться здесь. Он не может ступить на школьную землю. Она освящена. – Несмотря на жуткую ситуацию, уголок рта Такера кривится в улыбке. – Школа на освященной земле. Да ты шутишь.

Анжела поднимает руку, все еще разговаривая по телефону.

- Билли хочет знать, все ли в сборе, - говорит она.

Нет, понимаю я. Не все. Одного из нас нет. Джеффри. Он убежал.

В сторону парковки.

- Клара, подожди, - зовет Такер, пока я бегу. – Ты направляешься к нему?

- Оставайся здесь! – кричу я через плечо.

У меня нет больше времени для объяснений. Я не думаю о том, как это может выглядеть для других учеников. Я просто бегу. Я вылетаю из кафетерия и несусь по коридору, толкаю заднюю дверь и бегу по парковке, преследуемая печалью. Наконец, я вижу Джеффри, идущего между машинами, голова поднята, словно он прислушивается к чему-то. Любопытство. Он следует зову.

- Джеффри! – выкрикиваю я.

Он останавливается, смотрит на меня поверх плеча. Хмурится. И вновь поворачивается к полю. Он так близок к краю парковки. Я бегу так быстро, как могу, мне все равно, что другие на меня смотрят. Я фокусируюсь на сокращении дистанции между мной и братом. Все силы я бросаю на то, чтобы спасти его.

Я догоняю его прямо у низкого деревянного забора, который служит условной границей между школой и полем.

Я хватаю его за плечо и с такой силой тяну назад, что мы оба теряем равновесие. Он пытается меня оттолкнуть.

- Джеффри, - шепчу я. – Остановись.

- Господи, Клара. Успокойся. Это же просто собака, - говорит он, все еще пытаюсь стряхнуть меня.

Я встаю на ноги, продолжая висеть на нем. И смотрю в поле. Он прав. Это собака, большая черная собака, формой и размером напоминающая лабрадора, но с более густым мехом. Есть что-то волчье в ее неподвижной манере сидеть, в том, как она смотрит на нас, подняв одно ухо, а другое слегка согнув.

В ее глазах определенно есть что-то человеческое.

- Это собака, видишь? – снова говорит Джеффри. – Она ранена. – Он подходит к забору. – Иди сюда, мальчик. – Я дергаю его назад, обхватываю его руками и крепко держу. – Это не собака. Посмотри на ее ухо. Видишь одно деформировано? Это потому, что я оторвала его прошлым летом. Ему пришлось его отращивать. Посмотри на его плечо, где кровь. Это мистер Фиббс бросил в него стрелу из сияния.

- Что? – Джеффри трясет головой, словно пытаюсь очистить ее.

- Это Черное Крыло.

Собака встает. Подходит к забору. Скулит. Низкий жалобный звук, что вызывает во мне печаль с еще большей силой. Подходит. Подходит.

- Это Семейяз, - настаиваю я, оттаскивая Джеффри назад за плечо, но он сильнее, чем я.

Мне не удастся даже сдвинуть его.

- Кажется, у тебя окончательно поехала крыша, - говорит Джеффри.

- Нет, сынок, это не так, - произносит кто-то. Мистер Фиббс энергично подходит к нам. – Дети, уходите оттуда, - говорит он.

Джеффри перестает вырываться. Мы поворачиваемся и медленно идем к мистеру Фиббсу. Он все еще смотрит на собаку. Та рычит.

- Что, хочешь еще одну? – спрашивает мистер Фиббс. – В этот раз я могу бросить стрелу прямо тебе между глаз.

Пес снова рычит, этот звук наполнен такой ненавистью, что у меня на шее волосы встают дыбом. Затем он исчезает. Без хлопка или волшебного слова. Холод в воздухе, запах озона, и он пропадает.

Нам требуется минута, чтобы перевести дух.

- С ума сойти, - наконец говорит Джеффри, - Я бы взял его домой, если бы вы не остановили меня.

ГЛАВА 15. АНГЕЛ У ПОРОГА

(Переводчик: Наталья Цветева; Редактор: [unreal])

С тех пор я почти каждый день чувствую Семейязу. Он не всегда вызывает ко мне той грустной чарующей музыкой, что я не могу выбросить из головы. Но он приходит каждый день, даже если это длится всего пять минут. Он хочет, чтобы я знала, он здесь.

Он не доставляет никаких неудобств, не причиняет вреда ученикам, не показывается на виду. Он не нападает на нас, приходя и уходя из школы, но теперь он знает, где мы живем. Он идет за нами до самого дома. Я не всегда чувствую его, когда нахожусь дома, с тех пор, как нашу землю освятили на довольно большое расстояние: от главной дороги до леса и до ручья за домом. Он не может подойти достаточно близко, чтобы докучать мне. Тем не менее, если я напрягаюсь, если прислушиваюсь к нему, иногда я могу его услышать. Он ждет.

Я задаюсь вопросом, чувствует ли его мама.

- Тебе придется научиться блокировать его, - говорит она, когда я спрашиваю. – Это отличная мысль, научиться полностью блокировать твою эмпатию, потому что бывают ситуации, в которых тебе это может пригодиться.

- Как?

- Это как закрыть дверь, - отвечает она. – Ты поднимаешь призрачный барьер между вами.

- Призрачный барьер?

- Ты закрываешься от силы, которая соединяет нас друг с другом. Не стоит использовать его долгое время. Это сделает тебя беспомощной, если ты будешь использовать его постоянно, но пока это, возможно, лучшее решение. Только так ты сможешь закончить школу не отвлекаясь. Попробуй.

- Что? То есть прямо сейчас? С тобой?

- Да, - говорит она. Она тянется и берет меня за руку. – Используй эмпатию на мне. – Почему-то меня это немного пугает.

- Я не знаю, - говорю я. – Я не могу ее контролировать. Только когда я рядом с Кристианом, я могу заставить эмпатию работать. А иногда...мне приходят не только чувства людей. Но и их мысли. Что это такое?

- Наши мысли и чувства связаны, - отвечает она. – Воспоминания, образы, желания, чувства. Иногда на тебя обрушиваются чьи-то чувства. Это будет сильнее, если ты прикоснешься к человеку: кожа к коже. А иногда ты можешь получить какое-нибудь изображение или определенное предложение, которое они думают в этот момент. Но думаю, в основном это будут чувства.

- А ты так можешь?

- Нет. – На минуту она опускает взгляд. – Я не часто ловлю чувства. Но я телепат. Я могу читать мысли.

Ого, вот это новости! Не мудрено, что она всегда казалась на два шага впереди меня. Когда я была маленькой, мне серьезно казалось, что у нее глаза на затылке.

- Да, это было очень эффективное качество для родителя, - говорит она в моей голове. И улыбается.

- Клара, не смотри на меня так. Я не читала каждую твою мысль. Большую часть времени я предпочитаю держаться подальше от чужих мыслей, особенно мыслей своих детей, потому что вы заслуживаете немного личного пространства.

- А теперь будем тренироваться, - говорит она. – Откройся. Попробуй почувствовать то, что чувствую я.

Я закрываю глаза, задерживаю дыхание и слушаю, будто ее чувства – это то, что можно услышать. Внезапно я вижу вспышку бледно-розового за веками. Я ловлю воздух.

- Розовый, - шепчу я.

- Сосредоточься на нем.

Я стараюсь. Я стараюсь смотреть в розовый, пока голова не начинает раскалываться, и, когда я уже готова сдаться, я вижу, что это занавески, розовые пятнистые занавески, висящие на окне.

Розовые пятнистые занавески – это не чувство.

Но это еще не все – смех, детский смех, такой смех, когда тебе кажется, что ты сейчас описеешься, так весело ребенок смеется. И мужчина смеется, приятным радостным смехом. Я узнаю его. Отец. От мысли о папе в горле встает комок.

- Не давай собственным чувствам вмешиваться, - говорит мама.

Розовый. Смех. Тепло. Я чувствую, что это для нее значит. – Радость, - наконец говорю я. Я открываю глаза.

Она улыбается. – Да, - говорит она. – Это была радость.

- Мам...

- Теперь попробуй поставить блок.

Я снова закрываю глаза, но в этот раз я представляю, что строю между нами невидимую стену, кирпичик за кирпичиком, мысль за мыслью, до тех пор, пока за моими веками ничего не остается, ни цветов, ни чувств, ничего, кроме серого и пустого вакуума.

- Ладно, я ничего не чувствую, - я снова открываю глаза и вижу странное выражение на ее лице: облегчение.

- Молодец, - говорит она, и снимает свою руку с моей. – Теперь тебе нужно только потренироваться пока ты не научишься закрываться когда хочешь и от кого хочешь. – Определенно, это было бы полезно.

Итак, всю неделю, когда я чувствую Семьяязу в школе, я работаю над созданием призрачного барьера. Сначала совершенно ничего не происходит. Скорбь Семьяязы наполняет меня, делая невозможным думать о чем-то еще. Но медленно, но верно я начинаю ощущать ниточки, которые соединяют меня с жизнью вокруг, с той энергией внутри меня, где зарождается сияние, и я узнаю ее в себе и могу работать над тем, чтобы отключить ее. В некотором роде, это противоположно использованию сияния. Чтобы призвать сияние, нужно заглушить внутренний голос. Чтобы отключить способности, нужно полностью погрузиться в собственные мысли. Это тяжелый труд.

В пятницу становится еще хуже. Мама лежит и уже не может садиться в кровати.

Она остается в кровати в пижаме, лежащая на подушках, как фарфоровая кукла. Иногда она читает, но в основном спит, часами, днями и ночами. Ее редко можно застать бодрствующей.

В середине следующей недели приходит медсестра Кэролайн. Я видела ее раньше на собраниях. Похоже, ее специализацией является забота о полу-ангелах, отходящих в мир иной.

- Я не хочу, чтобы вы беспокоились о каких-либо деталях, - однажды сказала нам с Джеффри мама, когда мы составляли ей кампанию. – Билли обо всем позаботится, ладно? Просто поддерживайте друг друга. Это все, чего я хочу. Держитесь друг за друга. Помогайте друг другу. Вы сможете?

- Да, - говорю я. Затем поворачиваюсь и смотрю на Джеффри.

- Отлично, - тихо говорит он и уходит.

Всю неделю он мерил шагами дом, как зверь в клетке. Иногда я чувствовала его ярость, как дыхание жара, на то, как все это несправедливо, что наша мама умирает из-за глупых правил, наши жизни продиктованы какими-то силами, которым, кажется все равно, что они все разрушают. Он ненавидит собственное бессилие. А особенно он ненавидит изоляцию, необходимость оставаться в

доме, прятаться. Думаю, он предпочел бы выйти, встретиться с Семьязой лицом к лицу и покончить с этим.

Мама вздыхает. – Хотелось бы, чтобы он не был так зол. Ему так станет лишь тяжелее. – Но если честно, изоляция начала доставать и меня тоже. Все что у меня осталось – это школа, где я постоянно на чеку из-за присутствия Семьязы, и дом, где меня не покидают мысли о скорой маминой смерти. Я разговариваю с Анжелой по телефону, но мы решили, что для нее же лучше залечь на дно с появлением Семьязы, пока он не узнал о ней. Плюс она объявила молчаливый бойкот после того, как я рассказала ей о кладбище Аспен-Хилл.

- У меня есть теория, - сказала она по телефону однажды вечером. – Про твои сны.

- Давай.

- Ты думаешь, что Такера там нет, потому что он ранен или что-то в этом роде.

- Или что-то в этом роде, - говорю я. – Что ты хочешь сказать?

- Что, если его там нет, потому что вы расстались? – Забавно, что эта мысль пугает меня больше, чем идея о том, что он мог бы быть ранен.

- Почему мы должны расставаться? – спрашиваю я.

- Потому что ты должна быть с Кристианом, - говорит она. – Может, твой сон говорит тебе именно это.

Эта мысль меня задевает. Я знаю, мне стало бы лучше, если бы я увиделась с Такером, поцеловала его, сказала, как люблю его, он бы обнял меня...но я не осмеливаюсь. Не важно, что думает Анжела. Я не могу рисковать и подвергнуть его опасности. Снова.

Я наверху занимаюсь стиркой, отделяя белое белье от цветного, но все, о чем я могу думать – это слова Анжелы. Может, мы порвали. Но не потому, что я «должна быть с Кристианом», вдруг думаю я, а потому, что хочу, чтобы он был в безопасности. Я хочу, чтобы он был счастлив. Хочу, чтобы у него была нормальная жизнь, и я, наверное, сошла с ума, если думаю, что все это возможно со мной. Я забрасываю белое в машинку, насыпаю немного отбеливателя и чувствую такие тяжесть и ужас, что хочется кричать, наполнить тишину дома своим криком. Это горе не другого человека, не Черного крыла, а мое собственное. Я сама его создаю.

Я иду в свою комнату, чтобы заняться домашней работой, и мне грустно.

Я болтаю с Венди по телефону, и мне грустно. Она так радуется колледжу, предвкушает, какие будут комнаты в общежитии Вашингтонского университета и как потрясающе все это будет, а мне грустно. Я пытаюсь подыгрывать, делать вид, что я тоже взволнована, но все, что я чувствую – это грусть.

Грусть, грусть, грусть.

Позже пищит стиральная машина. Я иду переложить одежду в сушилку. Я по локоть во влажной одежде, когда грусть внезапно исчезает. Вместо нее я чувствую это невероятную пронизывающую радость, тепло наполняет меня, чувство того, как прекрасна жизнь, ураган настоящего счастья такой переполняющий, что мне хочется громко рассмеяться. Я прикладываю руку ко рту и закрываю глаза, когда эти чувства омывают меня. Я не понимаю почему. Происходит что-то странное.

Может, я, наконец, не выдержала давления.

Звонят в дверь.

Я бросаю белье Джеффри на пол прачечной и бегу к двери вниз по лестнице. Я поднимаюсь на носочки, чтобы выглянуть в маленькое окошко над дверью. Дыхание перехватывает.

На моем пороге стоит ангел. Я чувствую его. *Ангел*. Белое крыло, чтобы быть точной. Высокий, златовласый мужчина, он излучает такую любовь, что на глаза наворачиваются уже совсем иные слезы.

Я открываю дверь.

- Папа?

Он поворачивается ко мне и улыбается глупой кривоватой улыбкой, которую я до этой минуты совершенно забыла. Онемев, я уставилась на него, разглядывая, как солнце сверкает на его волосах определенно неземным светом. Я изучаю его лицо, которое не постарело ни на день, с тех пор как я видела его много лет назад, он такой же, каким я его помню. Он не изменился. Почему я не замечала раньше?

Он ангел.

- Не обнимешь меня? – спрашивает он.

Как зомби, ядвигаюсь к нему в объятья.

Вот что я ожидала почувствовать в этот момент: Хм, я удивлена. Изумлена. Поражена.

Уложена на лопатки от абсолютной невероятности происходящего. Но все, что я сейчас ощущаю – это его наслаждение. Как розовые занавески, руки отца у меня на талии, он держит меня высоко поднятой. Радость такого рода. Он крепко обнимает меня, отрывает от земли, смеется и опускает вниз.

- Я скучал по тебе, - говорит он.

Он потрясающе красив. Прямо как Семьяйза, словно он был изваян в качестве идеала мужественности, слеплен, как скульптура, но если Семьяйза излучает темную красоту, то отец светится золотом.

Золотые волосы. Золотистая кожа. Серебряные глаза, кажущиеся одновременно теплыми и холодными, в них есть что-то античное, в их глубине так много знания. И как у Семьяйзы, его возраст невозможно определить, ему могло бы быть двадцать, или тридцать, или сорок, в зависимости от того, насколько близко ты стоишь.

Как этот человек может быть тем неуклюжим отсутствующим отцом, с которым мы все эти годы вымученно разговаривали по телефону?

- Пап..., - говорю я. – Как?

- У нас еще будет время поговорить. А прямо сейчас не могла бы ты отвести меня к маме?

- Конечно. – Я делаю шаг назад в коридор, наблюдая, как этот сияющий широкоплечий мужчина входит в дом, он двигается плавно и грациозно, точно не как человек. В нем есть еще что-то, что заставляет меня видеть два слоя, как костюм человека, который носит Семьяйза, размывающийся вокруг него, когда он движется. Оба слоя отца кажутся более прочными, движущимися вокруг него. Я не могу понять, какой из них реальный, а какой просто костюм.

Он снова улыбается: - Знаю, это должно казаться теперь немного удивительным, когда ты способна воспринимать такие вещи.

Преуменьшение года. Мой рот кажется сухим, словно какое-то время он был открыт.

- Твоя мама? – напоминает он.

Точно. Я просто пялилась на него. Я иду по коридору.

- Принести тебе чего-нибудь? стакан воды, сока или кофе? – лепечу я, когда мы проходим мимо кухни. Я понимаю, что совсем не знаю его. Я знаю своего отца недостаточно хорошо, чтобы знать, какой напиток он предпочитает.

- Нет, спасибо, - вежливо говорит он. – Просто проводи меня к твоей маме.

Мы подходим к маминой двери. Я стучу. Кэролайн открывает. Ее взгляд сразу упирается в отца и ее лицо тут же замирает от удивления, глаза распахнуты так широко, что она напоминает персонажа из мультфильма.

- Он...хм...он хотел бы увидеть маму.

Она быстро оправляется, кивает и отступает от двери, чтобы мы могли войти в комнату.

Мама спит, полулежа на подушках, ее длинные золотисто-каштановые волосы разметались вокруг бледного, но умиротворенного лица. Отец садится на стул у кровати и прикасается к пряди ее волос, той самой, что стала седой. Он тянется и осторожно берет ее руку в свои.

Она шевелится, вздыхает.

- *День без тебя казался ночью мне, А ночь, как день, коль ты пришла во сне*⁴³, - шепчет отец.

Ее глаза открываются. – Майкл.

- Здравствуй, красавица. – Он подносит ее руку ко рту и целует ее, положив себе на щеку.

Не знаю, что я ожидала увидеть, когда мои родители вдруг встретятся. Но не это. Как будто это не он бросил нас, стоящих на подъездной дороге, и уехал.

Как будто не было никакого развода. Как будто они вообще не расставались.

- Как долго ты сможешь остаться? – спрашивает она.

- Некоторое время, - отвечает он. – Достаточно долго.

Она закрывает глаза. Улыбается своей прекрасной улыбкой. Когда она снова открывает глаза, в них стоят слезы. Слезы счастья. Мой отец заставляет маму плакать от счастья.

Кэролайн, которая стояла в конце комнаты, деликатно откашливается. – Я, наверное, пойду. Думаю, я вам больше не нужна.

Мама кивает: - Спасибо, Кэролайн. Не могла бы ты сделать мне одно огромное одолжение? Пожалуйста, не говори никому. Даже собранию. Пожалуйста.

⁴³ прим. пер.: Шекспир, Сонет 43 в переводе А. Кузнецова

- Конечно, - говорит Кэролайн и закрывает дверь.

Кажется, мама, наконец, замечает, что я здесь. – Привет, милая.

- Привет, - изумленно отвечаю я, не в состоянии отвести взгляд от рук родителей, которые все еще соединены.

- Как прошел день? – спрашивает она с намеком озорства в голосе, которое я не слышала уже несколько недель.

- О, нормально. Я вот только что выяснила, что мой отец – ангел, - беззаботно говорю я. – Это немного перевернуло мне мозги.

- Я так и думала.

- В это все дело, да? Это то, чего ты мне не рассказывала? – Ее глаза светятся. Я поражена тем, какой счастливой она кажется. Невозможно злиться на нее, когда она вот так выглядит.

- Я так долго ждала, чтобы сказать тебе. Ты даже не представляешь. – Она смеется слабым, но радостным смехом. – Но сначала мне понадобятся две вещи. Чашка чаю. И твой брат. – Отец вызывается сделать чай. – Думаю, я все еще помню как, - говорит он и широкими шагами устремляется на кухню.

Значит, мне придется позвать Джеффри.

Он, как обычно, в своей комнате. Орет музыка. Как обычно. Должно быть, он даже не слышал, что звонили в дверь, или, может, ему все равно. Он лежит на кровати, читая «Спортс Иллюстриейтед», все еще в пижаме, хотя уже почти полдень. Лентяй. Где он был, когда я была завалена стиркой? Он смотрит на меня, когда я вхожу. Как обычно.

- Ты не стучала?

- Стучала. Тебе надо уши проверить.

Он протягивает руку и выключает стерео. – Что-то хотела? – Я не могу решить, как много я могу рассказать ему здесь, или как преподнести это. Поэтому я говорю прямо. – Отец здесь.

Он замирает, затем поворачивается ко мне, словно ему и правда нужно проверить слух. – Ты сказала, *отец* здесь?

- Он появился около десяти минут назад.

Сколько лет прошло, думаю я, с тех пор, как он в последний раз видел отца? Сколько ему было?

Одиннадцать? Джеффри тогда еще не было и двух лет, когда отец ушел, не достаточно много, чтобы помнить хоть что-то, но раз пять мы были у него в гостях, получали открытки на дни рождения с наличными внутри, подарки, которые обычно были шикарными (как фургон Джеффри, который тоже был отцовским подарком на день рождения в этом году) и несколько коротких телефонных звонков.

- Просто спускайся вниз, - говорю я ему.

Мы пришли вовремя, чтобы увидеть, как отец обжигается о чайник. Он не ругается или отскакивает от него. Он изучает свой палец, будто ему ужасно любопытно, что же сейчас случилось. На его коже нет ранки, даже покраснения не осталось, но, должно быть, он почувствовал это. Он продолжает наливать чай, затем ставит чашку на изящное китайское блюдо с ванильным печеньем, которое он, скорее всего, нашел в кладовой. Два кусочка сахара. Ложечка сливок. Все, как она любит.

- А вот и вы, - говорит он, увидев нас. – Привет, сын.

- Что ты здесь делаешь? – голос Джеффри высокий, почти ломающийся. – Кто ты такой? – Выражение лица отца меняется. – Я твой отец. – В этом невозможно усомниться, видя этих двоих рядом. Джеффри – как укороченная и более мускулистая копия отца. У них одинаковые волосы, идентичные глаза.

- Пойдем к маме, - говорит отец. – Она все объяснит. – На то, чтобы рассказать историю, уходит почти весь день, потому что у нее недостаточно сил, сделать это за раз. Кроме того, нас постоянно перебивают: сначала Билли, которая врывается и крепко обнимает отца, зовет его Майки, и ее глаза на минуту наполняются слезами, она так рада за маму. Конечно, она знала. Она знала все это время. Но, кажется, подобное уже давно перестало меня удивлять.

А еще Джеффри продолжает беситься и мерить шагами комнату. Такое впечатление, что если он услышит слишком много, то его голова взорвется. Стоило маме сказать что-нибудь о том, что она всегда знала, глубоко в душе, что они с Майклом (имя моего отца, которое за эти четырнадцать лет она почти никогда не произносила) были предназначены друг другу, как Джеффри подскакивает, хватается за волосы, кивает или бормочет что-то несвязное и уходит. Мы вынуждены ждать его, чтобы мама могла закончить рассказ.

И вот в чем он заключается.

Все началось в день сильнейшего землетрясения в Сан-Франциско. Именно тогда мама с папой и встретились. К тому времени, как она приближается к этой части рассказа, я уже понимаю, что отец был тем самым ангелом, который спас ее в тот день, тем, кто сообщил ей, что она особенная, полу-ангел. Тогда ей было шестнадцать.

А когда ей исполнилось девятнадцать, они поженились.

- Как? – спрашиваю я.

Она смеется: - Что значит как? Мы пришли в церковь, сказали, что согласны, обменялись кольцами, теперь можете поцеловать невесту, готово.

- Разве ему можно? Ангел может жениться на ком хочет?

- Это сложно, - отвечает она. – И редко встречается. Но да, ангел может решить жениться.

- Но почему вы тогда развелись? Почему он ушел? – угрюмо спрашивает Джеффри.

Мама вздыхает. – Ангел не может перестать быть ангелом. У них есть обязанности, задачи, которые требуют их постоянного внимания. Вашему отцу дали так сказать отпуск, семь лет, чтобы он мог побыть со мной все время и пожить человеческой жизнью. Жениться на мне. Увидеть, как вы появляетесь на свет, провести с вами немного времени. А потом ему пришлось уйти.

Почему-то мне хочется плакать. – Так вы не разводились? – Она улыбается: - Нет. Мы не разводились.

- Но ты не могла видеться с ним, все это время?

- Иногда он приходил. Раз в год, иногда два, если нам везло. Нам пришлось смириться с этим.

- Он не мог навещать нас? – снова встречается Джеффри с его злостью. Он не очень хорошо воспринял сюрприз ваш-отец-ангел-и-он-вернулся. Думаю, он не чувствует эту штуку с невероятной радостью. – Его детей?

- Мне бы этого хотелось, - говорит отец из дверей. Он это делает. Появляется ниоткуда. Это странно.

Он входит и садится на кровать рядом с мамой, берет ее за руку. Я заметила, что они постоянно прикасаются друг к другу. Постоянный контакт.

- Мы решили, что будет лучше, если я не буду с вами видеться. Для вашего блага, - говорит отец.

- Почему?

- Потому что когда вы были маленькими, мне было просто скрывать, кто я. Вы не замечали во мне ничего необычного, или замечали, но вы знали не достаточно, чтобы понять, что это необычно. Но когда вы стали старше, стало сложнее. Последний раз, когда я вас сидел, вы точно почувствовали мое присутствие.

Я помню. Это было в аэропорту. Я видела его и почувствовала его радость. Я тогда еще подумала, что безнадежно свихнулась.

- Но я наблюдал за вами на расстоянии, - говорит он. – Всю жизнь я, так или иначе, был с вами.

Ладно, теперь фантазии любого ребенка, чьи родители в разводе, стали правдой. Оказывается, мои родители любят друг друга. Они хотят быть вместе. Мой отец все это время хотел быть со мной.

Но это так же похоже на то, что кто-то взял ластик и стер всю историю моей жизни, и снова переписал ее, уже совсем по-другому. Все, что я думала, я знаю о себе, изменилось за последние несколько часов.

Джеффри не купился на это.

- Какая разница, если бы мы знали, кто ты? – говорит он. – Ты сказал, это было для нашего блага, но это фигня. Итак, наш отец – ангел? И что?

- Джеффри, - предостерегает мама.

Отец поднимает руку. – Нет, все в порядке. Это хороший вопрос. – Он многозначительно смотрит на Джеффри. Есть в нем что-то королевское, что-то, что заставляет уважать его, даже против твоего желания. Джеффри сглатывает и опускает глаза.

- Дело не во мне. А в вас, - говорит отец.

- Майкл, - шепчет мама. – Ты уверен?

- Время пришло, Мэгги. Ты знала, что это случится, - говорит он, глядя ее руку. Он снова поворачивается к нам. – Я – Интэнджа. Ваша мама – Димидиус, полукровка. Это делает вас с сестрой очень редким и очень сильным видом ангелов. Мы зовем их Триплы.

- Триплы? – повторяет Джеффри. – Это как три четверти?

- Это опасный мир для Триплов, - продолжает отец. - Они настолько редки, что их способности почти неизвестны, но ходили слухи о Триплах, которые, после всего, скорее ангелы, чем люди, обладающие почти такой же силой, что и чистокровные ангелы, с одной лишь разницей.

- Какой разницей? - быстро спрашивает Джеффри.

- Свободная воля, - говорит отец. - Вы тоже чувствуете отдачу, вашу легкую грусть о радость, к чему бы ваши действия не вели, но, в конце концов, вы совершенно свободны выбирать свой путь.

- А это опасно, потому что... - говорю я.

- Это делает вас очень, очень привлекательными для тьмы. Те несколько Триплов, что были на земле, постоянно разыскивались врагами. За ними безжалостно охотились и уничтожали, если те не переходили на их сторону. Вот почему мы с мамой сделали все, что могли, чтобы никто о вас не узнал. Самым важным для нас было держать ваше происхождение в тайне, даже от вас самих. Мы просто хотели, чтобы вы были в безопасности.

- Так почему ты тогда сейчас все рассказал? - спрашивает Джеффри.

Он слабо улыбается. - Потому что, кажется, вы уже привлекли внимание врагов. Думаю, это было неизбежно. Теперь ваша безопасность стала понятием относительным. Мы всегда знали, что не сможем вас прятать вечно. Мы просто хотели, чтобы у вас была настолько человеческая жизнь, насколько это возможно. И она кончилась.

Воцаряется тишина, пока мы с Джеффри пытаемся осмыслить эту новость. Ангел на три четверти. Не Квортариус. И отец сказал еще что-то, что раскаленным железом прожигает мой мозг.

Скорее ангелы, чем люди.

Итак, отец - ангел. Что делает нас фриками, даже среди тех, в ком течет ангельская кровь. Неожиданно то, что мама не брала нас на собрания все эти годы, приобретает смысл. Она прятала нас даже от полу-ангелов. Даже, как сказал отец, от самих себя.

Мама стала тихой, много спит. История отняла у нее много сил, которые она так старалась сохранить. Она устала, но была явно счастлива на протяжении тех часов бодрствования. Облегчение, вот как это называется. словно она освободилась, сказав нам правду.

Весь тот вечер я провела, разглядывая отца. Ничего не могу с собой поделать. Иногда он кажется обычным человеком, когда шутит с Билли, ест ужин, который она нам приготовила, вытаскивая самое вкусное. Это наводит меня на мысль, нужны ли ангелам средства к существованию, как нам. А иногда, совсем очевидно, он казался пришельцем. Например, когда пытался воспользоваться пультом от телевизора. Он смотрит на него, как на волшебную палочку. Хотя он быстро догадывается, что с ним делать, а потом восторгается чудесами кабельного.

- Как много каналов, - размышляет он. - Последний раз, когда я смотрел телевизор, их было всего четыре. Как вы решаете, что посмотреть?

Яжимаю плечами. Я не часто смотрю телевизор. Уверена, отец не придет в восторг от «Холостяка»⁴⁴. - Джеффри обычно смотрит ESPN. - Отец бросает на меня непонимающий взгляд. - Спортивный канал.

- А есть каналы, полностью посвященные спорту? - спрашивает он почти с трепетом.

Оказывается, отец страстный баскетбольный болельщик. Плохо, что Джеффри не захотел остаться и посмотреть с ним игру. Я не могу оторвать от отца глаз, повторяю каждое его движение, но Джеффри не может даже находиться с ним рядом. С тех пор, как он, попросив прощения, удалился с семейных посиделок, он засел в своей комнате. Уже несколько часов от него не слышно ни звука, ни то, что его обычной музыки.

Я пытаюсь почувствовать его, что не так уж сложно. С того занятия с мамой у меня наметился явный прогресс со включением и отключением моей эмпатии. А сидя здесь, чувствуя сияние, которое просто пульсирует вокруг отца, удивительно легко мысленно подняться к Джеффри в его комнату.

Он в бешенстве. Ему все равно, почему они так поступили. Он бы хотел, но не может перестать злиться. Они обманывали нас, они оба. Не важно, почему. Они лгали.

Он больше не хочет играть по их правилам. Его это достало. Его достало чувствовать себя пешкой на какой-то космической шахматной доске.

Я его понимаю. Часть меня чувствует то же самое. Просто тяжело злиться рядом с отцом, с его полным радости присутствием, которое очищает разум от всего темного и больного. Это кажется не

⁴⁴ прим.пер.: телепередача, в который холостяк из нескольких участников выбирает одну.

честным по всем параметрам, мне нельзя чувствовать то, что я чувствую. Может, я бы и возмутилась от этого, если бы могла.

- Думаю, мы смогли бы справиться с этим, - позже говорю я маме. Я помогаю ей дойти из ванной до спальни. Есть что-то недостойное в этом, думаю я, эта мелкая шаркающая походка, которая у нее сейчас, то, что без помощи она не может даже сходить пописать. Она не такая. Каждый раз, когда мы делаем это, у нее на лице появляется это жесткое выражение, словно она пошла бы на все, только бы я не видела ее такой.

- Справиться с чем? – спрашивает она.

- С правдой. Что отец – ангел. Что мы – Триплы. Со всем этим. Мы могли бы хранить это в секрете.

- Угу, - говорит она. – У тебя это так хорошо выходит.

- Это вопрос жизни и смерти, если бы я знала, я бы молчала, - возражаю я. – Я же не идиотка. – Я откидываю одеяла и осторожно поддерживаю ее, пока она опускается на кровать. Затем я поднимаю одеяла к ее талии и разглаживаю их.

- Я не могла рисковать, - говорит она.

- Почему нет?

Она знаком показывает мне присесть, и я слушаюсь. Она закрывает глаза, снова открывает их. Хмурится.

- Где твой отец?

- Ушел. Куда он вообще ходит?

- Наверное, у него еще осталась работа.

- Да уж, пошел жечь куст для Моисея, - саркастически замечаю я. (прим.пер.: по книге Бытия Бог явился Моисею в горящем кусте)

Она улыбается: - Мардж Виттакер, 1949.

Секунда уходит на то, чтобы понять, что она имеет в виду. – Ты имеешь в виду ту, что была до Марго Витфилд?

- Да.

- Мардж. Мило. Ты всегда брала формы имени Маргарет? – спрашиваю я.

- Почти всегда. Только если я не скрывалась от чего-нибудь очень плохого. В любом случае, Мардж Виттакер влюбилась.

У меня появилось чувство, что она говорит не об отце. Она говорит о том времени, которое упоминала раньше, времени, когда она едва не вышла замуж. В пятидесятых, сказала она.

- Кто это был? – мягко спрашиваю я, не уверенная, что хочу знать.

- Роберт Тернер. Ему было двадцать три.

- А тебе... - я быстро подсчитываю. – Почти шестьдесят. Мам. Ну, ты даешь.

- Он был Трипл, - говорит она. – Я никогда прежде не встречала так много потомков ангелов: Бонни и Уолтер, с которыми я познакомилась, когда мне было тринадцать, когда я еще сама не знала, что я – полу-ангел, и Билл, я встретила ее во время войны, но никого похожего на Роберта. Казалось, он мог все. Он был способен на все. Однажды, он вошел в офис, где я работала секретарем, и пригласил меня на ужин. Естественно, я была удивлена; я никогда раньше его не видела. Я спросила, почему он решил, что я соглашусь на ужин с незнакомцем. А он ответил, что он не незнакомец. Я снилась ему, сказал он. Он знал, что я люблю китайскую кухню, и от этого знал, в какой ресторан меня отведет, он знал, что я закажу кисло-сладкую свинину, и он знал, какая записка будет в моем печенье. Так что ты понимаешь, мне пришлось пойти, чтобы выяснить, прав ли он.

- И он был прав, - говорю я.

- Да, прав.

- И что там было? В счастливом печенье?

- Ох, - смеется она. – «В ближайшем будущем тебя ожидает нечто захватывающее», а в его говорилось «Тот, кто смеется над собой, никогда не убежит от того, над чем можно посмеяться» и они обе сбылись.

- Ты была частью его предназначения?

- Да. Думаю, ему было суждено встретить меня.

- И что с ним случилось? – спрашиваю я через минуту, потому что чувствую, что что-то плохое.

- Черное Крыло узнал о нем. Когда он отказался присоединиться к нему, его убили. Семья была там. Я просила его помочь нам, но... он не стал. Он стоял рядом и смотрел.

- О, мама...

Она качает головой. – Вот что случилось, - говорит она. – Ты должна понять. Вот что происходит, когда они узнают. Тебе придется сражаться за свою жизнь.

Следующим утром Билли, как обычно, везет нас в школу. Все, кроме Джеффри, кажутся расслабленными после проблем с Семейязой с тех пор, как появился отец. Если Семейяза сильный, то отец должен быть в двойне сильнее, без печали, которая бы мешала ему, а с добродетельностью Всевышнего и все такое. Большую часть пути мы молчим, каждый из нас находится в своем собственном мире, пока Билли вдруг не спрашивает: - Так как вы держитесь?

Джеффри смотрит в окно и делает вид, что вообще не слышал ее. Она смотрит на меня.

- Не знаю, - говорю я.

- Такие новости узнают не каждый день.

- Нет.

- И все же, это хорошие новости, - говорит она. – Ваш отец – Интэнджа. Вы же знаете, да? – Кажется, это должно быть что-то хорошее. Кроме той части, в которой подразумевается, что мы с Джеффри были рождены с мишенями на лбу. – Просто сейчас это кажется странным. – Она смотрит на Джеффри в зеркало заднего вида. – Эй, сзади, ты там живой? – Утвердительное фырканье. Обычно Билли могла очаровать Джеффри, выудить из него случайную улыбку, в каком бы настроении он ни был. Может, потому что она красивая. Но сегодня Джеффри не реагирует.

- Спорю, это кажется странным, - говорит она мне. – Для вас все перевернулось с ног на голову.

- Ты когда-нибудь встречала Трипла? – спрашиваю я через минуту.

Она чешет заднюю сторону шеи, размышляя. – Да. Двоих, кроме тебя и того, с кислой миной на заднем сиденье. Двоих за мои сто двенадцать лет на земле.

- Ты видела, что они отличаются? От других полу-ангелов?

- Если честно, я не была с ними близко знакома. Но со стороны могу сказать, что они выглядели и вели себя, как все остальные.

- Тебе сто двенадцать? – внезапно вставляет Джеффри с заднего сиденья.

Ее приятная улыбка превращается озорную усмешку. – А тебя мама не учила никогда не спрашивать женщину о ее возрасте?

- Ты сама только что сказала.

- Тогда зачем спрашиваешь? – игриво стреляет она в ответ.

- Тогда тебе осталось только восемь лет. – Он смотрит вниз, когда говорит это.

Я чувствую приступ чего-то, похожего на одиночество, зная, что Билли осталось лишь восемь лет. Она не задержится в моей жизни надолго. Почему-то мне было очень комфортно осознавать, что после смерти мамы, Билли будет с нами. Она была словно крошечная частичка мамы, которую я могла сохранить. У нее есть воспоминания о ней, о всем том времени, что они провели вместе. – Восемь лет не так уж много, - говорю я.

- Восемь лет достаточно для того, что я задумала.

- И что же?

- Во-первых, я хочу узнать вас поближе. Я всегда была против этой части плана ваших родителей. Знаете, когда вы были маленькими, я меняла вам подгузники, - она подмигивает Джеффри. Он краснеет.

- Не поймите меня неправильно. У них были свои причины держать вас в изоляции. Хорошие причины. Но сейчас я собираюсь проводить с вами время. Увидеть, как вы заканчиваете школу. Помочь собрать вещи в колледж. Я слышала, ты выбрала Стэнфорд, Клара?

- Да, Стэнфорд, - я приняла их предложение. Послушать Анжелу, так мне суждено пойти именно туда.

Билли кивает. – Мэгс всегда имела виды на Стэнфорд.

- Вы учились вместе?

Она фыркает. – Нет, спасибо. Для учебы мне не хватало терпения. Моими учителями были ветер, деревья, заливы и реки.

Мы останавливаемся около школы.

- И на этой ноте, - энергично говорит Билли, - идите отсюда. Постарайтесь чему-нибудь научиться. – Мне хочется рассказать Такеру об отце, но, каждый раз, когда я открываю рот, чтобы сказать что-нибудь о нем, пытаюсь подобрать слова, это звучит так глупо. *Угадай что? Мой отец вчера*

появился в городе. А знаешь, что еще? Он – ангел. Что делает меня супер особенной среди полукровок. Что ты об этом думаешь?

Я разглядываю его. Кажется, он действительно слушает лекцию учителя по политике. Он такой милый, когда сосредоточен.

- *Мистер А собирается вызвать тебя.*

Кристиан. Я включаюсь как раз вовремя, чтобы услышать, как мистер Андерсон говорит: - Итак, кто знает права, включенные в первую поправку? Клара, почему бы тебе не рассказать нам?

- Хорошо. – Я таращусь в свою пустую тетрадь.

- *Конгресс не вправе принимать законы, противоречащие религиозным устоям или запрещающие их исповедание; ограничивающие свободу слова или прессы; права человека на мирные собрания или петиции правительству с предъявлением жалоб,* - читает Кристиан у меня в голове.

Я повторяю за ним.

- Хорошо. - Мистер Андерсон кажется впечатленным тем, что я все это запомнила. Он продолжает урок, а я расслабляюсь. Я улыбаюсь Такеру, который смотрит на меня так, словно не может поверить, что он сумел заполучить себе в девушки такого гения.

- *Спасибо,* - молча передаю я Кристиану. Я смотрю на него. Он слегка кивает.

Моя эмпатия вспыхивает, как та флуорисцентная лампа, которой требуется минута, чтобы разгореться.

Печаль опускается на меня, как туча, закрывающая солнце. Одиночество. Отдаленность, всегда это чувство отдаленности от всего хорошего в этой жизни. Луг, на котором стоит Семейяз, залит солнечным светом, но он не может впитать его тепло. Он не чувствует запах свежей травы у ног, свежего весеннего дождя, который прошел утром. Он не чувствует ветерок. Вся эта красота принадлежит свету. Не ему.

Я должна была бы уже привыкнуть к этому, то, как он появляется из ниоткуда и играет с моим разумом.

- *Он снова здесь?* - Опять Кристиан. Он обеспокоен.

Я посылаю ему ментальный эквивалент кивка.

- *Что нам делать?*

- *Ничего. Не обращай внимания. Мы ничего не можем сделать.*

Но вдруг я осознаю, что это больше не правда. Я сажусь. Поднимаю руку и спрашиваю мистера Андерсона, можно ли мне выйти, смутно намекая, что мне нужно в туалет, возможно, по женским делам.

- *Ты куда?* Встревожено спрашивает Кристиан, когда я собираю вещи. - *Что ты собираешься делать?*

- *Не беспокойся. Я хочу позвонить отцу.*

Я звоню домой с телефона в секретариате. Билли поднимает трубку.

- Проблемы? – немедленно спрашивает она.

- Могу я поговорить с папой?

- Конечно. – Тишина, когда она кладет трубку рядом с телефоном. Приглушенные голоса. Шаги.

- Клара, - говорит отец. – Что случилось?

- Семейяз здесь. Я думала, может, ты можешь сделать что-нибудь. – Секунду он молчит.

- Я приеду через минуту, - наконец, говорит он.

У него действительно уходит минута, чтобы добраться сюда. Я только успеваю сесть на одну из скамеек в холле и приготовиться ждать, как он показывается в дверях. Я таращусь на него.

- Ты что, прилетел?

- Можно и так сказать.

- Ух ты!

- Покажи мне. – Жесткость в его взгляде кажется мне такой знакомой, словно я уже видела это выражение раньше. Но когда? Я веду его на улицу, через парковку, к полю. Я задерживаю дыхание, когда он без промедления перешагивает через забор, оказываясь на незащищенной земле.

- Оставайся здесь, - приказывает он. Я слушаюсь.

Семейяз стоит в человеческой форме на дальнем конце поля. Он испуган. Это его страх, который я помню, понимаю я, со дня пожара. Мама сказала, что ее будут искать, и Семейяз видит двух белокрылых ангелов, один рыжеволосый, второй блондин, держащий огненный меч.

Мой отец.

Семьйяза молчит и не двигается. Он стоит совершенно неподвижно, страх волнами исходит от него, вместе с горем, и унижением от того, что он так напуган.

Отец делает несколько шагов в его сторону, и останавливается. – Семьйяза.- Костюм человека, который носит Семьйяза, становится прозрачным, неправильным, под воздействием жесткого излучения, исходящего от отца.

Волосы отца сверкают на солнце. Его кожа сияет. Семьйяза сдается первым, но пытается быть саркастичным.

- Что ты здесь делаешь, Принц света? Почему тебя так волнует эта безродная девчонка? – В сегодняшнем представлении он выделил себя роль супер-негодяя.

- Мне не безразлична ее мать, - отвечает отец. – Я уже предупреждал тебя.

- Да, и мне интересно, какие отношения у вас с Маргарет? – радость отца всколыхнулась. – Я обещал ее отцу присматривать за ней, - говорит он.

Ее отцу? Черт возьми! Чего я еще не знаю?

- И это все?

- Ты дурак, - говорит отец, встряхивая головой. – Уходи отсюда и никогда больше не беспокой ни ребенка, ни мать.

- Ты имеешь в виду детей? Есть еще мальчик, так ведь?

- Оставь их в покое, - говорит отец.

Семьйяза медлит, хотя я знаю, что он не собирается сражаться с отцом. Он не совсем псих. Но он поднимает подбородок, встречается взглядом с серебряным взглядом отца и улыбается.

- В них трудно не влюбиться, да? В тебе есть что-то от Ангела-хранителя, Майкл.

Сияние вокруг отца становится ярче. Он шепчет слова, которые звучат, как ветер в ушах, и вдруг я вижу крылья. Они огромные и белые, идеально белые, отражающие свет, так что на них больно смотреть. Я никогда не видела ничего более великолепного, чем мой отец – в горле застревают слова – это создание Бога и света, стоящее здесь и защищающее меня. Он мой отец. Я часть его.

- Я раздавлю тебя, как жука, - говорит он громко. – Уходи. И не возвращайся.

- С вашего позволения, - говорит Семьйяза, делая шаг назад. – В конце концов, я любовник, а не воин.

Затем он просто закрывает глаза и исчезает.

- Спасибо, - говорю я.

Он выглядит грустным. – Не благодари. Я подверг тебя еще большей опасности, чем ты знаешь. Теперь, - говорит он уже совсем другим тоном, - мне бы очень хотелось познакомиться с твоим парнем.

Мы ждем, пока прозвенит звонок. Люди наполняют коридоры. Они обходят нас стороной, держась на расстоянии от отца, глаза на него.

Отец выглядит немного напряженным.

- Ты в порядке? – спрашиваю я. Я думаю, не задело ли его высказывание Семьйязы о том, что отец играет роль Ангела Хранителя.

- Все хорошо, - говорит он. – Просто вокруг так много людей, мне приходится прилагать усилия, чтобы сдерживать сияние. В противном случае, они все упадут на колени в благоговении. – Звучит так, будто он шутит, но я знаю, что это правда. Он абсолютно серьезен.

- Мы не обязаны оставаться здесь. Можем уйти.

- Нет, я хочу увидеть этого ребенка Такера.

- Пап. Он не ребенок.

- Ты не хочешь нас знакомить? – спрашивает он с намеком на улыбку. – Боишься, что я перепугаю его?

Да.

- Нет, - говорю я. – Но не пытайся напугать его, ладно? Он довольно хорошо справляется со всем этим сумасшествием. Я не хочу давить на него.

- Понял. Не угрожать ему убийством, если он будет плохо с тобой обращаться.

- Пап. Я серьезно.

Джеффри появляется в конце коридора. Он разговаривает со своими друзьями, улыбается. Видит нас. Улыбка исчезает с его лица. Он разворачивается и уходит в другую сторону.

Отец смотрит ему вслед.

- Он скоро подойдет, - говорю я.

Он отсутствующе кивает, затем говорит: - Ладно, показывай дорогу. Обещаю вести себя хорошо.

- Тогда пошли. Его шкафчик там.

В конце коридора мы подходим к шкафчику Такера. Он уже там, как я и думала, перебирает свои записи. Учит в последний момент, чтобы сдать тест по испанскому.

- *Hola*, - говорю я, опираясь на шкафчик рядом с ним. Внезапно я начинаю нервничать. Я собираюсь представить отца моему парню. Это серьезно.

- Привет, - говорит он, не поднимая глаз. - Что случилось на политике? Ты просто ушла.

- Нужно было кое-что уладить.

- Как будет по-испански прогульщица? - иронично говорит он. - *Mi novia, la chica hermosa que huye*⁴⁵.

- Так.

- Прости, - говорит он, все еще не отрывая глаз от тетради. - Я паникую из-за теста. Клянусь, у меня ладони потеют, а сердце колотится и меня сейчас удар хватит. Кажется. Никогда еще такого не было. Но у меня меньше трех минут, чтобы забить мозги полезной информацией.

- Так, ты можешь просто прерваться на пару секунд? Я хочу тебя кое с кем познакомить. - Он поднимает глаза, видит отца, стоящего позади меня. Замирает.

- Такер, это мой отец, Майкл. Пап, это Такер Эвери. - Отец улыбается, протягивает руку. Такер тяжело сглатывает, смотрит, потом пожимает ее.

- Сэр, - выдавливают он. Смотрит на меня. - Твой отец?

- Он появился вчера, чтобы помочь нам, с тех пор как мама...

- Приятно с тобой познакомиться, - тепло говорит отец. Думаю, отец часто тепло разговаривает. Он приятный человек. - Я так много слышал о тебе. Прости, что отрываем тебя от учебы, но я хотел познакомиться с молодым человеком, который украл сердце моей дочери. - Украл - очень подходящее слово. Я бросаю на отца острый взгляд.

- Рад знакомству, сэр, - говорит Такер. - Вы преподаете физику в нью-йоркском университете, правильно? - я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на отца. Я еще не спрашивала его именно об этой лжи.

- Я в творческом отпуске, - говорит отец.

Гладко. Очень гладко.

- А, хм, понял, мило, что вы приехали помочь, - запинаясь, говорит Такер. Он не знает, что сказать. - Я, эээ, действительно восхищаюсь вашей дочерью.

Что-то не так. Лицо Такера ужасно бледное. Оно фактически становится зеленым.

Я вижу капельку пота у него на лбу. Боюсь, что его может вырвать даже от подавленного сияния отца. Пора закругляться.

- Ну, я просто хотела представить вас друг другу, готово, а у Такера важный тест через минуту, так что мы пойдем. - Я обвиняю своей рукой руку отца и подталкиваю его, бросаю на Такера взгляд, который, надеюсь, он примет за извинение за то, что мы вот так набросились на него. - Позвони мне, ладно?

- Ладно, - говорит он. Он не возвращается на испанский. После звонка он еще долго стоит, опершись о шкафчик, и ловит ртом воздух.

ГЛАВА 16. КВАДРАТНОЕ МОРОЖЕННОЕ

(Переводчик: Наталья Цветева; Редактор: [unreal])

Когда мы входим, Анжела играет на скрипке. Ей нравится это делать на сцене «Розовой Подвязки», в ярком свете, заполняя театр музыкой. Я не узнаю эту песню, но она прекрасна, мелодия западает в память, пока льется в сторону меня и папы, стоящих в дверях.

- Чудесная песня, Энжи, - говорю я.

- Ох, Клара, Господи, как ты меня напугала. Я думала, ты под домашним арестом. Не то, чтобы я не была рада тебя видеть. На этой неделе я изучала некоторые дикие теории - истории, которые анализируются в книге Еноха на протяжении веков. Впечатляющий материал.

- У меня тоже есть новости. Можешь спуститься?

⁴⁵ Моя девушка, красавица, которая убегает

Она спускается по лестнице. Ничего так не привлекает Анжелу, как новости. Как только ее глаза привыкают к тусклому свету в зрительном зале, она видит отца.

- Святое дерьмо!

- Не совсем. – Должна признать, я наслаждаюсь удивлением Анжелы.

- Ты – Интенджа, - выпаливает она.

- Привет, - говорит папа. – Я Майкл. Отец Клары.

Больше нет котов в мешке. Кажется странным, что они с мамой так старались держать все в тайне, а теперь он ходит и представляется моим отцом, словно это самое обычное явление. Но это его сущность, понимаю я. Он просто не в состоянии скрывать, кто он на самом деле.

- Отец Клары...- глаза Анжелы, как два блюда. – Отец...

- Да.

- Но это бы значило...

- Мы очень доверяем тебе, Анжела, - говорит он. – Ты должна хранить эту информацию втайне от всех.

Она торжественно кивает. – Конечно. Естественно, я буду. – Улыбается. – Ух ты. Ни разу таких не видела. – Она смотрит на меня. – Не говори, что все время знала об этом.

- Я узнала вчера. Когда он пришел.

- Ух ты.

- И не говори.

Она поворачивается к отцу с деловым видом: - Итак. Что вы думаете о Енохе?

Он размышляет около минуты. – Он был хорошим человеком. Мне он нравился. Хотя, он позволял ужасно собой пользоваться.

Очевидно, она имела в виду книгу.

Он говорил о человеке.

- Так ты не Квортариус, - говорит она. Что-то в ее тоне заставляет меня посмотреть на нее. Ее лицо невыразительно, словно она очень не хочет показывать свои чувства.

Завидует. Ого, она завидует. Я чувствую это, даже не напрягаясь. Все это время она думала, что из нас двоих она самая сильная. Она же Димидиус, а я Квортариус, и ей это нравилось.

А теперь...она даже не знает, как назвать то, кем я являюсь. И здесь мой отец: красивый, сильный и добрый, он волнуется за меня, а еще из него можно вытянуть гораздо больше информации, чем из всех пыльных книжек в мире. Потому что мой отец старше всех пыльных книжек в мире.

Ее зависть в моем мозгу кажется чем-то вязким.

- Ладно, давайте не будем драматизировать, - говорю я. – Это не так уж и важно.

- Это очень важно! – восклицает она, затем быстро втягивает в себя воздух. – Ты читала меня. Ты использовала свою эмпатию.

- Прости. Но твои эмоции в отношении меня довольно гадкие.

- Ты не можешь так поступать, - говорит она, затем вспоминает, что мой отец тоже здесь и замолкает. Ее лицо бледное, как алебастр, затем от ее волос внезапно отскакивает яркая голубая искра, похожая на одинокий фейерверк в темном проходе театра.

- Ничего не могу с этим поделать, - говорю я.

Да, она злится.

- Было приятно с вами познакомиться, мистер Гарднер, - говорит она, - но мне нужно возвращаться к репетиции. – Она смотрит на меня. – Ты знаешь, где выход.

- Отлично. – Я направляюсь к двери. – Пошли. Мы закончили.

- Мне тоже было очень приятно, Анжела, - говорит отец.- Точно так тебя и описывала Мэгги – слишком удивительная для человека, которому пришлось справляться с таким в одиночку.

- Спасибо, - говорит она немного пискляво, не в состоянии сохранять свою позицию оскорбленного достоинства рядом с ним.

Да, мой папочка – волшебник.

Он учит меня становиться невидимой. Ну, может, учит – это слишком громко сказано. Это сложно, и связано с преломлением света. Он рассказывает мне об этом, словно это некая формула, которую какой-нибудь гений однажды нацарапает на окне маркером. Я не понимаю и половины, но внезапно он делает это. Он делает нас обоих невидимыми, что дает возможность летать, где хочется, и

никто не будет показывать пальцем в небо и говорить: «Смотрите, ангел!» Это даже лучше, чем теория Джеффри о белой птице.

После Анжелы я все еще в плохом настроении, но очень сложно оставаться сердитой, когда отец излучает радость, и я лечу с ним, ветер несет меня, словно звуки музыки. Я так давно не летала, что боялась, что позабыла, как это делается, но с отцом это оказалось так же просто, как дышать. Мы опускаемся вниз по спирали, направляясь к вершинам деревьев. И взмываем ввысь, разбивая клубы облаков, все выше и выше, пока воздух вокруг нас не становится разряженным. Мы парим.

Мы останавливаемся у салона автомобилей в Айдахо-Фоллс. Приземляемся за зданием, сначала отец, потом я, и он же снова делает нас видимыми.

Анжела бы описалась от восторга, если бы это увидела, думаю я. Поделом ей.

Но я тоже завидовала. Все это время, думая, что она сильнее, у нее все получалось. Она знала все раньше, чем я, даже о смерти мамы. Она первой научилась летать. Она могла поменять форму крыльев. Она встречала настоящего ангела и провела лето в Италии.

- Не думай об этом, - говорит отец. - Ее реакция естественна. Так же, как и твоя ранее.

- Ты читаешь мысли?

- Я могу. Но мне проще читать чувства. Как и тебе.

Как и мне. Ничего не могу с собой поделать, но трясусь головой от сумасшедшей мысли, что мы с ним похожи, даже в таких мелочах.

- Итак, мы в Айдахо-Фоллс, - я смотрю на часы. Четыре часа по полудню. Нам понадобилось двадцать минут, чтобы долететь сюда. На машине дорога бы заняла более двух часов. Мы летели быстро.

- Что мы здесь делаем? - спрашиваю я.

- Хочу купить тебе новую машину.

Какая нормальная девчонка смогла бы отказаться?

Оказалось, отец умеет торговаться. Уверена, мы заплатили самую низкую цену за тот новый белый «Субару Форестер», на котором поехали домой.

Я веду машину, потому что он уже давно этим не занимался. Я задаюсь вопросом, станет ли это привычным, проводить с ним время. Или он исчезнет, как только не станет мамы.

- Я буду здесь так долго, как ты захочешь, - говорит он. - Не каждую минуту, в твоём восприятии, но ты всегда будешь чувствовать, что я рядом.

- Дело во времени, да? Точно, мама пыталась объяснить.

- Для тебя время похоже на линию, проведенную на бумаге, череда событий. От А до Б, от Б до С, один момент сменяется следующим. Там, откуда я пришел, нет линий. Мы и есть бумага.

- Ладно, теперь я вообще сбита с толку. - Я заворачиваю в магазинчик «Рейни Крик» на заправку.

- Когда-нибудь ты поймешь.

- С нетерпением этого жду.

- Где мы? - спрашивает он.

- Лебединая долина. Ты должен попробовать их квадратное мороженое в рожке.

- Квадратное мороженое? - повторяет он, лицо снова ничего не выражает, словно это еще одна вещь, которую он не делал уже многие годы.

- Видишь, ты же ничего не знаешь. Я тоже собираюсь тебя кое-чему научить. - Мы покупаем рожки с мороженым, которое имеет идеальную форму куба, благодаря специальной ложке. Отец выбирает шоколад и мятую. Я заказываю клубничное.

- Когда ты была маленькой, ты была моей клубничной девочкой, - говорит он, когда мы выходим из магазина. - Твоя мама выращивала клубнику на заднем дворе в Маунтин-Вью, и, если мы нигде не могли тебя найти, то знали, что ты должна быть там, поедая клубнику, перепачкавшись в соке. Твоя мама потратила много времени, выводя пятна с твоей крошечной одежды.

- Я этого не помню. - Я обхожу здание, заходя с торца, где стоят скамейки.

Сажусь. Около минуты он стоит рядом, затем садится ко мне. Мы смотрим вдаль на гаснущий свет в горах, слушаем журчание маленького ручейка, бегущего где-то поблизости, звуки машин, проезжающих по шоссе, все вместе они создают определенную мелодию. - У меня не много воспоминаний, - признаю я.

- Знаю. Ты была очень маленькая.

- Я помню, как ты брился.

Он улыбается. – Да. Тебя это очаровывало. Тебе хотелось попробовать самой. Твоей маме пришла в голову чудесная идея, вырезать тебе бритву из старых кредитных карт, и ты сидела на столике в ванной и брилась вместе со мной.

- Странно, что ангелу приходится бриться.

Он потирает свой гладкий подбородок. – Не приходится. Хотя, иногда моя профессия вынуждает носить бороду.

Его профессия. Я прокручиваю в голове эти слова.

- В те дни с твоей мамой, для меня все было по-другому, если говорить о физиологии. Мне приходилось бриться, мыться, есть и пить.

- А сейчас?

- Я могу. Но это не обязательно, - он откусывает большой кусок мороженого, хрустя вафлей. Оно пачкает его подбородок, и он пытается стереть его. Я подаю ему салфетку.

- Потому что ты в другом теле.

- Каждый из нас состоит из двух частей, - говорит он, - души и тела.

- Значит, тело реально. А душа...призрачна, - говорю я.

- У людей. Тело твердое, а душа невидима. До тех пор, пока они не будут разделены, и тело не превратится в прах, а душа не попадет в другой мир. Тогда и душа становится твердой.

- А как у меня? – спрашиваю я. – На что похожа моя душа? Ты ее видишь?

- Она прекрасна. – Он улыбается. – У тебя чудесная душа. Как и у твоей мамы. – Уже почти полностью стемнело. В нескольких футах от нас начинает стрекотать сверчок. Я думаю, что нам пора идти.

И нам все еще предстоит больше часа добираться до дома. Но я продолжаю сидеть.

- Мама...она отправится на небеса?

Он кивает, его лицо светлеет. Он счастлив, что она умирает, доходит до меня.

Потому что на небесах у него есть шанс быть с ней все время. Он счастлив, но ради меня старается подавить это чувство, посмотреть на это с моей стороны.

- Ее тело увядает, - говорит он. – Скоро она навсегда его покинет.

- А я смогу видиться с ней? – В груди расцветает надежда. Мы можем пересекаться, где-нибудь между небом и землей. Мама же была однажды на небесах. Я тоже могу отправиться туда. Я бы не чувствовала себя так ужасно, если бы смогла иногда видеть ее, разговаривать с ней. Принимать ее советы, шутки и остроумные замечания. Я все еще могу сохранить себе маму.

- Ты можешь летать на небеса, - отвечает отец. – Как Трипл, ты обладаешь способностью путешествовать между мирами. Димидиус должен помогать, но в истории много случаев, когда Триплы учились этому сами.

Я почти смеюсь, настолько это хорошая новость.

- Но маловероятно, что ты будешь видиться с мамой, - говорит он. – Она отправится в собственное путешествие, в котором ты не сможешь ее сопровождать.

- Но почему? – знаю, что вопрос звучит, как у трехлетнего ребенка, плачущего без мамы, но не могу с этим справиться. Я вытираю внезапные слезы обиды. Я вскакиваю на ноги и бросаю недоеденное мороженое в урну неподалеку.

Он не отвечает, что само по себе заставляет меня смутиться еще больше.

- Нам пора, - говорю я. – Все будут думать, куда мы подевались. – Он доедает мороженое и идет за мной к машине. Следующие полчаса мы едем в полной тишине, минуя освещенные фермы, стоящие поодаль от дороги, силуэты лошадей в полях, затем въезжаем в сосновый бор, мимо указателя «ВЪЕЗД В ДЖЕКСОН ХОЛЛ» на дороге Титон. Отец не кажется сердитым, скорее, он проявляет уважение к моему личному пространству. Я ценю это, и в то же время меня это возмущает. Меня возмущает то, что он может заставить меня ценить это, даже не смотря на то, что он считает, что совершенно нормально вот так ворваться в мою жизнь и ставить меня под удар.

А потом я чувствую вину за то, что злюсь, потому что он – ангел, посланник бога.

- Извини, - наконец говорю я, когда мы проезжаем узкий поворот к Джексону.

- Я люблю тебя, Клара, - говорит он после долгой паузы. – Хочу, чтобы ты чувствовала это. Ты чувствуешь?

- Да.

- И я обещаю, ты встретишься с мамой снова.

Я напоминаю себе, что он относится к тем парням, которые не нарушают обещаний.

За ужином тихо, за столом только отец, Джеффри и я. Джеффри практически проглатывает свою порцию и уходит, что расстраивает отца, или что-то похожее на это, насколько отец вообще способен расстраиваться.

- Хороший сегодня получился разговор, - говорит он мне, пока мы загружаем посуду в посудомоечную машину. - Я очень этого хотел.

- Ты звонил мне раньше, - напоминаю я ему. - Как так получилось, что ты никогда не выглядел заинтересованным в этом?

- Мне было неловко притворяться, - говорит он, опустив глаза.

- Имеешь в виду, лгать мне?

- Да. Это происходит естественно и причиняет боль.

Я киваю. В этом есть смысл. В конце концов, начинает иметь смысл. Это помогает.

Я улыбаюсь отцу, извиняюсь и отправляюсь в свою комнату, корпеть над домашней работой. Не проходит и десяти минут, как Кристиан появляется на крыше. Он подходит прямо к окну и стоит там, глядя на меня, затем стучит по стеклу.

Я открываю окно. - Тебе не следует здесь появляться. Это не безопасно. Нас тут вообще-то Черное Крыло преследует, забыл?

Взгляд его зеленых глаз внимателен, словно он оценивает меня. - Забавно, потому что мне показалось, что сегодня я видел ангела, изгоняющего Семейязу с поля. Я решил, что теперь это безопасно.

- Что ты видел?

- Я подошел к окну в конце коридора на втором этаже. Это было довольно впечатляюще. Такие крылья, просто вау.

Не знаю, что сказать. Поэтому говорю первое, что приходит в голову: - Хочешь войти? - Он медлит. Он ни разу еще не был в моей комнате. - Ладно. - Я смущена тем, как по девчачьи выглядит моя комната: множество разбросанных розовых безделушек. Розового медведя я запинываю под кровать, хватаю лифчик, висящий на столбике кровати, и пытаюсь незаметно затолкать его в корзину для белья. Затем я заправляю за ухо выбившуюся прядь волос и смотрю куда угодно, лишь бы не на Кристиана.

Он кажется смущенным, как и я, не уверенный, что делать в этой ситуации. Представьте нашу досаду, когда в ту же секунду раздается деликатный стук в дверь и входит отец.

- О, здравствуй, - говорит он, глядя на Кристиана.

- Пап! Ты не...это не...

- Кристиан Прескотт, - выдает отец. - Я всегда узнаю эти глаза. - Мы с Кристианом переглядываемся, он совершенно сбит с толку тем, что отец знает его, я же злюсь, потому что не хочу, чтобы Кристиан думал, что это я так поэтично расписываю отцу его глаза.

- Я Майкл. Отец Клары, - говорит отец, протягивая руку.

Забавно, что он всегда говорит это абсолютно одинаково.

Кристиан не медлит. Он крепко пожимает руку отца.

Отец улыбается. - Это, и правда, замечательно, как сильно ты похож на свою маму.

- Вы знали мою маму? - голос Кристиана почти мучительно нейтрален.

- Достаточно близко. Она была очаровательной женщиной и хорошим человеком.

Около минуты Кристиан стоит, глядя в пол, затем встречается с отцом взглядом. - Спасибо. - Он переводит взгляд на меня, задерживается на моем лице, словно видит меня в совершенно новом свете. Затем говорит: - Что ж, мне пора. Я просто пришел убедиться, что с Klarой все хорошо после того, как она ушла сегодня посреди урока.

Отец не мог бы выглядеть более одобрительно, чем в тот момент от того, что Кристиан присматривает за мной. - Не уходи из-за меня. Я оставлю вас наедине. Поговорите.

И он уходит. И закрывает за собой дверь. Какой отец оставит свою дочь-подростка ночью наедине с парнем за закрытой дверью? Ему многому нужно бы научиться, что касается воспитания детей. Или, может, он просто не видит себя в роли родителя. Или, может, он просто слишком уверен, что Кристиан был бы психом, если бы осмелился сделать что-то неуместное, когда по ту сторону двери находится ангел.

- Итак, - через минуту говорит Кристиан. - Твой отец - ангел.

- Кажется, так.
- Он кажется классным.
- Так и есть. Он круче, чем я когда-либо могла бы о нем подумать.
- Рад за тебя.

И это правда. Я чувствую это. Он искренне рад узнать, что у меня есть отец, которому я не безразлична, который достаточно могуществен, чтобы защитить меня, который будет со мной в это тяжелое время. Но Кристиан также хочет что-то мне сказать. Оно лежит на поверхности, словно слова висят в воздухе, он думает, что это что-то свяжет нас еще сильнее, но он скрывает это.

- Да ладно, выкладывай.

Он улыбается своей загадочной улыбкой, не разжимая губ.

- Я хочу отвезти тебя кое-куда, завтра после школы. Ты поедешь со мной? – Я обретаю голос.

- Конечно.

- Отлично. Спокойной ночи, Клара. – Он идет к окну и выходит наружу.

- Спокойной ночи, - бормочу я ему вслед, наблюдая, как он вызывает крылья, его великолепные рябые крылья, и взмывает ввысь.

ГЛАВА 17. ЧАСТЬ, ГДЕ Я ЦЕЛЮЮ ТЕБЯ

(Переводчик: Аполлинария; Редактор: Snyki)

Я почувствовала себя поистине удивленной, когда Кристиан предложил вывезти меня куда-нибудь, но когда он появляется около моего шкафчика после учебы на следующий день, часть меня начала сомневаться, и я не знаю, почему. Может быть, из-за уверенного взгляда, которым он смотрит на меня сейчас, и теплых бликов золота в его глазах.

– Ты готова? – спрашивает он.

Я кивнула, и мы вышли наружу, на солнечный свет. Здесь нет ни единого следа присутствия Семъяйзы. Папа, должно быть, хорошо напугал его, потому что мама вдруг совершенно нормально начала вести себя с Джеффри, да и я смогла выйти из безопасности освященной земли.

Кристиан отпирает свой грузовик, и я забираюсь внутрь. Стараюсь не сканировать окрестности в поисках Такера, пока мы выезжаем со стоянки. Он позвонил мне вчера ночью, и мы попытались поговорить о моем отце, но ни один из нас не знал, что сказать. Я не могу прийти сразу и сказать ему, что мой отец - ангел, хотя он, наверное, уже догадался. Это будет слишком опасно для него, ведь знание об этом - лакомый кусочек, который Семъяйза с радостью захочет вырвать из его головы. Чем меньше он знает, тем безопаснее для него, осознала я. В любом случае, он не должен быть здесь, ведь у него завтра конкурс на родео, и он покинул школу раньше, чем обычно, чтобы попрактиковаться. В школе же Такер был поглощен мыслями. Он не спрашивал меня ни о чем.

Кристиан свернул на грунтовую дорогу, которая огибает склон горы за городом. Я увидела знак, который заставил меня вытянуть шею, чтобы прочитать, что на нем написано.

«КЛАДБИЩЕ АСПЕН-ХИЛЛ»

Неожиданно все внутри меня как будто превратилось в камень.

– Кристиан...

– Все хорошо, Клара. – Он повернул в сторону от дороги и припарковал грузовик. Открыв дверь, он спрыгнул вниз и повернулся, чтобы посмотреть на меня.

– Доверься мне, – произнес Кристиан, протянув мне руку.

Я чувствовала себя, словно двигаюсь в замедленной съемке, кладя свою руку в его и позволяя вытянуть себя с его стороны грузовика.

Здесь красиво. Зеленые деревья, шепот осин, вид на далекие горы.

Я не ожидала, что это место будет таким прекрасным.

Кристиан увел меня с дороги в сторону леса. Мы шли мимо могил, большинство из которых - стандартные куски мрамора с простыми надписями имен и дат. Ничего интересного. После мы увидели лестницу, расположенную в середине леса, с длинными, окрашенными в черный цвет металлическими перилами. Мое сердце подпрыгивает к горлу, когда я вижу её. Давящие, серые блики застилают глаза. То же самое я испытывала, в прошлом году, прежде чем увидела свое видение. Я закусил губу так

сильно, что почувствовала привкус крови. Но я не переношусь в день похорон моей мамы, а остаюсь здесь. С Кристианом.

– Сюда, – говорит он, слегка дергая меня за руку и уводя на этот раз не на гору, не к тому месту, где находилось отверстие, вырытое в земле и куда опускали на похоронах мою мать, а через склон – к маленькой белой мраморной скамье, обрамленной осинами, рядом с которой посадили куст роз, давший одну идеально-белую розу.

Кристиан видит эту розу и смеется, отпуская мою руку.

– Ты ведь говорил, что этот куст никогда не цветет, – сказала я, глядя на надпись на скамейке.

«ЛЮБЯЩАЯ МАТЬ, ПРЕДАННАЯ СЕСТРА, ВЕРНАЯ ПОДРУГА»

Рядом на земле расположена мемориальная доска, представляющая собой простой белый прямоугольник с надписью: «БОННИ ЭЛИЗАБЕТ ПРЕСКОТТ». И гравюра розы. Ни даты рождения, ни даты смерти, отсутствие которых мне кажется странным, но, даже если Бонни и была среднего возраста, свойственного кровному ангелу, когда умерла, то ее дата рождения определенно вызвала бы у некоторых удивление.

– Этот куст не цветет, – отвечает Кристиан. – Сегодня это произошло в первый раз.

Он делает глубокий вдох и слегка прикасается к розе. А затем смотрит на меня. В нем так много эмоций в этот момент, а я инстинктивно пытаюсь закрыть дверь между нами. Их слишком много, и я все еще могу увидеть их на его лице. Он хочет что-то сказать мне, нет, он *нуждается* в том, чтобы озвучить это для меня.

– У моей матери были прекрасные волосы, – сказал он.

Ладно, не совсем то, что я ожидала услышать.

– Она была светлой блондинкой с волосами цвета кукурузных стеблей. Я привык смотреть, как она расчесывала их. Она сидела за туалетным столиком в своей спальне и расчесывала их, пока они не начинали блестеть. У нее были зеленые глаза. А еще она любила петь. Она пела все время. Она ничего не могла с собой поделать.

Он сел обратно на скамейку. Я стояла там в течение минуты, наблюдая за тем, как он блуждал в воспоминаниях о своей матери.

– Я думаю о ней каждый день, – сказал он. – И я скучаю по ней. Каждый. Божий. День.

– Я знаю.

Он серьезно посмотрел на меня.

– Я хочу, чтобы ты знала, я собираюсь быть там. Когда это случится с тобой. Я буду на твоей стороне все время, если ты разрешишь мне. Я обещаю тебе это.

Люди в последнее время дают мне много обещаний. Я киваю. Я села на скамейку рядом с Кристианом и любовалась видом на горы, где только я могу разглядеть белый пик Гранд Титона. Ветер вздымал мои волосы, сдув их на плечо Кристиана.

Это самое красивое место для кладбища. Здесь тихо, оно отдалено от жизни и всех его забот, но все же связано с ней. С видом на город. Присматривая за нами. Я думаю, это идеальное место для тела мамы, для ее отдыха, и в этот момент, когда я представляю ее здесь как нечто иное, чем повторяющийся кошмар – впервые я представляю, что произойдет после того, как она умрет. Ни похороны или могилы, или вещи из моего видения. После. Мы собираемся оставить ее здесь, и это правильно. Когда это произойдет, мы оставим ее тело отдыхать здесь, в этом прекрасном месте, рядом с матерью Кристиана. Я буду приходить сюда в то же время, что и он, и возлагать цветы на ее могилу.

Кристиан вновь скользнул своей рукой в мою.

– Ты плачешь. – Я поднимаю свободную руку к своей щеке – он прав.

Я плачу. Но это хорошая разновидность слез, я думаю. Может быть, это означает, что я отпускаю.

– Спасибо, что привел меня сюда, – сказала я.

Тогда-то он и сказал:

– Клара, есть кое-что, что мне нужно сказать тебе. – Он встал.

Он держит меня за руку и встает передо мной. Во второй половине дня солнце пробивается сквозь его волосы, и создают золотую окантовку вокруг него. Я искоса смотрю на него, в его глаза.

– Твой отец ангел, а твоя мама Димидиус, – говорит он, – которые превратили тебя в Трипла.

– Откуда ты вообще знаешь, как это? – задыхнулась я.

Я думала, что это был, своего рода, супер секрет.

– Мой дядя. Когда мне было десять, он усадил меня, и рассказал мне все о Триплах, насколько они редки - он полагает, что есть всего семь Триплов, когда-либо ходивших одновременно по земле, - и насколько они сильны. Насколько они должны быть защищены, любой ценой. – Это то, что он хочет - изумилась я, - чтобы защитить меня? Это, то самое я-всегда-буду-здесь-для-тебя в реальности? Это его цель - быть наподобие моего охранника?

– Я ждал месяцами, чтобы сказать тебе это, – говорит он. – Я думал, что это в один прекрасный момент вырвется из меня, как в «Чужих».

– Подожди, – говорю я. – Ты столько ждал, чтобы сказать мне что? Что я - Трипл?

– Я знаю с тех пор, как был организован «Ангельский клуб». – Он проводит рукой по своим волосам, делая долгий вдох. – Но я подозревал это с пожара. – Я смотрю на него. Как он мог узнать, что я - Трипл раньше меня собой?

– Я никогда никому это не рассказывал, – говорит он. – Мой дядя вбивал это в мой мозг снова и снова: никто не должен знать. Никто. Даже другие кровные ангелы. Особенно ангелы других кровей – это само собой разумеется. Он сказал, что никто, ну, ты понимаешь – нет ни одного, кому мы можем доверять.

Его рука напряглась в моей.

– Но он не прав, – свирепо говорит он. – Какую бы ты мысль не высказал, все не так, когда у тебя есть секреты. Ты не сказала Такеру, когда думала, что он умрет. Для этого нужна стойкость. Ты такая сильная, Клара, ты даже не знаешь, насколько. Ты удивительна. Ты красивая, и храбрая, и саркастичная, и веселая, и я думаю... – Он вздохнул. – Мои видения продолжают говорить мне, снова, снова и снова, что я могу доверять тебе. Я могу тебе доверять.

Что-то изменилось в его лице. Он собирался сказать мне. Он собирается пустить предостережение на ветер и оставить это там.

– Моя мать была Димидиусом. Она была красива, так невероятно красива, что иногда было больно смотреть на нее. Как и на тебя. Почти двадцать лет назад она была соблазнена Стражем, который думал, что может собрать самых красивых кровных ангелов по всему миру. И так все это закончилось у нее на мне.

У меня было много бомб, сброшенных на меня в этом году, на мой взгляд - сокрушительные откровения на всю оставшуюся жизнь. Но ничего, подобного этому, тому, как Кристиан смотрел меня своими блестящими зелено-золотистыми глазами, глазами его прекрасной матери, говорящие мне, что его отцом был Черное Крыло.

– Ты тоже Трипл, – прошептала я.

– Да. – Облегчение было в его голосе. – Ты не видишь, что это значит? – он не произнес этого, но я знаю.

Мы принадлежим друг другу. Мы оба очень редкого вида. Предназначенные следить друг за другом, что означает взяться за руки и идти нога в ногу, через огонь, через смерть, предназначенные для охраны и защиты, и...

Я чувствую, что падаю с большой высоты прямоком на землю, и в то же время утопаю в глубоком бассейне, изо всех сил плывя к поверхности, мои легкие разрываются от нехватки воздуха.

Он рывком ставит меня на ноги.

– Сначала я не знал, что чувствую по этому поводу. Я не хотел быть принужден, понимаешь? Я хотел, чтобы это был мой выбор. Но каждый раз, когда я рядом с тобой, это ощущается правильно, – говорит он. – Я чувствую себя сильнее. Даже смелее. Я чувствую внутри себя торжество, эта сила распространяется во мне. Я чувствую так, будто могу сделать все, что угодно. Вместе с тобой. – Я хочу, чтобы он прекратил говорить.

Я хочу, чтобы лес перестал вращаться вокруг меня, хотелось бы выйти за пределы своего тела прямо сейчас и спросить себя: «Так что ты, Клара, думаешь обо всем этом?»

И я не знаю.

– Думаю, я люблю Такера.

Его взгляд отрезвел.

– Я знаю.

– Знаешь?

– Я любил Кей. Что бы обо мне не говори, я любил ее. Какая-то часть меня до сих пор это делает. Мой дядя говорит, это потому что она была моей первой любовью. Он говорит, что мы никогда больше не ощутим такое впервые.

Правильно. Но Такер не просто моя первая любовь. Он - мое настоящее.

– Я должен выбрать, – говорит Кристиан. – В прошлом году, когда я начал понимать, что мое видение было больше, чем поиск и спасение какой-то там таинственной девушки. – Уголок его рта на мгновение дернулся вверх.

Я. Его таинственная девушка.

– Когда видение показало мне, как это должно было быть - то, как мы взяли руки, и...коснулись, и что я чувствовал в тот момент, - я понял, что мне нужно выбирать. Это не было справедливо по отношению к Кей. Поэтому я и порвал с ней. – Он закрыла на секунду глаза, и я уловила намек на смятение, что он еще что-то чувствует, когда думает о Кей.

Должно быть что-то, что я не увидела в этой девушке. Должно быть.

– Я должен был выбрать, – сказал он снова. – И это было не так, будто мне пришлось выбирать между тобой и Кей; я едва ли знал тебя тогда. Я должен был выбрать, кем собираюсь стать. Но теперь... Клара, я думаю...

– Мне нужно идти, – сказала я, внезапно отстраняясь от него. – Я не могу обдумывать. Я не могу выбирать. – К моему недоумению, он улыбается – этой абсолютно милой, греховной улыбкой, которая посылает стаю бабочек, ударяя прямо поддых.

– Что? – требую я. – И что теперь?

– Ты не уйдешь, – говорит он. – Посмотри на меня. У меня было видение и этого места тоже. – Это остановило меня от дикого, трусливого (как он может думать, что я смелая?) отступления назад, к дороге.

Я повернулась. Он все еще стоит у могилы своей матери, руки в карманах джинсов, глядит на меня с таким жаром в глубине глаз, что дрожь продельывает путь от моей головы до самых ног.

– У тебя снова новое видение? – спрашиваю я.

– Прямо здесь. – Он идет ко мне, его широкие шаги целенаправленно преодолевают траву. – Прямо сейчас. Я видел его в течение недели, и это происходит прямо сейчас. – Он останавливается передо мной. – Это то место, где я тебя поцелую, – говорит он.

Тогда, когда мы под качающимися соснами, дрожащими осинами на Аспен-Хилл, на закате солнца в поздний весенний день, с пением птиц над нашими головами, со следами недавних слез, все еще не высохших на лице, и со слабым запахом розы в воздухе, Кристиан Прескотт целует меня в первый раз. Он тянет меня за собой.

Я никогда, если буду жить все сто двадцать лет, не смогу забыть его вкуса. Это не то, что я могу описать, это просто Кристиан, несколько сладкий и полный специй – и в этот момент это ощущается абсолютно правильно. Его и мой огонь сочетаются, и это лучше, чем любой лесной пожар, жарче, чем самый горячий уровень пламени. Любые стены, которые я пыталась построить между нами - обрушились. Его сердце тяжело билось под моей ладонью. Он не солгал мне прямо сейчас. Это его видение, его мечта действительно сбывается, и все это, как он и думал, осуществилось. Даже более того. Я больше, чем он мог надеяться, когда-либо мечтать. Его таинственная девушка. Девушка, которую он мог только грезить найти.

И теперь я принадлежу ему, как если бы и он всегда принадлежал бы мне.

Именно эта мысль возвратила меня обратно. Я отшатнулась назад, разрушая контакт между нами с мучительным усилием воли.

– Я не твоя, – выдыхаю я ему и затем бегу.

Потому что если я останусь еще хоть одну секунду, я поцелую его снова. Я выберу его.

Так что я несусь прочь, смахиваю слезы, двигаясь через кладбище Аспен-Хилл, как если за мной гонится черт, и затем лечу, не заботясь о том, увидит ли меня кто-нибудь летящей, подобно падающей звезде в небе, прямо к дому.

ГЛАВА 18. МОЯ ЗАМЕНА

(Переводчик: Наталья Цветева; Редактор: [unreal])

На следующий день я не иду в школу, и никто меня в этом не упрекает.

После школы мне звонит Анжела.

- Извини, - первое, что она говорит. – Я очень, очень, ужасно извиняюсь, хорошо? Было глупо тебе завидовать. Мне так жаль.

Она думает, я прогуляла школу, чтобы не встречаться с ней.

- Все нормально. Я не должна была тебя читать. В какой-то степени ты заслуживаешь того, что получаешь, когда читаешь чьи-то чувства в твой адрес.

- Все равно, это было плохо. Я не должна была этого чувствовать.

- Мы не всегда можем контролировать свои чувства, - говорю я ей. Господи, вчера как раз был идеальный пример. – Эй, я тоже иногда тебе завидовала. А вся эта история с моим отцом стала огромным сюрпризом. Ты только наполовину человек.

Последняя фраза была шуткой. Но она не смеется.

- Так...ты прощаешь меня? – спрашивает она. Странно слышать, что Анжела может быть уязвимой, потом что она всегда такая сильная. Это открывает мне крохотное окошко в ее мир, в котором я – ее единственный настоящий друг. Если она перестанет со мной общаться, она останется совсем одна.

- Конечно. Проехали, - говорю я ей.

Она вздыхает. Облегчение. – Не хочешь зайти?

- Не могу. Я должна сегодня кое-что сделать.

Я собираюсь увидеться с Такером.

Региональные школьные соревнования по родео проводятся в этом году на родео-арене Джексон Холла, это один из немногих раз в году, когда команда выступает дома. Владелец Джей Хупер, стоящий на входе, отмахивается от меня, когда я пытаюсь купить билет. Я уже и забыла, что он тоже полу-ангел.

- Потому что ты ребенок Мэгги, - говорит он.

Я не спорю.

Выбираю место в задней части трибуны. Я знаю, что не должна здесь находиться, не должна быть вне дома в такое время, когда больше никто не знает, где я. Но мне хочется увидеть Такера. Часть меня уверена, что если я просто буду смотреть на него, я смогу разобраться в себе. Я буду знать.

Я слежу за родео с самого начала, открываемого соревнованием по связыванию бычка⁴⁶, но не могу сосредоточиться.

Со вчерашнего дня я тону в море собственной вины, и мне действительно кажется, будто я под водой.

Голос комментатора звучит приглушенно. Взгляд затуманен. Я пытаюсь сделать вдох, и рот наполняется виной.

Я позволила Кристиану поцеловать меня. Я все еще чувствую покалывание на губах, его вкус.

Эта мысль причиняет физическую боль. Это не может происходить со мной, думаю я. Я не могу быть той девушкой, что крутит с другим, имея такого сильного, чудесного, замечательного, любящего, честного и невероятно веселого, горячего и умопомрачительного, надо-быть-дурой-чтобы-ему-изменять парня.

Я стону и закрываю глаза. Это все о Такере, и даже больше. Я чувствую себя, как та пустая пивная банка под трибуной.

Я слышу, как называют имя Такера. Люди на трибунах начинают кричать и гикать. Затем он, верхом на Мидасе, показывается в воротах и пускается в погоню за черно-белым теленком. В руках у Такера петля лассо, почти нежно он раскручивает его над головой, раз, два, три, и, наконец, отпускает его.

Оно обхватывает теленка точно вокруг шеи. Такер соскальзывает со спины Мидаса, бежит к теленку, с другой веревкой, зажатой в зубах, умело валит теленка в грязь и связывает ему ноги. Все это занимает не более двух минут, может, даже меньше. Дело сделано. Он машет толпе.

Мои глаза наполняются слезами. Кажется, что сегодня я только и делаю, что плачу, но я не могу остановиться. Он так прекрасен, даже покрытый пылью и грязью, потный от напряжения, он самый прекрасный парень в мире.

Возможно, Кристиан был прав. Мы принадлежим друг другу. Это сложно отрицать. Он – мое предназначение, как минимум, его часть.

⁴⁶ прим.пер.: Бычка выпускают из загоня и дают ему некоторое время оторваться от ковбоя. Ковбою разрешается начать погоню за бычком с целью догнать бычка и набросить на его шею лассо.),

Но мой выбор – Такер. Я люблю его. И этого не изменить.

Мне нужны были ответы, и теперь я близка к тому, чтобы их получить. А теперь нужно уходить, пока он не заметил меня и не увидел вину, которая буквально написана у меня на лбу.

Толпа вокруг меня снова бушует, когда объявляют время. У него хорошие результаты. Даже, несмотря на весь эмоциональный хлам, давящий на меня, я чувствую гордость за него.

Я встаю и направляюсь к краю трибун, затем быстро спускаюсь по лестнице. Почти выхожу.

Но вдруг кто-то громко выкрикивает что-то в поддержку Такеру с первых рядов. Это девушка.

И что во всем этом заставляет меня остановиться.

У меня уходит секунда, чтобы вычислить ее: девушка в ковбойской одежде, белой рубашке на пуговицах, со звездочками на плечах, белых джинсах с бахромой и белых ботинках. Длинные рыжие волосы струятся по спине идеальными завитками. Она смотрит на Такера с таким жаром в глазах, что меня тут же выворачивает наизнанку.

Должно быть, я ее знаю. Она кажется мне знакомой – конечно, она ходит в нашу школу – и тут меня озаряет. Это Элисон Лоуелл. Одна из тех девушек, что были с Такером на выпускном в прошлом году. Она сидела рядом со мной, когда в тот вечер он развозил нас по домам, миниатюрная рыженькая в темно-синем платье.

Не делай этого, Клара, говорю я себе. Не читай ее.

Но я не сдерживаюсь. Я опускаю стены, совсем чуть-чуть, и мысленно тянусь к ее разуму. Я чувствую то же, что она. И мне это не нравится.

Потому что ей тоже кажется, что он прекрасен. Рядом с ним ее ладони потеют, а голос становится унизительно тонким. Но он всегда добр к ней. Он очень добр, что большая редкость для такого потрясающего парня, и она это знает. Кажется, он даже не подозревает, насколько он привлекателен. Она вспоминает их танец, его загрубевшую, мозолистую ладонь, которой он держал ее руку, пока они танцевали ту-степ, другая его ладонь покоилась у нее на талии. Ей казалось, что она лопнет от счастья. Его глаза – голубые, как васильки.

Она пишет его имя на полях тетради на уроках испанского. Есть миллион вещей, которые ей хотелось бы сказать ему.

Megustas. Ты мне нравишься.

Но она знает, что это лишь мечты. Он никогда не смотрел на нее. Он даже не видит, что она стоит здесь. Если бы только он увидел ее, и желание, которое накрывает ее в этот момент, причиняет мне физическую боль. Если бы он только открыл глаза.

- Покажи им, Такер! – кричит она, поддерживая его.

Я пачусь от нее, измотанная, кружится голова. Мы с ним столько раз шутили о маленькой мисс Элисон Лоуелл. А все это время она действительно была влюблена в него.

Я внимательно рассматриваю ее. Первое, что бросается в глаза – это ее рыжие волосы, натуральная, солнечная медь, ничего общего с тем кошмаром, что был в прошлом году у меня на голове, ее цвет – цвет нового пенни.

Она тоненькая, как ива, но мне кажется, что у нее есть мышцы. Это все влияние свежего воздуха и регулярных упражнений. Она сильнее, чем кажется. Бледная, молочно-белая кожа покрыта веснушками, но ей идет. Коралловые губы.

Выразительные карие глаза.

Она хорошенькая.

И она принимает участие в скачках. И она из этих мест, может, хочет здесь остаться. Она обычная девушка. Рыженькая. Он любит рыженьких. А она любит его.

Может, не появившись я в школе прошлой зимой, в тот вечер он увидел бы ее в выпускном платье. Может, они бы поговорили. Возможно, он бы даже начал называть ее морковкой.

Она как равноценная замена мне.

Не могу дышать. Я направляюсь к выходу. Теперь я сбита с толку больше, чем когда-либо.

Но, проталкиваясь через толпу, прежде чем уйти, я оборачиваюсь бросить последний взгляд на Такера на Мидасе, который опять вернулся на арену, но могу различить лишь его голову, шляпу и серьезные глаза, когда он прищипривает коня назад к воротам.

Этим вечером я сворачиваюсь рядом с мамой, и мы вместе смотрим домашнее видео. Отец приходит время от времени, и смотрит с нами с немного печальным выражением лица, видя доказательства своего отсутствия. Затем он уходит. Я никогда не знаю, куда он отправляется, когда его нет дома. Он просто пропадает.

Сейчас мы смотрим видео с пляжа. Мне около четырнадцати. Это было незадолго до того, как мама привезла меня в Баззардс Рутс и рассказала мне об ангелах. Здесь я обычная девчонка, гуляющая по пляжу и разглядывающая горячих сёрферов. Мне даже неловко от того, как я выдаю себя, когда мимо проходят крутые парни. Я пытаюсь казаться утонченной, откидываю голову, чтобы покрасоваться своими волосами, иду по пляжу с грацией танцовщицы. Я хочу привлечь их внимание. Но когда мы втроем, мама, Джеффри и я, я веду себя как маленький ребенок. Плещусь в воде, бегаю с Джеффри по песку, строю замки и разбиваю их. В какой-то момент я забираю у мамы камеру, чтобы снять ее. На ней белая струящаяся накидка поверх купальника, широкополая соломенная шляпа и большие очки. Она выглядит такой энергичной, такой здоровой. Она присоединяется к нашей игре, смеется, бежит по пляжу, ловя набегающие волны. Забавно, как люди меняются, и ты забываешь, какими они были раньше. Я уже забыла, какой она была красивой, хотя она все еще красива. Но это не одно и то же. Тогда в ней была энергия, несокрушимый дух, тот свет, что никогда не гас.

Сейчас она затихла. Я думаю, она могла заснуть, но она произносит: - Это был мой самый счастливый момент, именно этот.

- Даже без папы? – спрашиваю я.

- Да. Вы двое делали меня такой счастливой.

Я предлагаю ей мой пакет с попкорном, но она качает головой. Она совсем перестала есть. Кэролин может ее заставить сделать лишь несколько глотков воды, если повезет, и съесть несколько ложек шоколадного пудинга. Это напрягает меня, потому что живые люди должны есть. Это значит, что она больше не жива.

- Думаю, это было и моим самым счастливым моментом, - говорю я, глядя на свое улыбающееся лицо в кадре.

До видений. До предназначения. До пожаров. До выбора, который я не готова сделать.

- Нет, - говорит мама. – Твое самое счастливое время еще наступит.

- Откуда ты знаешь?

- Я видела это.

Я сажусь и смотрю на нее. – Что ты имеешь в виду?

- Все свою жизнь я вижу кусочки будущего, в основном, своего, как видения, но иногда и про других. Я видела твое будущее, или его версию.

- И что ты видела? – пылко спрашиваю я.

Она улыбается. – Ты идешь в Стенфорд.

- Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю.

- Тебе там нравится.

- Значит, Стенфорд – это эквивалент счастья? Отлично, думаю, я все поняла. Можешь подсказать мне цвет для спальни в общежитии, потому что я разрываюсь между лавандовым и синим. – Да, я саркастична, может, это лишнее, когда она, кажется, пытается сказать мне что-то важное. Но дело в том, что я не могу себе представить настоящее счастье. Не без нее.

- Ох, милая, - вздыхает она, - сделай мне одолжение, загляни в верхний ящик в шкафу. В черный.

Я обнаруживаю пыльную красную вельветовую коробочку, спрятанную между ее носков. Открываю ее. Внутри лежит серебряный браслет с подвесками, старый и немного потускневший.

- Что это? – никогда не видела, чтобы она его надевала.

- Ты наденешь его на кладбище.

Я разглядываю подвески, которые кажутся вполне обычными. Сердце. Лошадь. Пара драгоценных камней, должно быть, поддельных. Рыба.

- Давным-давно он принадлежал мне, - говорит она. – А теперь он твой.

Я сглатываю. – Ты не собираешься сказать мне, что всегда будешь рядом? Разве не это обычно говорят? Что ты будешь в моем сердце, что-то типа того?

- Ты – часть меня, - отвечает она. – А я – часть тебя. Поэтому, да, я буду с тобой.

- Но не по-настоящему, мы не сможем поговорить, да?

Она накрывает мою руку своей. Она кажется такой легкой, легче, чем должна быть рука, ее кожа, как мягчайшая белая бумага.словно ее может унести ветром.

- Между нами есть связь, которую ничто не сможет разорвать, ни на небе, ни на земле, ни даже в аду. Если тебе захочется поговорить со мной – говори. Я услышу. Но, возможно, не смогу ответить, или ответу не своевременно...

- Потому что день – это тысяча лет...

Она ухмыляется. – Конечно. Но я услышу тебя. Каждое мгновение я буду посылать тебе свою любовь.

- Как? – я не в состоянии подавить слезы в голосе.

- В сиянии, - отвечает она. – Вот где мы находим друг друга. В свете. – Я снова плачу, а она обнимает меня одной рукой и целует в макушку. – Моя дорогая, милая девочка. На тебя столько всего свалилось. Ты все так глубоко чувствуешь. Но ты будешь счастлива, детка. Ты будешь сиять.

Я киваю, вытирая слезы. Я верю ей. Затем я продолжаю и говорю следующее, что приходит в голову.

- Mam, ты когда-нибудь собираешься рассказать мне о своем предназначении? – Она откидывается назад и задумчиво рассматривает меня.

- Мое предназначение – это ты. – Этим вечером она рассказывает мне иную версию той истории, что мы с Джеффри слышали ранее о дне землетрясения. То, о чем она не упоминала. Что, когда она увидела отца и он вытащил ее из-под завала в ее собственной спальне, когда поднял ее на небеса, она узнала его.

- Он снился мне, - говорит она.

- О чем был этот сон? – я сижу в ногах кровати, скрестив ноги, чтобы смотреть ей в глаза, когда она говорит.

- Поцелуй, - признается она.

- Поцелуй? – едва я слышу это слово, на меня накатывает приступ вины. Воспоминания о губах Кристиана на моих.

- Да. Во сне я поцеловала его. Он стоял на пляже. – Ее взгляд устремляется к телевизору, к блестящей, перекачивающейся воде. – Я подошла к нему, взяла его лицо в ладони и поцеловала. Мы не обменялись ни словом. Только поцелуем.

- Ох, - выдыхаю я. Так романтично. – Поэтому когда ты увидела его после землетрясения, ты узнала в нем того парня, которого поцеловала во сне.

- Да.

- И что ты сделала?

Она легко смеется, почти хихикает. – Я тут же по уши влюбилась в него. В конце концов, мне было шестнадцать, а он был...

- Воплощение сексуальности, - заканчиваю я за нее, немного застенчиво, мы же все-таки говорим о моем отце.

- Он был выдающимся образцом, да, он был таким.

- И что случилось?

- Он провел с нами три дня после землетрясения, в парке «Золотые Ворота», а в последнюю ночь я попыталась соблазнить его.

- И....

- Он бы не согласился. Он отверг меня, довольно грубо, как мне показалось. А утром его уже не было. После этого я не видела его целых три года.

- Ох, мам...

- Не жалею меня, - напоминает она с небольшой улыбкой. – В результате же все получилось. Я добила его.

- Но что случилось, когда вы снова встретились? Спорю, это было неловко.

- О, к тому времени я решила, что он мне не нужен.

У меня отпадает челюсть. – Он тебе не нужен? Почему?

- По многим причинам. Тогда я уже знала, что он из себя представляет. Я знала, что он захочет на мне жениться, и, хотя я и не догадывалась о последствиях, я прекрасно понимала, что это будет необычный брак. Я не хотела замуж. Я не хотела, чтобы моя жизнь была решена за меня. Наверное, это основная причина. Поэтому, когда мы снова встретились, я предельно четко объяснила ему, что больше не заинтересована.

- Как он отреагировал? – не могу себе представить, чтобы кто-то смог отказать отцу.

- Он посмеялся надо мной. Но это не имело значения. Он не ушел. Я чувствовала его присутствие рядом со мной, хотя он иногда не появлялся годами.

- А что насчет твоих видений?

- Они продолжали мне являться.

- И ты просто игнорировала свое предназначение?

- О, нет, - серьезно говорит она. – Я делала больше. Я боролась с ним. Я сопротивлялась каждой капле силы, которая во мне проявлялась. Я была не намерена позволить кому-либо контролировать свою жизнь.

- Как долго? – спрашиваю я, не в состоянии вдохнуть.

- Хмм, шестьдесят лет, плюс-минус.

- Шестьдесят лет. – Вот она я, Клара – попугай. Мне место на плече пирата. – Так вот почему ты ничего мне не говорила. Не учитывая того, что ты скрывала, что отец - Интенджа. Если бы ты рассказала, что боролась со своим предназначением, вместо того, чтобы принять его, возможно, я бы сопротивлялась своему.

- Именно, - говорит она. – Кроме того, ты и так боролась со своим. Яблочко от яблони...

- И они позволили тебе? Я имею в виду небеса.

- Да, позволили. У меня была свободная воля, и видит Бог, я ей воспользовалась вовсю.

- Что ты делала?

Она вздыхает. Что-то затуманивает ее взгляд. Я чувствую намек на раскаяние. Очевидно, эта часть ее жизни не самое лучшее время.

- Я совершала ошибки, - признается она. – Одну за одной. Я оставляла за собой целый мир боли. Я плохо распорядилась своей жизнью. Причиняла боль людям, даже тем, кого люблю. Стала экспертом по части самообмана. Я страдала, иногда просто невыносимо. И училась.

Я смотрю на нее во все глаза. – Думаешь, тебя так наказывали? За то, что не выполнила предназначение? – Она встречается со мной взглядом. – Тебя не наказывают, Клара. Но да, порой все было ужасно, и было похоже на наказание. Я бы не хотела для тебя такого. Но ты забываешь, что в конце все случилось так, как и должно было быть. В конце концов, на побережье произошел тот поцелуй.

- Почему ты передумала? – спрашиваю я, но, глядя на тихую убежденность у нее на лице, думаю, что знаю ответ.

- Я начала видеть то, что будет после поцелуя, - отвечает она. – И я увидела тебя. И Джеффри. И ощутила частичку того счастливого времени.

Она снова смотрит в телевизор. Сцена поменялась. Теперь мы на тротуаре в Санта Круз. Я поедая сахарную вату, жалуясь на то, какая она липкая, облизываю пальцы. Мама спрашивает, какая она на вкус, и в кадре остается только вата. Мелькает часть ее лица, ее нос, подбородок, губы, когда она откусывает кусочек.

- Ням-ням, - говорит она, причмокивая губами на камеру.

Четырнадцатилетняя Клара закатывает глаза. Но улыбается. С другой стороны тротуара кричит Джеффри: - Посмотри на меня. Mam, посмотри на меня! – Не могу поверить, что когда-то его голос был таким высоким.

Камера находит Джеффри, стоящего на тротуаре рядом с игрой «Силач». Ему двенадцать, он ужасно тощий и напоминает аиста в своей огромной кепке. Его серебристые глаза светятся от восторга. Он улыбается нам, замахивается резиновым молотом и с силой опускает его вниз. Шарик подскакивает с самого низа платформы и ударяется о колокольчик наверху. Мигают огоньки. Мигают огоньки. Начинает играть музыка.

Мой маленький братишка только что выиграл приз силача.

Владелец аттракциона выглядит удивленным, недоверчивым, как будто Джеффри мог как-то смухлевать. Но все же протягивает Джеффри огромную плюшевую панду.

- Смотри, Клара, - пищит запыхавшийся Джеффри, подбежав к нам. – Я выиграл его для тебя.

- Отличная работа, маленький мужчина! – говорит мама за кадром. – Я так тобой горжусь!

- Я маленький, но сильный, - хвастается Джеффри. Скромность никогда не была его сильной стороной. – Я мистер Великолепный!

- Как ты это сделал? – более молодая Клара кажется такой же растерянной, как и парень на аттракционе, когда принимает гигантского черно-белого медведя. Он до сих пор со мной. Сидит на верхней полке гардероба. Я назвала его мистер Великолепный. И только сейчас вспомнила почему.

- Хочешь, чтобы я повторил? – спрашивает Джеффри.

- Успокойся, дружок, - нежно говорит мама. – Давай и другим дадим шанс. Кроме того, мы же не хотим хвастаться.

Камера захватывает, как она обнимает его, затем видно только голубое безоблачное небо. На мгновение шум на тротуаре затихает и можно расслышать звуки прибоя и крики чаек. Затем экран гаснет. Счастливое время закончилось.

Я поворачиваюсь взглянуть на маму. Ее глаза закрыты, а дыхание глубокое и ровное. Она почти заснула.

Я накрываю ее одеялами. Легко целую ее в щеку, вдыхая ее запах розы и ванили. *Я была ее самым счастливым временем*, думаю я. И кажется, после того, что она пережила на протяжении ста двадцати лет на земле, быть ее самым счастливым временем – это огромная честь.

- Я люблю тебя, мам, - шепчу я, и даже во сне она слышит меня.

- *Я знаю*, - отвечает она у меня в голове. - *Я тоже тебя люблю*.

Позже отец выносит ее на заднее крыльцо посмотреть на звезды. Теплый вечер, сверчки выводят свои мелодии, веет легкий ветерок. Весна готовится уступить место лету.

Глядя на родителей, как они разговаривают без слов, как прикосновение отца будто придает маме сил, совершенно неоспоримо, что их любовь очень сильна.

Такая любовь переживет смерть. Но стоило ли оно того? Спрашиваю я себя. Стоило ли оно всех тех трудностей, о которых она рассказывала: страдания в разлуке, боль от того, что он может быть с ней только урывками, а затем отпускать его?

Глядя на них, я думаю, что да. Когда он легко целует ее в губы, смахивает прядь волос с ее лица, поправляет платок на ее плечах, она смотрит на него с такой истинной любовью в глазах, которую ни с чем не спутаешь. Она счастлива.

Ты будешь счастлива, сказала она мне.

Ты будешь сиять.

Мама просит поговорить с Джеффри. Он выходит на крыльцо и между ними идет продолжительный диалог. Я наблюдаю за ними из окна в гостиной. Джеффри плюхается в кресло рядом с мамой, складывает руки на коленях, глаза опущены. Я не слышу, о чем они говорят, в любом случае, это не мое дело, но я думаю, что это может быть, то же самое, что она говорила мне ранее. Мое предназначение, сказала она, это ты.

Джеффри продолжает кивать, а затем опускается перед ней на колени, натянуто обнимает ее, а я отворачиваюсь от окна. Теперь я разглядываю отца, стоящего напротив камина с бокалом красного вина. Его глаза наполнены знанием.

- Пришло время быть сильной, Клара, - говорит он. – Уже скоро. – Я молча киваю. Затем подхожу к отцу и оказываюсь в кольце его радости, выталкивающей внезапную боль, поднимающуюся в моей груди.

ГЛАВА 19. ДВОЙНОЕ СЛОВО (Переводчик: Inmanejable; Редактор: [unreal])

Я проснулась на рассвете со странным ощущением дежавю⁴⁷. Поднявшись из-за одышки, я вскакиваю с кровати, спускаюсь по лестнице и врываюсь в мамину комнату, когда оттуда выходит Каролин. Она кивает мне.

- Сегодня, - говорит она.

Теперь мы все собрались там: Джеффри, переставший злиться на данный момент, сидит на стуле, принесенном из кухни, возле ее кровати. Его глаза не покидают ее лица. Билли стоит в углу и ничего не говорит, но когда мама смотрит на нее, она улыбается. Каролин порхает вокруг, проверяет ее пульс и тщетно пытается заставить ее что-нибудь выпить.

Папа сидит в ногах ее кровати, рассказывая шутки про ангелов.

- Вы знаете, почему ангелы летают? - спрашивает он нас. Мы все качаем головами. - Потому что мы относимся к себе несерьезно.

Убийца, я знаю. Но приятно, что он здесь. Он с нами всего лишь чуть больше недели, но я уже привыкла к нему, к его тихой радости, к его устойчивости, к его странному чувству юмора, которое идеально подходит маме.

⁴⁷ **Дежавю** (фр. *déjà vu* — «уже виденное») - психическое состояние, при котором человек ощущает, что он когда-то уже был в подобной ситуации, однако это чувство не связывается с конкретным моментом прошлого, а относится к прошлому в общем.

И я присутствую здесь. Я держу ее за руку. И жду. Все ждут, словно мы колесо, а мама его центр. Мы вращаемся вокруг нее.

- Такие серьезные лица, - прошептала она. - Господи, неужели кто-то умирает? - Но потом она вообще перестала говорить. Разговоры требуют слишком много усилий. Она спит, а мы наблюдаем за ее дыханием. Мне нужно в туалет, но я боюсь покинуть комнату.

Вдруг она уйдет, пока меня не будет? Вдруг я пропущу это?

Я скрещиваю ноги и жду. Рассматриваю ее руку, лежащую в своей. Она снова надела свое обручальное кольцо, напоминающее простой ободок из серебра. Я понимаю, что у меня с ней одинаковые руки. Прежде я никогда не замечала этого. Теперь же её руки стали уязвимыми и легкими, словно как у птицы, но сходство все еще есть. Такая же длинная ногтевая пластина, такое же расстояние между суставами, длина пальцев, такая же вена пересекающая нашу левую руку.

Все, что я должна сделать, чтобы найти маму, это просто посмотреть на свои руки.

Затем она глубоко и судорожно вздыхает и открывает глаза, и я забываю о том, что хочу в туалет.

Она смотрит на папу. Он тянется к ее свободной руке (другую я сжимаю изо всех сил) и целует ее запястье.

Она осматривается, не поворачивая головы, только своими большими голубыми глазами, но я не могу в действительности сказать, видит ли она кого-нибудь из нас. Ее губы двигаются.

- Красота, - мне показалось, что она сказала это.

Тогда я отвлеклась на минутку, потому что папа исчез. Прямо перед нашими глазами он просто исчез. Вот он сидит на кровати, держа маму за руку, а в следующий момент его нет.

Мне потребовалось пара секунд, чтобы понять, что мама тоже исчезла. Это произошло очень тихо, но я должна была заметить.

Мы все затаили дыхание. Мама вновь лежала на подушках, ее глаза были закрыты. Но она была не здесь. Ее грудь не двигалась. Ее сердце перестало биться. Ее тело здесь, но ее нет.

- Аминь, - сказала Билли.

Джеффри подпрыгнул. Звук удара стула о стену кажется невыносимо громким. Его лицо выглядит как маска, натянутые губы и нависшие над покрасневшими глазами брови. Единственная слеза скатилась по его щеке до подбородка. В ярости он покидает комнату.

Я слышала, как хлопнула входная дверь, когда он ушел. Его грузовик завелся и поехал вниз по дороге, разбрасывая гравий.

Что-то плавает в моей груди, но не звук, а страшная боль, которая заставляет меня думать, что мое сердце взорвется.

- Билли... - в отчаянии зову я.

Она здесь. Ее рука опускается на мое плечо.

- Просто дыши, Клара. Дыши.

Я сосредотачиваюсь на том, чтобы воздух входил и выходил из моих легких. Не знаю, как долго мы находимся в таком положении. Билли крепко вцепилась в мое плечо, причиняя боль, но от этого я чувствовала себя лучше, потому что в отличие от моей мамы я все еще в своем теле.

Секунды проходят. Минуты. Возможно часы. Я осознаю, что своими руками согреваю мамины. Если я расцеплю их, они станут холодными, и тогда я больше не возьму ее за руку.

Снаружи небо становится серым. Мелко моросящий дождик падает на крышу дома. Словно чувствует, что сейчас подходящее для него время. Это кажется правильным.

Я смотрю на Билли.

- Это ты? - я поворачиваю голову в сторону окна.

Она улыбается своей странной улыбкой.

- Да. Я знаю, с человеческой точки зрения это глупо, но я ничего не могу с этим поделать.

- Я не хочу ее отпускать. - Одно из тех предложений, что эхом проносится в моей голове вместе со звуком своего обрывающегося и прерывающегося голоса.

- Я знаю, малышка, - говорит Билли своим скрипучим голосом. - Но ты уже не держишь ее сейчас. Ты знаешь, что ее больше нет.

Сначала телефон звонит тихо каждые несколько минут, затем начались звонки в дверь, и начали приходить люди. поначалу я чувствую себя под принуждением, мне кажется, что встречать их мой долг, словно я единственный член семьи, который находится неподалеку, словно я ребенок матери, который позволит им войти и лично поблагодарит за еду и сочувствие. Они должны были предупредить о еде.

Когда случаются подобного рода вещи, когда умирает кто-то, кого ты любишь, люди приносят еду. Итак, содержимое холодильника Гарднер: одна огромная лазанья, три отдельных и одинаково отвратительных макаронных салата, два фруктовых салата, один вишневый пирог, два яблочных и яблочные чипсы, одно ведро холодной жареной курицы, одна кастрюля с неизвестным содержимым, один салат из шпината, клюквы и грецкого орех, который идет в комплекте с сыром покрытым плесенью, и мясной хлеб. Полки нашего бедного холодильника прогибаются под весом всего этого.

Вот еще одна вещь, о которой не предупреждают заранее: люди принесут достаточно еды, чтобы прокормить целый детский дом в Китае, но ты не будешь голоден.

Начинает казаться, что каждый человек уничтожает часть меня, когда говорит: «Мне очень даль, Клара. Если тебе что-нибудь понадобится, не стесняйся, звони».

- Она внезапно стала очень благосклонной, не так ли? - бормочет Билли после ухода Джулии - да, она была тем самым полнокровным ангелом, который продолжал задавать вопросы на последнем заседании общины, и да, именно она оставила один их тех макаронных салатов и глубокие соболезнования.

- Да, меня так и подмывало сказать, что Семьязя прячется в лесу. - Темные глаза Билли расширились. - Он там?

Я покачала головой.

- Нет. Полагаю, что когда папа кого-то изгоняет, то он не может вернуться назад. Мне просто хотелось заставить ее слегка поволноваться.

- Правильно. Хотя ты должна была рассказать ей, тогда, возможно, мы бы могли увидеть, как быстро она летает.

Мы улыбнулись. Сейчас только так мы можем шутить. Здесь, внутри меня, в моей груди, все еще существует открытое бушующее отверстие. Я ловлю себя на том, что прикасаюсь к тому месту прямо в центре своей груди, где образовалось дыра такого размера, куда я спокойно смогла бы запихнуть свой кулак.

Билли смотрит на меня.

- Почему бы тебе не пойти наверх? Ты не должна быть здесь ради всех этих людей. Я позабочусь об этом.

- Хорошо. - Хотя я не знаю, что собираюсь делать наверху.

Когда я поднимаюсь в свою комнату, то обнаруживаю там Кристиана, сидящего на подоконнике. То, что происходит со мной, может показаться странным для посетителей, но мне все равно. Боль превращается в уродливую пустоту, что в какой-то мере даже еще хуже обычной боли. Но по крайней мере я не могу чувствовать эмоций Кристиана по ту сторону окна, или прочесть его воспоминания о нашем поцелуе.

- Когда ты здесь оказался? - мысленно спрашиваю я его.

- Рано. Около девяти.

Я не чувствую собственного удивления. Моя мама умерла за несколько минут до десяти.

- Я говорил, что буду здесь, - сказал он. - Хотя ты можешь игнорировать меня. Делать все, что ты хочешь.

- Я хочу вздремнуть.

- Хорошо. Я буду здесь.

Я ложусь поверх покрывала, не разбирая постели. Отворачиваюсь к стене. Кристиан не смотрит на меня сейчас, но все же.

Думаю, я должна заплакать. Я ведь еще не плакала. Почему я до сих пор не плакала? В течение месяцев я плакала из-за всякой незначительной мелочи (хнык-хнык, бедная я), а сегодня, в день, когда моя мама действительно умерла, ничего. Ни одной слезинки.

Джефффри плакал. Билли использовала целое небо для своих слез. Но не я. Со мной просто боль.

Я закрыла глаза. Когда я их вновь открыла, увидела, что прошло два часа, хотя я не почувствовала, что спала. Солнце опустилось на небе.

Кристиан все еще на крыше

У меня появляется непреодолимое желание позвать его, чтобы он пришел и лег рядом со мной. Как и прежде, в ту самую ночь, когда я узнала об этом чертовом правиле ста двадцати лет. Только на этот раз я не хотела бы, чтобы он меня трогал или разговаривал со мной. Но возможно, если он будет рядом со мной, я смогу что-нибудь почувствовать. Может быть, я смогу заплакать, и боль уйдет.

Кристиан поворачивает голову и находит меня глазами. Он может слышать меня.

Но я не могу попросить его войти.

Был уже поздний вечер, когда Кристиан без слов встает и улетает.

Затем раздается легкий стук в дверь, и Такер просовывает голову.

- Привет.

Я вскакиваю с кровати и бросаюсь в его объятия. Он притягивает меня ближе, прижимая мою голову к своей груди, и что-то говорит в мои волосы, но я не слышу.

Почему я не могу заплакать?

Он отстраняется.

- Я приехал сразу же, как только узнал.

Я бы позвонила Такеру после всего случившегося, конечно, но он был в школе, и у меня не было сил и желания искать его и заставлять приезжать.

- В школе все знают?

- Большинство. Ты в порядке?

Я не знаю, что ответить ему.

- Я спала.

Отцепив свои руки от него, я подошла к кровати и села. Так трудно смотреть на него, когда он пристально смотрит мне в лицо, пытаюсь поймать мой взгляд глазами. Я теребила в руках уголок одеяла.

Такер казался растерянным, чтобы хоть что-то сказать, поэтому он просто осмотрел мою комнату.

- Я никогда не был здесь раньше, - произнес он. - Здесь мило. Тебе подходит. - Он прочистил горло. - Венди внизу, мы привезли пирог с шоколадным кремом и жареную курицу с зелеными бобами, но моя мама хотела отправить еще больше.

- Спасибо, - говорю я.

- Это вкусный пирог. Хочешь, чтобы я пригласил Венди?

- Пока нет, - я посмела взглянуть на него. - Не мог бы ты просто... взять меня за руку, на некоторое время? - Он смотрит на меня с облегчением. Наконец появилось что-то, что он может сделать. Он падает на кровать позади меня, и я растягиваюсь. Мы целуемся, его рука лежит на моем бедре.

Я ничего не чувствую. Я ни о чем не думаю. Я просто дышу. Вдох и выдох. Вдох и выдох.

Такер гладит меня по волосам. Такой нежный жест. Это также могло означать, словно он шепчет *«Я тебя люблю»*.

- *Я тоже тебя люблю*, - сказала я ему, хотя думаю, что он меня не услышит.

Но я не чувствую любви. Я сказала это, потому что знаю, что это правда, но я не чувствую этого. Я слишком онемела для этого. Думаю, я не заслуживаю его любовь. Даже сейчас, тот момент с Кристианом на кладбище кажется темным облаком, засевшем в моем сознании.

Проходит три дня. Хотя это не то, что вы ожидаете. Вы думаете, сначала смерть, затем похороны, могила и все такое. Все закончено. Но между смертью и похоронами есть миллион небольших событий, о которых никто никогда не думает. Написание некролога. Выбор цветов. Выбор одежды для мамы в гробу и для меня на ее похоронах, что для меня не просто: черное платье, мамины туфли, ее серебряный браслет. Я даже сказала Джеффри, что галстук, который он должен надеть, должен быть с серебряными полосками, но стоило мне сказать это, как он подарил мне холодный взгляд и сказал, что собирается надеть черный.

Я не знаю, что он имеет в виду. Это словно мой фиолетовый вельветовый пиджак со дня пожара.

Может ли баланс Вселенной зависеть от цвета галстука?

Такер пропускает школу в первый день, чтобы остаться со мной. В основном это проявляется в том, что он сидит в кресле рядом с моим и нечего не делает, пытаюсь поговорить со мной, иногда спрашивая меня, не нужно ли мне что-нибудь, и я почти всегда говорю «нет» до самой поздней ночи, когда я сказала: «Не мог бы ты пойти домой?».

- Не обижайся, но я хочу побыть одна прямо сейчас. - Это правда. Я хочу побыть одна. Но также я не хочу находиться прямо сейчас рядом с Такером, потому что есть одна вещь, большая вещь, которую я ему не рассказала, и пока не хочу даже думать об этом.

Он сказал, что да, конечно, он понимает, но я вижу, что он обиделся. Мне не нужна моя эмпатия, чтобы увидеть боль на его лице.

Каждый день я чувствую присутствие Кристиана где-то рядом. Не пытающегося поговорить со мной. Не давящего на меня. Просто рядом. Он позволяет мне быть одной, но он также здесь, на окраине, на случай, если мне не захочется быть одной.

Как он понимает все это? Он был ребенком, когда его мама умерла, но все же он понимает. Думаю, для всех это одинаково, или Кристиан в такой гармонии со мной, что понимает, что мне нужно, на каком-то другом уровне?

На третий день Такер противостоит мне, и не просто противостоит, а пожалуйста-позволь-мне-помочь-почему-ты-не-позволяешь-помочь-тебе. Я лежу в кровати, не сплю, но и нечего не делаю, и он внезапно заходит мою комнату.

- Я хочу быть здесь с тобой, - произнес он, не говоря ни приветствия, ни чего-либо еще. - Это так просто. - Мои глаза переметнулись к окну. Кристиана нет.

- Хорошо.

- Но ты не позволяешь мне. Ты не позволяешь мне, Клара. Ты отталкиваешь меня. Ты не рассказываешь о своих чувствах.

- Я ничего не чувствую, - сказала я ему. - Я не хочу отталкивать тебя. - Но, правда в том, что я отталкиваю его.

Он не примет этого.

- Ты отталкивала меня месяцами. Ты не рассказывала мне о многих вещах, например о том плохом ангеле. Ты знаешь, все еще жду, что ты мне расскажешь о том парне, но ты ничего не говоришь. Ты думаешь, я не смогу с этим справиться.

- Такер.

- Почему в последнее время у меня чувство, что ты просто выжидаешь время со мной? Что ты собираешься все это прекратить.

- Моя мама умерла, - огрызаюсь я, садясь. - Я, правда, даже не задумываюсь о чем-либо еще. - Он покачал головой.

- Почему ты не рассказываешь мне? Почему ты думаешь, что я не смогу справиться с этим? Разве я не справился со всем, когда ты бросила меня?

- Хорошо, - знаю, что должна звучать рассерженно, но это не так. Я устала. Устала скрывать вещи, устала быть той, кого хотят видеть люди, устала быть девочкой, чья мама умерла и что вокруг меня ходят на цыпочках. В какой-то мере разговор Такера в таком тоне для меня облегчение. По крайней мере, он больше не ходит на цыпочках.

Такер ждет.

- Что ты хочешь знать?

- Все, - просто отвечает он.

- Хорошо. Давай начнем. Некоторое время я думала, что ты умираешь. У меня были видения о кладбище Аспен-Хилл, о том, что там кто-то умер, а тебя не было в моем видении, так что я подумала, что это был ты. Я не хотела рассказывать тебе, потому что если бы я ошиблась, то как бы ты себя чувствовал из-за всего этого. Но в итоге оказалось, что я неправа. Так что я рада, что ничего тебе не сказала.

- Но ты сказала Кристиану, - произнес он.

- Да. Он может читать мои мысли, поэтому он знает об этом.

- Ха, - говорит он, но я могу сказать, что он очень несчастен из-за идеи слияния моего сознания и сознания Кристиана.

- И я могу читать чувства людей. Иногда чувства, иногда мысли, а иногда и то, и другое сразу. Но в основном - чувства.

Становится лучше, после исповеди. Я чувствую что-то.

- Конечно, это еще не все. - Он моргает, пораженный.

- Хорошо, черт возьми.

Забавно, что он должен сформулировать это таким образом, когда то, что я скажу дальше словно пуля, летящая со скоростью света из моего рта в его сердце. Не знаю, почему я делаю это. Я только знаю, что не хочу, чтобы между нами был обман. Это противоречит моей натуре.

- Мое предназначение еще не закончилось. Я не знаю в чем именно оно заключается, но я знаю, что она включают в себя Кристиана. Это словно мы с ним две стороны одной монеты. Я не... люблю его так, как я люблю тебя, но мы одинаковые, он и я. Мы делаем друг друга сильнее. - Голубые глаза Такера становятся цвета грозových туч. Он смотрит на меня. Он не хочет знать следующую часть.

Но я расскажу ему в любом случае. Потому что часть меня понимает, что я так сильно его люблю, что готова ухватиться за него и никогда не отпускать, но ему будет лучше без меня, безопасней, подальше от моего безумного мира ангелов, падших и таинственных обязанностей, которые будут появляться всю мою жизнь. Ему будет счастливей без моей лжи и тайн. Знаю, что говоря сейчас правду и, особенно, следующую её часть, я, вероятно, разрушу наши отношения. Знаю, как сильно я не хочу этого, но думаю, что это единственный путь, чтобы гарантировать, что я не струшу.

Итак, начнем.

- Я поцеловала Кристиана, - мой голос сломался на его имени. - Ну, на самом деле, он поцеловал меня. Но я позволила это ему. Он сказал, что это часть его предназначения, и я позволила ему. Потому что мы связаны. Потому что в моем сне, когда моя мама умерла, когда мы были на кладбище, именно он держал меня за руку, утешая и поддерживая. Потому что тебя там не было.

Выражение лица Такера напоминало камень. Мускулы спины напряглись.

- Когда? - спрашивает он хрипло. - Когда он...

- За два дня до маминой смерти...

Он остановился.

- Я должен идти.

- Такер.

Он закрывает глаза. Его кулаки сжимаются, а затем расслабляются. Когда он вновь открывает глаза, я вижу намек на слезы. Он делает прерывистый выдох.

- Я должен идти. - Что я наделала? Подумала я с изумлением. Я иду за ним из спальни, вниз по лестнице.

- Мне очень жаль, Так, - говорю я. Как будто это сможет что-нибудь исправить.

Мои слова не волнуют его. Он проходит мимо группы сочувствующих в гостиной, мимо Венди и Анжелы, сидящих вместе на диване.

- Венди, пошли.

Она вскакивает.

- Так, - вновь позвала я. Но затем остановилась. Я решаю отпустить его, даже если он никогда вновь не заговорит со мной. Боль в моей груди увеличилась, заставляя чувствовать отдышку. Я прислонилась к стене гостиной и беспомощно смотрела, как Такер почти выбегает из моего дома.

Он останавливается около своей машины и ищет в кармане ключи. Венди догоняет его, хватает за руку и что-то говорит, кивая головой в сторону дома. Он кивает. Затем он оборачивается и видит Кристиана на крыльце. Все замедляется.

- Ты. - Он отталкивает Венди и делает несколько медленных шагов к дому.

- Такер, - тихо сказал Кристиан.

- Что ты за человек такой? - Такер практически рычит, наступая на него. Он игнорирует Венди, когда та умоляет вернуться домой. - Выжидаешь, когда она станет наиболее уязвимой, чтобы сделать свой ход?

- Это то, что она сказала тебе? - спросил Кристиан, не угрожая, но и не отступая ни на йоту.

Я хочу, чтобы это прекратилось прежде, чем кто-либо пострадает. Меня не покидает чувство, что кто-то может действительно пострадать сейчас. Но как только я делаю шаг к двери, Анжела хватается за руку.

- Не надо, - говорит она. - Ты сделаешь еще хуже.

- Она сказала, что ты целовал ее, - сказал Такер.

- Да.

- Для тебя не имеет значения, что у нее есть парень? Что она любит меня? - Такер приблизился к Кристиану, поднявшись на крыльцо. Он остановился в паре футов от Кристиана и встал, сжав руки в кулаки, ожидая, когда оправдание Кристиана позволит ему ударить его.

Я не могу увидеть лицо Кристиана из этого положения. Он стоит спиной ко мне. Но каким-то образом я знаю, что его лицо беспристрастно, глаза, как холодные зеленые изумруды, неестественно блестящие на свету.

В его голосе нет никакого тепла, когда он произносит:

- Ты мне всегда нравился, Такер. Я думаю, ты порядочный парень.

Такер смеется.

- Но что, я не достоин ее? Она не в моей лиге, просто потому что...

- Она и я принадлежим друг другу, - перебил Кристиан.

- Точно. Из-за твоего предназначения, - сказал Такер, понизив голос.

Кристиан оглядывается раздраженно из-за того, что Такер знает это слово, что он осмелился его сказать здесь, перед всеми людьми.

- Это и около сотни других причин, ни одну из которых ты не способен понять, - говорит он.

- Ты самодовольный ублюдок. – И затем Такер бьет его. Прямо в лицо. Голова Кристиана откидывается назад, и потоки крови мгновенно начинают течь из носа. Он вытирает ее и смотрит на пальцы. Вполне возможно, он никогда прежде не видел свою кровь. Его глаза сужаются. Он вытирает руки о джинсы. Затем крыльцо взрывается шквалом движений: люди пытаются выйти, женщины визжат, кулаки летают. Я вырываю свою руку у Анжелы как раз вовремя, чтобы увидеть, как Такер толкает Кристиана спиной к стене дома так сильно, что в переднем окне трескается стекло. Я смотрю, как темные брови Кристиана хмурятся, подлинная ярость растет, вот-вот она вырвется на свободу. Он кладет руку Такеру на грудь и отталкивает его, ломая периллы крыльца с отвратительным хрустом, когда тот летит обратно на дорогу. Гравий разлетается во все стороны. Такер вскакивает на ноги, вытирая кровь с подбородка, волосы растрепаны, глаза горят голубым огнем.

- Давай, красавчик, - насмехается он. - Покажи мне, на что ты способен.

- Прекратите! - закричала я.

Кристиан перепрыгивает через сломанные перила так легко, что почти кажется, будто он плывет. По сравнению с Такером у него тонкий стан, а не мышцы икр и торса заработанные ежедневным трудом, не мужество сельского парня из Вайоминга, но я знаю, что он невероятно сильный.

Такер размахивается, и Кристиан увертывается. Он наносит удар в сторону Такера, вновь отправляя его в грязь. Такер кричит, поднимается, чтобы вновь напасть на Кристиана.

- Остановитесь! - кричала я.

Никто из них не обращает внимания. Такер наносит еще один удар, почти попадая в живот Кристиана, но Кристиан отходит за момент до удара. Такер издает звук разочарования, когда Кристиан вновь бьет его, на этот раз в челюсть.

Это не справедливо. Нет никакого способа, чтобы Такер выиграл этот бой. Кристиан всегда будет быстрее, сильнее, и удары у него будут лучше.

- *Пожалуйста*, - посылаю я мысленно Кристиану, используя всю свою силу, чтобы эти слова появились в его сознании. - *Если тебе не все равно на меня, остановись*.

Он колеблется.

Я спотыкаюсь на лестнице, спускаясь к ним с крыльца. Я больше не думаю. Мне нужно встать между ними.

- Кристиан, прекрати причинять ему боль, - говорю я вслух.

Это останавливает их обоих. Такер смотрит на меня обиженным недоверчивым взглядом. Как я могла подумать, что он будет избит этим высокомерным-городским-ребенком, независимо от того, какая кровь течет в его жилах? Его губы искривились в отвращении. Его глаза говорили: «Ты не веришь в меня. Почему ты не веришь в меня?»

В то же время Кристиан опускает кулаки, поворачиваясь ко мне с выражением обиды на лице.

- *Я не собирался причинять ему боль*, - сказал он в моей голове. - *Ты думаешь, я мог бы использовать мою силу для этого?*

У меня нет ответа ни одному из них.

- Хорошо, этого достаточно! - раздается голос. Билли спускается вниз по ступенькам. Она встает рядом со мной и смотрит на Кристиана и Такера.

- Что вы здесь творите, словно лоси в брачный период? Сейчас время траура. Вам должно быть стыдно.

- Мне пора, - говорит Такер. Он снова не смотрит на меня. Ему должно быть очень больно, но он держит голову высоко, спину прямо, когда идет к своей машине. Через его плечо Венди стреляет в меня взглядом наполовину убийственным, наполовину сожалеющим. Она садится на водительское место. Я могу видеть, что она что-то говорит, возможно, даже кричит на Такера, когда они уезжают.

Кристиан вытирает кровь с лица. Его нос перестал кровоточить, но кровь там еще есть.

- Мой дядя убьет меня, - говорит он.

- Он может встать в очередь, - ответила я.

Он удивленно смотрит на меня. - *Клара, я...*

- *Не смей говорить, что тебе жаль. Просто уходи.*

- *Я только...*

- Уходи, - вновь посылаю я. - *Я хочу, чтобы ты ушел, Кристиан. Я не хочу, чтобы ты был здесь. Ты мне не нужен.*

Он сглатывает, засовывает руки в карманы и смотрит на меня тяжелым взглядом. Он верит мне.

- Убирайся отсюда, - говорю я вслух.

Он разворачивается и уходит в лес, где тени протянулись через деревья.

- Девушка, у тебя есть талант к притягиванию неприятностей, - сказала Билли, кладя руку мне на плечо.

Мне ли не знать.

После наступления темноты все люди идут домой. Дом остается удручающе пустым. Джеффри приходит домой оттуда, куда он исчезает каждый день, и уходит в свою комнату, не сказав ни слова. Я иду к двери маминого кабинета и открываю ее. Часть меня ожидает увидеть ее там, сгорбившуюся над компьютеров и пишущую код. Она бы посмотрела вверх и улыбнулась.

- Тяжелый день, милая? - сказала бы она.

Я сглатываю. Стараюсь напомнить себе, что она на небесах. Но я не могу представить это. Не могу почувствовать это.

Все, что я знаю, что она ушла и никогда не вернется.

В ту ночь я не могла уснуть. Я даже не уверена в том, чего хочу. Просто смотрю в потолок и наблюдаю за тенью на нем, очертаниями листьев на дереве за моим окном, которые двигаются взад и вперед.

Около полуночи начинает звонить телефон. Я жду, что кто-нибудь ответит на него, но никто этого не делает. Где Билли? Интересно. Когда папа вернется?

Телефон продолжает звонить своей одинокой песней. Я иду на кухню, снимаю трубку и смотрю на определившийся номер.

«КЛАРА» написано на нем.

Ха?

Мне звонит мой собственный телефон.

Я нажимаю «ОТВЕТИТЬ». Наконец я окончательно просыпаюсь.

- Алло?

Тишина.

- Алло? - говорю я после нескольких секунд молчания на той стороне линии.

- Привет, маленькая птичка.

Пожалуй, это самая странная вещь - услышать голос Семьяязы, не ощущая при этом горя. Почти как обычно беседовать с абсолютно обычным человеком, когда не нужно опасаться за свою жизнь и интересоваться, собираюсь ли я быть втянутой в ад. Странно, как я и сказала.

- Что ты хочешь? - спрашиваю я его.

Тишина.

- Ну, было приятно поболтать с тобой, но мне пора... - я начинаю класть телефон обратно. - Я должна похоронить мою маму завтра утром.

- Что? - говорит он. Его голос звучит по-настоящему потрясенным.

Он не знает.

- Пожалуйста, - говорит он через минуту с реальным отчаянием в голосе. - Что произошло?

- Ты знаешь о правиле сто двадцати лет, не так ли?

- Именно столько ей и было? Я знал, что он близка к смерти, но... мне сложно отслеживать человеческое время. Когда это произошло?

- Три дня назад. - Я чувствую вспышку гнева, хотя чувствую себя хорошо. Никаких эмоций, кроме грусти. - Итак, теперь ты не в состоянии снова причинить ей боль. - И вновь тишина. Думаю, возможно, он повесил трубку. Но затем он говорит:

- Я не чувствовал ее уход. Я должен был почувствовать его.

- Может быть, вы не были связаны, как ты думал.

- О, Мэг, - сказал он.

Вот тогда у меня и сорвало предохранитель. Мне кажется, у него нет права горевать. Он плохой парень. Он пытался убить ее. Он хотел привести ее в ад вместе с ним, не так ли? Он не заслуживает моей жалости.

- Когда ты, наконец, изменишься? - спросила я с яростью. - Мою маму зовут не Мэг. Что бы ни было у тебя с ней, что бы ни было между вами, это было очень давно. Она не любит тебя. Никогда не

любила. Она всегда, с самого начала, была предназначена для кого-то другого. И нельзя ничего поделать с этим, потому что сейчас она мертва. - Слова повисли в воздухе. Я ощущаю чье-то присутствие позади меня. Билли. Она ловит меня за плечи и поддерживает в то время, как я даже не представляю, что пошатываюсь и готова упасть. Она забирает из моих рук телефон и ставит его на место.

- Ну, теперь мы знаем, почему он будет злиться на *тебя* завтра на кладбище, - говорит она, качая головой. - Я чувствовала бы себя намного лучше, если бы ты не находилась рядом с Черным Крылом. - Затем, даже без моей просьбы, она ведет меня обратно в спальню и ложится рядом со мной в темноте, поет песню, которая похожа на завывания ветра снаружи, прям как тогда, когда я была ребенком. И она держит мою руку, пока я не засыпаю.

ГЛАВА 20. ЛЮБИМЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

(Переводчик: Наталья Цветева; Редактор: [unreal])

Мои сны не подготовили меня ко многому. Я не была готова увидеть ее тело таким неподвижным, будто восковым, лежащим в гробу. На ней слишком много косметики. Мама очень редко пользовалась чем-либо, кроме туши и блеска для губ. В гробу она похожа на разукрашенную куколку. Прекрасная. Умиротворенная. Но не она, понимаете? Мне тяжело видеть ее такой, но так же невозможно отвести взгляд.

Или к потоку людей, которые пришли посмотреть на нее, и им хочется поговорить со мной. Это как извращенная свадебная церемония. Сначала увидеть тело. Попрощаться. Теперь поздороваться с семьей. Все они думают, что мама умерла от рака, поэтому все время говорят о боли. - Она больше не страдает от боли, - говорят мне, похлопывая по руке. - Ей уже не больно. - Это хотя бы правда.

Или сами похороны. В церкви. Сидеть с Джеффри и Билли на передней скамье, в нескольких футах от гроба. Отца все еще не видно, и часть меня чувствует себя обманутой из-за этого. Он должен быть здесь, думаю я. Но я знаю, что он в лучшем мире, совершенно буквально. С мамой.

- Он с мамой, да? - спросила я Билли, когда утром она собирала мне волосы в длинную опрятную косу, которая каким-то чудом продержалась весь день. - Он все время с ней?

- Думаю, да. Похороны не очень подходят ангелам, детка. Если бы твой отец пришел, он бы выбил всех из колеи. Так что ему лучше держаться оттуда подальше. К тому же, он хочет быть с твоей мамой, помочь ей с переходом.

Такер пришел в церковь. Он подходит ко мне после службы, стоит напротив с руками, сложенными вместе, смотрит потерянно. Я разглядываю его синяк, порез на щеке, сбитые костяшки пальцев.

- Я здесь, - говорит он. - Ты ошибалась. Я здесь.

- Спасибо, - говорю я. - Но не приходи на кладбище. Пожалуйста, Такер, не приходи. Там будет Семъйяз, а он ужасно зол, и я не хочу, чтобы он навредил тебе.

- Я хочу быть там, - протестует он.

- Но ты не пойдешь. Потому что я прошу тебя не приходить, - шепчу я. Я бы сказала Венди то же самое, попросила ее не приходить на кладбище, но знаю, что она не будет даже слушать.

Потому что во всех моих видениях она была там.

- Пожалуйста, - говорю я Такеру. - Не приходи.

Он медлит, затем кивает головой и покидает церковь.

И наконец-то, после дня, который казался самым длинным из всех, словно он и правда мог тянуться тысячу лет, я выбираюсь из машины на кладбище Аспен-Хилл. Я моргаю от солнца. Глубоко вдыхаю. И иду.

Я думала, что знала, как пройдет этот день, день, который к своему закату увидит меня, стоящей в черном платье на траве кладбища Аспен-Хилл. Я видела это так много раз. Но в этот раз, в этот настоящий раз, это не кажется тем же самым. Сейчас я Клара из будущего. В центре груди болит так сильно, что мне хочется вырезать сердце и бросить его прямо в сорняки. Но я терплю. И иду. Потому что у меня нет выбора, кроме как переставлять ноги, одну за другой.

Я вижу перед собой Джеффри, зову его по имени.

- Давай просто пройдем через это, - говорит он.

В конце концов, какая разница, какого цвета на нем галстук.

Здесь все. Все собрание, каждый из них, даже леди Джулия. Никто не струсил.

Забавно, что пророчество оказалось таким самодополняющимся. Я сходила с ума, пытаюсь понять, почему нет Такера. Думала, что он мертв. Думала, что на земле не существует такой силы, что не дала бы ему прийти. А в итоге, его здесь нет, потому что я об этом попросила.

Вот это я называю иронией.

Боль переполняет меня. Вот оно. Время, что было мне предназначено. Время быть сильной, и я должна пройти через это без Такера. Становится так плохо, что трудно дышать. Я останавливаюсь, чтобы перевести дух.

Кто-то берет меня за руку. Кристиан, я знаю, что это должен быть он. Я бросаю на него взгляд, на его элегантный черный костюм, жатую белую рубашку, серебристый галстук. Его глаза с золотыми вспышками покраснели, словно он тоже плакал. В них все вопросы и ответы.

И я понимаю, что вот он – момент истины, именно об этом все время предупреждало меня видение. Я могу отстраниться, вырвать свою руку из его, снова сказать ему, что он мне не нужен.

Я могу сохранить свою злость, свое разочарование от этого безнадежного выбора. Или могу принять его. Я могла бы принять то, что происходит между нами и двигаться вперед. Это слишком сложное решение, чтобы требовать от меня принять его прямо сейчас. Это не честно. Но все это никогда не было честным, это полный провал, с самого начала и до конца.

Дело в том, что он, держа меня за руку, прикасаясь к коже, уменьшает боль в груди.

Словно у него есть способность снимать боль. Рядом с ним я чувствую себя намного лучше. Сильнее.

И ему хочется забрать мою боль. Ему хочется быть здесь ради меня.

Я вижу это в его глазах. Для него я больше, чем обязанность. Я больше, чем девочка из снов. Я гораздо больше.

Я вспоминаю то ноябрьское утро, на кухне в Калифорнии, когда я впервые увидела его стоящим между деревьев, ждущим меня. Мое сердце стучит, рот открывается, чтобы позвать его по имени, хоть я пока его и не знаю, то непреодолимое желание пойти к нему, вздымающееся во мне.

Все это, словно фильм, проходит через мой мозг, каждая секунда, проведенная с ним с тех пор: он, несущий меня к медсестре, в мой первый день в школе, урок истории мистера Эриксона, «Пицца Хат». Мы вместе в подъемнике. Выпускной. А вот мы сидим на переднем крыльце и любимся звездами. Он, выходящий из-за деревьев в вечер пожара. Каждый вечер, который он провел на моем карнизе, луг, лыжный холм, это кладбище, на котором он поцеловал меня, каждый момент, что был между нами, я чувствовала эту силу, толкающую меня к нему. Я слышала этот голос, шепчущий в моей голове.

- Мы принадлежим друг другу.

Я выдыхаю и понимаю, что стояла затаив дыхание. Я опускаю глаза вниз, на наши соединенные руки.

Его большой палец медленно поглаживает костяшки моих пальцев. Я поднимаю взгляд на его лицо. Слышал ли он трепет моего сердца? Читал ли мои мысли?

- Ты сможешь, - говорит он. Не знаю, говорит ли он о маме или о чем-то еще.

Может, это и не важно.

Я встречаюсь с ним взглядом, сжимаю руку в его руке.

- Надо идти, - говорю я. *- Люди ждут.*

И мы продолжаем идти. Вместе.

Я ожидаю увидеть людей, стоящих вокруг зияющей в земле ямы, гроб с мамой, установленный сверху, но шок от этой картины все перекрывает. Я знаю слова, которые скажет Стивен. Я ожидаю почувствовать присутствие Семъяйзы. Но я не знала, что в тот момент мне будет его жаль.

Я не планировала идти за ним, после того, как молитвы были произнесены, а гроб опущен в землю и засыпан, после того, как толпа рассосалась, оставляя меня, Джеффри, Кристиана и Билли стоять в одиночестве. Я чувствую Семъяйзу, его горе, не то горе, которое шло с самого начала – от оторванности от Бога и противостояния своей ангельской сущности, а от окончательного осознания того, что он навсегда потерял мою маму. И я очень четко понимаю, что делать.

Я отпускаю руку Кристиана. И иду к забору у края кладбища.

-Клара? – Встревожено зовет Кристиан.

- Оставайся здесь. Все в порядке. Я не выйду с освященной земли.

Я зову Семъяйзу.

Он встречается со мной у забора. Он поднимается по холму в теле собаки, затем преобразуется, и безмолвно стоит по другую сторону ограды с печалью в его янтарных глазах. Он не может плакать – это не предусмотрено его анатомией. Он ненавидит, что ему не было дано право на слезы.

Ужасно быть просто злым. Наконец, я выхожу за пределы сознания.

- Вот, - говорю я.

Я неловко снимаю браслет с запястья, мамин старый браслет с подвесками. Я просовываю его через дыру в заборе.

Он смотрит на меня с вытянувшимся от изумления лицом.

- Возьми его, - подбадриваю я.

Он протягивает руку, осторожно, чтобы не касаться меня. Я опускаю в нее браслет. Тот звякает при соприкосновении. Семейяза смыкает пальцы вокруг него.

- Это я ей его подарил, - говорит он. – Откуда ты...?

- Я не знала. Я просто действовала по наитию.

Затем я отворачиваюсь и, не глядя назад, возвращаюсь к своей семье.

- Детка, у меня чуть инфаркт не случился, - говорит Билли.

- Пошли, - говорю я. – Хочу домой.

Когда мы отъезжаем, Семейяза все еще стоит там, словно окаменелый мраморный ангел на кладбище.

Чего я действительно не ожидала по возвращении домой – так это полицейских.

- Что случилось? – спрашивает Билли, когда мы выбираемся из машины и с глупым видом таращимся на полицейскую машину, припаркованную на подъездной дорожке, два офицера прогуливаются вокруг дома.

- Нам нужно поговорить с Джеффри Гарднер, - говорит один из них. Он смотрит на Джеффри. – Это ты?

Джеффри бледнеет.

Билли же просто воплощение спокойствия.

- По поводу чего? – она ставит руки на бедра и пристально смотрит на них.

- Мы хотим знать, что ему известно о пожаре в Полисайдс в прошлом августе. У нас есть основания полагать, что он мог быть в этом замешан.

- Нам бы так же хотелось немного осмотреться, если вы не против, - говорит другой полицейский.

Билли говорит деловым тоном: - У вас есть ордер?

Под ее пристальным взглядом офицер краснеет. – Нет, мэм.

- Понятно. Я – опекун Джеффри. Он только что был на похоронах своей матери. Ваши вопросы могут подождать. Доброго вечера, джентльмены. – Затем она берет меня за плечо одной рукой, Джеффри другой, и ведет в дом. Дверь захлопывается позади нас. Она переводит дыхание.

- Так, это может стать проблемой, - говорит она, изучающее глядя на Джеффри.

Он пожимает плечами. – Пусть допрашивают. Мне все равно. Я скажу им, что это сделал я.

- Ты что? – Но часть меня не удивлена. Часть меня что-то подозревала с того момента, когда тем вечером я увидела его летящим со стороны леса. Часть меня знала.

- Это было моим предназначением, - говорит он. – Мне снилось это с тех пор, как мы переехали в Вайоминг. Я должен был начать пожар.

Билли хмурится. – Вот видишь, это проблема. Сегодня вечером оба оставайтесь дома, хорошо? Мне надо сделать пару звонков.

- Кому? У собрания есть свои адвокаты? – с сарказмом спрашивает Джеффри.

Билли смотрит на него без капли юмора в ее обычно веселых темных глазах. – Да, так и есть.

- У нас и бухгалтер есть?

- Митч Хэммонд.

- Все равно, - говорит Джеффри. В его лице не осталось и следа той уязвимости, того намека на маленького мальчика, который хочет к маме, которые я видела утром. Все это полностью исчезло. – Я буду у себя. – И он уходит в свою комнату. Билли удаляется в мамин кабинет и закрывает дверь, оставляя меня в одиночестве. Снова.

Я жду несколько минут, пока от тишины дома не начинает гудеть в голове. Затем я раздражаюсь и иду в комнату к Джеффри. Он не отзывается, когда я стучу. Я просовываю голову внутрь, просто чтобы убедиться, что он не сбежал через окно.

Он здесь, перебирает вещи в шкафу. Он останавливается и выжидательно смотрит на меня.

Я вздыхаю. – Знаешь, нам обоим могло бы быть проще, если бы ты перестал меня ненавидеть хотя бы минут на десять.

- Это твой сестринский совет?

- Да. Я старше и мудрее. Так что тебе следовало бы прислушаться.

- *И мама хотела, чтобы мы поддерживали друг друга*, - я не осмеливаюсь сказать это вслух.

Он фыркает и возвращается к подборанию носку пары.

- Что ты делаешь? – спрашиваю я.

- Собираю спортивную сумку на эту неделю.

- Ааа.

- Я занят, поняла?

- Джеффри... - я сбрасываю гору грязной одежды со стула и сажусь на него. – Чем я заслужила то, что ты меня так ненавидишь?

Он останавливается. – Ты знаешь, что сделала.

- Нет. То есть, да, думаю, в прошлом году я была достаточно эгоистична, заиклена на своем предназначении и все такое. Я не думала о тебе.

- Ой, и правда, - говорит он.

- Прости меня. Если я игнорировала тебя, или из-за меня ты не получал достаточно внимания, потому что я была так сосредоточена на своем предназначении. Я не знала о твоём, клянусь. Но, может, ты сможешь и меня простить?

Он недоверчиво поворачивается ко мне.

- Зачем? – требовательно спрашивает он.

- Знаешь...

- Нет. Вот ты мне и скажи. – Внезапно он срывает галстук и швыряет его на кровать.

- Ты начал пожар!

- Да, я скорее всего отправлюсь в колонию для малолетних преступников. Такие вообще есть в Вайоминге?

- Джеффри...

Но теперь, открыв рот, он не собирается останавливаться. – А что, это очень удобно для тебя. Потому что теперь ты сможешь обвинять меня. Если бы я не начал тот пожар, Такер был бы в безопасности, и та часть с Кристианом прошла бы гладко, а ты была бы хорошей маленькой девочкой, которая выполнила свое предназначение. Так ведь?

- Ты уверен, что это и было твоим предназначением?

- А ты уверена в своем? – выдает он в ответ.

- Ладно, справедливо. Но серьезно, я не понимаю. В этом нет смысла. Но раз ты говоришь, что у тебя было видение про это, и это то, что тебе нужно было сделать, то я верю.

- Ты хоть можешь себе представить, как это было тяжело? – он почти кричит. – Я сходил с ума, понимая, что мог бы стать причиной чьей-то смерти, начиная этот пожар. Все эти животные, земля, пожарные и те, кто рисковал жизнью, останавливая его. Но я все равно сделал это. – Его губа кривится от отвращения. – Я выполнил свою часть. А тебе просто требовалось пойти и выполнить свою. – Я опускаю глаза, изучаю свои руки. – Если бы не я, Такер бы погиб.

- Ты так ошибаешься, - уже спокойнее говорит Джеффри. – Как обычно.

- Что? – ошарашенная, я поднимаю глаза. – Джеффри, я была там. Я спасла его. Если бы я не появилась вовремя, он бы...

- Нет. Не погиб бы. – Джеффри смотрит в окно, словно снова видит, как все происходит. – Он бы не погиб. Потому что я бы спас его. – Он снова начинает собирать сумку, в этот раз складывая белье. Он смеется, неприятным невеселым смехом, качает головой. – Боже. Я чуть с ума не сошел тем вечером, когда искал его. Он не появился в том месте, где должен был, где всегда появлялся в видениях. Я думал, что что-то сделал не так. Я был уверен, что он поджарился. Наконец, я сдался и вернулся домой. Я увидел тебя на крыльце в Кристианом и подумал, ну ладно, хотя бы она справилась. Я провел все ночь в агонии, представляя твое лицо, когда ты узнаешь, что Такер мертв.

- О, Джеффри.

- Так что понимаешь, - продолжает он через минуту. Он хватает дезодорант и бросает в свою полную сумку. – Ты думала, я провалил твое предназначение? Но на самом деле, если бы ты делала все, как в видении, если бы просто доверилась плану, вы с Кристианом сделали свое дело в лесу, Такер был

бы в безопасности и все вышло бы правильно. Но в место этого, ты все провалила. Для нас обоих. – Я ничего не говорю. Я просто выхожу из его комнаты и закрываю дверь. В своей спальне я ложусь на кровать и смотрю в потолок, не мигая, с сухими глазами, кажется, что боль прожигает огромную зияющую дыру у меня в груди.

- Прости, - задыхаюсь я, хотя и понятия не имею, перед кем я извиняюсь, перед Джеффри или мамой, которая так в меня верила, или даже перед Богом. Я просто знаю, что это моя вина, и я сожалею.

- *Не казни себя*, - говорит Кристиан у меня в голове. Я сажусь и смотрю в окно, конечно же, он там, как обычно сидит на карнизе.

- *Я все провалила и для тебя тоже*, - напоминаю я ему.

Он качает головой. - *Нет, не провалила. Ты просто изменила ход событий.*

Я подхожу к окну и открываю его, выхожу наружу на холодный ночной воздух. Уже чувствуется лето, в ощущениях ночи, в ее запахе.

- Держись подальше от моих мыслей, - говорю я, неуклюже плюхаясь рядом с Кристианом.

На мне все еще мамины черные туфли. Пальцы ног болят. – Не думаю, что тебе доставляет удовольствие постоянно узнавать мои темные секреты.

Он пожимает плечами. – Не такие уж они и темные.

Я бросаю на него тяжелый взгляд. – Моя жизнь похожа на мыльную оперу.

- Очень, очень затягивающая мыльная опера, - говорит он. Затем он обнимает меня за плечи и привлекает к себе. Я позволяю. И закрываю глаза.

- Чего ты хочешь, Кристиан? У меня в голове такая каша.

- Как и у всех нас. А ты при этом выглядишь так потрясающе.

- Прекрати.

Задняя сторона шеи вдруг становится горячей в местах, которых касается его дыхание, шевеля завитки волос, сумевших выбраться из плетения. – Спасибо, - говорю я. Какое-то время мы молча сидим.

Вдали ухают совы. И вдруг, мне на глаза наворачиваются слезы.

- Я скучаю по маме, - придушенно говорю я.

Руки Кристиана сжимаются вокруг меня. Я опускаю голову ему на плечо и плачу, плачу, мое тело сотрясается от рыданий. Это один из тех громких, непривлекательных потоков слез, когда звуки вырываются из тебя, глаза становятся огромными и опухшими, а лицо превращается в большое розовое болото, но меня это не волнует. Кристиан держит меня, и я плачу. Боль выливается на его футболку, делая меня свободнее, это приятная пустота, как будто бы я теперь достаточно легкая, чтобы взлететь.

ГЛАВА 21. ВЫСОКИЕ СТРАНЫ

(Переводчик: Наталья Цветева, iloved; Редактор: [unreal])

На церемонию по поводу окончания школы всем девочкам пришлось надеть белые мантии, а мальчикам черные. Затем оркестр играет «Pomp and Circumstance», и мы по парам входим в спортзал школы Джексон Хоул, наполненный болтовней, приветствиями, яростными щелчками фотоаппаратов друзей и родственников. Тяжело смотреть на трибуны и не видеть маму. Или даже Джеффри. На следующий день у нас в доме опять появились полицейские, чтобы допросить его. На этот раз они даже взяли ордер. Но его уже не было. Все, что мы обнаружили в его комнате – это гору одежды и отсутствие туалетных принадлежностей – вот тогда я поняла, что он солгал, когда я увидела, что он собирает сумку – и единственный желтый стикер, приклеенный к окну.

«*Не ищите меня*», - гласил он.

Он даже не взял свой фургон. Несколько дней мы отчаянно искали его, но не нашли ни следа, куда бы он мог отправиться.

Рядом с Билли я нахожу отца. Он показывает поднятые вверх большие пальцы. Я улыбаюсь, пытаюсь выглядеть счастливой. В конце концов, у меня выпускной. Это серьезно.

Когда в кино кто-то умирает, всегда есть сцена, в которой главный герой стоит перед гардеробом умершего и гладит его любимой рубашки, той, что напоминает о множестве счастливых моментов. Этим утром я поступила именно так. Я открыла мамин шкаф, чтобы взять ее любимое белое кружевное

платье. Я решила надеть его под свое выпускное платье. Чтобы часть ее была со мной. Сентиментально, знаю.

В кино героиня всегда прижимает одежду к лицу, чтобы почувствовать дуновение еще сохранившегося намека на запах умершего. А затем она плачет.

Мне бы хотелось не знать того, насколько реальны такие сцены, как невероятно это было: стоять там и смотреть на все то, что смерть может оставить после себя. Как тут все еще могут стоять туфли? Думала я. Как может жить одежда, если человека уже нет? На плече фланелевой рубашки я нашла волос и осторожно зажала его между указательным и большим пальцами, этот волос остался моей единственной связью с человеком, которого я так любила. Я долго держала его, не зная, что с ним делать, и, наконец, отпустила. Я позволила ему улететь.

Это больно.

Но прямо сейчас она со мной, ткань источает аромат ее ванильных духов, и каким-то образом придает мне сил.

- *Это официальная пытка*, - говорит Кристиан в моей голове. - *Сколько там заготовлено речей?*

Я уточняю в программке.

- *Четыре.*

Ментальное рычание.

- *Но мы должны поддержать Анжелу*, - напоминаю я ему. – *«Ангельский клуб» держится вместе, да?*

- *Я же сказал. Пытка.*

Я слегка поворачиваюсь и бросаю на него быстрый взгляд. Он сидит в паре рядов позади меня рядом с Эвой Петерс. На соседнем ряду Кей Паттерсон ухмыляется мне.

Знаю, знаю, думаю я. Я все еще смотрю на него.

Он поднимает брови.

- *Не важно*, - говорю я ему.

Заканчивается первая речь и наступает очередь Анжелы. Ведущий объявляет ее в качестве представителя от класса. Одна из лучших и ярчайших звезд Джексон-Хол. Одна из трех учеников, поступивших с осени в Стенфорд.

Аплодисменты, аплодисменты.

- *Стенфорду следовало бы понизить запросы*, - замечает Кристиан.

- *Знаю. Стой, он сказал три ученика?*

- *Думаю, да.*

- *И кто же третий счастливчик?*

Нет ответа.

Я поворачиваюсь, чтобы снова взглянуть на него.

- *Нет.*

Он улыбается.

- *Теперь понимаю*, - говорю я. - *Ты следишь за мной.*

- *Тихо. Анжела начинает.*

Я переключаю внимание на сцену, на которой натянуто стоит Анжела, перед ней висит стопка карточек. Она натягивает на нос очки.

Откуда у Анжелы очки? Спрашивает Кристиан.

- *Она сегодня в роли Анжелы – ботаника*, - отвечаю я. - *Очки – это ее костюм.*

- *О-кей.*

Анжела негромко прочищает горло. Она заметно нервничает. Все взгляды прикованы к ней. Все внимание на нее, притом, что она привыкла всегда сидеть в уголке с книгой. Она смотрит на меня. Я улыбаюсь ей, надеясь поддержать.

- Я знаю, о чем обычно говорится в таких речах, - начинает она. – Я должна подняться сюда и говорить о будущем. Каким оно будет чудесным, как мы осуществим свои мечты и сами чего-нибудь добьемся. Возможно, я должна была бы прочитать детскую книжку о месте, куда мы отправимся и упомянуть, какое светлое будущее нас ожидает. Это воодушевляет, правда? – Бормотание из толпы.

- *Ой-йой*, - говорит Кристиан.

Я знаю, о чем он. Звучит так, будто Анжела собирается начать одну из таких анти-вдохновляющих выпускных речей, в которых девчонок из группы поддержки называют безвкусными Барби, а любимых учителей мерзкими извращенцами.

Анжела опускает глаза на карточки.

- Не делай этого, - думаю я.

- Когда я думаю о будущем, меня потрясает, как много всего меня там ожидает. Я знаю, что у меня не все будет получаться. А это важно. Что, если вдруг окажется, что мое предназначение, смысл моего бытия на этой планете, это только терпеть неудачи? Что, если я не справлюсь?

Она снова смотрит на меня. Я задерживаю дыхание. Уголок ее рта приподнимается – она улыбается мне. Затем снова становится серьезной.

- Но когда я думаю о том, чему научилась здесь за все эти годы, и я говорю не об уроках, а о том, чему я научилась, наблюдая за своими друзьями, которые встречались со своим будущим и искали свое предназначение. Я поняла, что буря – это не всегда только плохая погода, а пожар может стать началом чему-то новому. Я обнаружила, что в этом мире гораздо больше оттенков серого, чем я могла предположить. Я поняла, что иногда, когда ты боишься, но продолжаешь двигаться вперед – это и есть самое большое мужество. И наконец, я поняла, что жизнь – это не череда взлетов и падений. Жизнь – это присутствие там, где все меняется, где происходят события, где меняешься ты сам. Я хочу сказать, не важно, насколько светлым мы видим свое будущее, это не имеет значения. Поступим ли мы в самый престижный университет или останемся дома и устроимся на работу.

Не это определяет нас. Наше предназначение на этой земле – не одно единственное событие, которое по выполнении мы можем вычеркнуть из писка. Это не тест. Его нельзя сдать или провалить. Есть только мы, решающие каждую секунду, кто мы есть на самом деле и во что мы превратимся. Поэтому я говорю, забудьте про будущее. Живите настоящим.

Именно этим моментом. Перестаньте чего-то ожидать. Просто будьте. Тогда вы сможете стать кем-то великим.

Она закончила. Толпа хлопает и хлопает, думаю, большинство, потому что ее речь была довольно короткой. Поэтому большинству она влетела в одно ухо и вылетела в другое. Но не мне. Я очень внимательно ее слушала.

- Ладно, должна сказать, это была самая помпезная речь, которую я слышала в своей жизни, - говорю я Анжеле после окончания церемонии. Мы обнимемся, чтобы Билли могла нас фотографировать. – Ну, серьезно. «Просто будьте?» Тебе надо писать слоганы для «Nike».

- Это была хорошая тема, я тебя знаю. Мудрость от всего сердца и все такое.

- Ну, тогда ты теперь не будешь напрягаться по поводу своего предназначения?

- Не совсем. Я пытаюсь найти свой дзен.

- Удачи с этим.

- Эй. – Она выглядит слегка обиженно. – Тебе действительно не понравилась моя речь? Потому что я писала ее для тебя.

- Знаю. Мне очень понравилось. Просто в последнее время меня не очень тянет на философию. Я все еще заставляю себя вдыхать и выдыхать.

- Ты уже говорила с Такером? – спрашивает она.

Она определенно знает, как испортить настроение.

- Нет.

- Ну, значит, поговоришь, - заявляет она, глядя куда-то поверх моего плеча. – Я подойду попозже. – Затем она уходит, затерявшись в море черно-белых мантий. Я поворачиваюсь и обнаруживаю Такера, стоящего позади меня. Кажется, ему неловко.

- Привет, морковка, - говорит он.

- Привет.

- С ума сойти, да?

- Ты о чем?

- Выпускной. – Он жестом обводит комнату. – Наконец-то можно отчалить.

- Ах. Да. С ума сойти.

Он смотрит на меня и прищуривается. – Мы можем выйти на минутку и поговорить? – Я иду за ним на заросший травой задний двор школы. Здесь тихо, но до нас все еще доносится жужжание голосов из школы. Такер сует руки в карманы.

- Прости. Я был дураком. Я не знаю, я должен был, а потом я увидел... - Он прерывается, делает глубокий вдох. – Думаю, в меня вселился пещерный человек. Прости меня, - опять говорит он.

Я не могу придумать, что бы такое ответить, что удержит меня от слез.

Такер прочищает горло. – Как ты?

- Прямо сейчас? Бывало и получше.

- Нет, я имею в виду... - Он вздыхает. - Боже, я и забыл, как с тобой бывает сложно. - Это оскорбление, но оно произносится с неловкой улыбкой, а восхищение в его глазах возвращает меня в те дни, когда мы постоянно сводили друг друга с ума.

- А я забыла, каким ты можешь быть грубым деревенщиной, - бросаю я, чтобы уровнять счет.

- Ой. - На этот раз он показывает ямочки. У меня сердце болит от желания, вернуть все назад и в этот раз сделать лучше. Должно быть, это отразилось на моем лице, потому что его лицо резко становится серьезным. Он подходит ближе, кладет руку мне на предплечье.

- Я так понимаю, ты собираешься осенью в Стенфорд?

- Да, - говорю я без энтузиазма. - Вперед, Кардиналы.

- Но лето ты проведешь здесь, так?

Его лицо начинает светиться надеждой, в моем мозгу разворачивается картина, как мы могли бы провести лето вместе, как то волшебное время прошлым летом, когда я безумно влюбилась в Такера, влюбилась в Вайоминг со всеми его красотами. Мне бы хотелось пережить все это снова, тот день, когда мы лениво рыбачили на реке, поднимались в гору за черникой, плавали в реке Хобэк, занимались рафтингом, отмечая каждое место поцелуем или прикосновением, делая его нашим. Но теперь я знаю, что этого больше не будет. Пути назад нет.

Я смотрю вниз на наши ноги, на мои ажурные сандалии и ботинки Такера. - Нет. Билли решила, что было бы неплохо, если бы я уехала на лето, знаешь, подальше от тоски.

- Звучит как хороший план, - тихо говорит он.

- Я лечу с Анжелой в Италию.

- Когда?

- В понедельник, - послезавтра. Я уже собрала вещи.

Он кивает, словно ожидал этого. - Хорошо. Может, оно и к лучшему. - Тишина.

- Я вернусь за несколько недель до начала занятий. Ты будешь здесь, да?

- Я буду здесь.

- Ладно.

Он поднимает на меня взгляд, его голубые глаза так печальны, что у меня сжимается сердце.

- Что насчет завтра? Ты свободна?

Иногда слово *свободна* имеет так много значений.

- Ээ, конечно.

- Тогда заедь за мной завтра утром, - говорит он. - Устроим прощальное свидание. - Даже сейчас я не могу ему отказать.

Такер решил, что будет мило привезти меня в Гранд Каньон в Йеллоустоуне, он не такой огромный как настоящий Гранд Каньон, сказал он, но близок к нему. Это то место, где ты можешь постоять на краю водопада, что, как он сказал, должно мне понравиться (так и было). По дороге домой от «Ленивой собаки», где я высадила Такера, мне приходится остановиться и съехать на обочину. Я хочу вернуться назад, хочу, чтобы этот вечер никогда не заканчивался, но все, что у меня есть – это воспоминания, которые уже увядают. И вот я сижу в машине на обочине дороги и вспоминаю, как он наблюдал за мной, пока я стояла у ограды на краю водопада, в воздухе вокруг нас от воды поднимались радуги, и он произносит: - О, боже, я так хочу поцеловать тебя, - и я отвечаю: - Хорошо.

Затем он пристально смотрит мне в глаза и накрывает мои губы своими. Это был самый сладкий поцелуй в мире, настойчивый, но не требовательный, нежный. Но он вызвал во мне бурю чувств, более интенсивную, чем вода, несущаяся у нас под ногами.

Я открыла сердце ему навстречу. Его чувства проносились сквозь меня. Он любит меня так сильно, что его убивает то, что этот поцелуй напоминает прощальный. Он хотел никогда меня не отпускать. Он хотел бороться за меня, но не знал как. Он думал, что, возможно, самая настоящая форма любви – это позволить мне уйти.

Мой сердце парит от этих чувств, от осознания того, что он все еще любит меня, несмотря на все, что произошло. Я всеми силами стараюсь сдержать сияние, потому что оно уже наполняет меня, хочет выплеснуть в свет все то, что я чувствую в данный момент.

А затем, скоро, слишком скоро, он отстранился. Отступил назад.

Подожди, хотелось мне сказать, когда он повернулся и пошел по дорожке. Вернись ко мне.

И, думаю, я смогла бы уговорить его, не позволить этому вечеру стать прощальным. Я бы сказала ему, что хочу, чтобы он боролся за меня. Что тоже люблю его. Но что-то внутри меня шептало,

что он был прав, когда вчера сказал, что это к лучшему. Такер заслуживает лучшего, чем я могу ему дать. Он заслуживает обычную человеческую девушку, такую, как Элисон Лоуэлл. Он заслуживает быть счастливым.

Поэтому я даю ему уйти, и к его дому мы едем мы в тишине, стараясь убедить себя, что поступаем правильно, для нас обоих.

Когда я возвращаюсь домой, отец ждет меня на переднем крыльце. Он встает, как только я показываюсь на подъездной дорожке.

- Не выходи из машины, - говорит он. - Я хочу кое-куда с тобой поехать. - Я снова сажусь на сиденье и открываю ему дверь. Он забирается на пассажирское сиденье и пристегивает ремень. У меня появляется то же странное чувство, как тогда в салоне автомобилей Эда, я нервничаю, потому что не знаю, что он задумал. Все это смешивается с его особым коктейлем из радости.

- Ладно, куда? - спрашиваю я.

- Поехали в сторону города.

- Хорошо. - Я еду. Не знаю, что ему сказать. Последний раз мы виделись на выпускном, но он не остался после. У нас не было возможности поговорить. А до этого он сидел у маминой постели, когда она умирала. В моей голове крутится так много мыслей, в основном вопросов, но мне кажется глупым их задавать.

Вроде: у нее все хорошо? Куда именно она отправилась? Все это время ты был с ней? На что похоже то место, где она сейчас? Она скучает по мне? Она услышит меня, если я попробую поговорить с ней? Она наблюдает за мной?

Я веду слишком медленно. Автомобиль позади меня сигналит, отклоняясь в сторону, чтобы обогнать меня, едва уходя от столкновения со встречным.

- Чокнутые калифорнийские водители, - говорю я, показывая на номерную табличку с кодом Калифорнии, прежде чем тот уносится прочь. - Всегда куда-то торопятся.

Когда мы добираемся до города, отец просит свернуть на дорогу к национальному парку Гранд Титон. Я миллион раз проезжала по ней с Такером.

- Сколько нам понадобится, чтобы нас пустили в парк? - спрашивает отец.

- Пап, не волнуйся. У меня абонемент на весь сезон.

Отец выглядит довольным, словно гордится, что произвел на свет ребенка, относящегося к природе с уважением. Мы проходим длинный, извивающийся поворот, и неожиданно перед нами открываются горы, омытые красным и золотым. Солнце только что скрылось за ними. Скоро стемнеет.

- Прямо здесь, - распоряжается он, когда мы оказываемся у живописного подъема. - Остановись на обочине. - Я послушно сворачиваю в парк. Мы выходим из машины. Я слеую за отцом, когда он делает несколько шагов, сходя с мощенной дороги в высокую траву. Он любуется горами.

- Прекрасно, - говорит он. - Я никогда прежде не видел их под таким углом. Это что-то, не правда ли?

- Да, пап, красиво. - Но я в растерянности. Зачем мы здесь?

Он поворачивается ко мне и изгибает бровь. - Терпение не твоя сильная сторона, да?

Краска приливает к лицу. - Думаю, что нет. Извини. Я просто думала, что у тебя были планы или ты хотел мне что-то показать. Я как бы видела это раньше.

- Нет, не видела, - говорит он. - Мы еще не пришли. - Прежде чем я успеваю подумать над этим, он кладет руку мне на спину, прямо под основание шеи. Что-то движется вокруг нас, как быстрые изменения в давлении воздуха. Уши закладывает. Внезапно у меня появляется ощущение подъема, что-то вроде того, что чувствуешь в лифте, когда он начинает подниматься, сопровождаемое легким головокружением. Затем я замечаю, что цвет травы изменился; она стала зеленее, чем секунду назад. Я смотрю вверх на горы и тоже вижу разницу - в свете, который раньше был тусклым, ночь опускалась на землю, тени падали на равнину и вытягивались к предгорью, теперь же тени уменьшаются. Воздух становится ярче.

Это почти как бесконечный рассвет. Солнце просто не садится. Оно встает.

У меня кружится голова, я едва не падаю, словно только что спустилась с карусели. Я хватаюсь за руку отца.

- Все хорошо? - спрашивает он. - Может, будет лучше, если ты повиснешь на мне, пока не восстановишь равновесие.

Я глубоко вдыхаю. Воздух кажется тяжелым от сладости, как зеленая трава и клевер, дуновение чего-то, что напоминает мне запах облаков. Сказать, здесь красиво, удивительно, невероятно красиво – это ничего не сказать. Я поворачиваюсь к отцу.

- Это небеса, - говорю я. Это не вопрос; я знаю. Возможно, ангельская часть меня их узнала. Не могу справиться с головокружительным ощущением, переполняющим меня. Небеса.

- Их граница, да, - говорит отец.

Головокружение проходит, и я отпускаю его руку. Я пытаюсь отойти от него на пару шагов, но трава у меня под ногами какая-то странная. Она слишком твердая. Мои ноги не утопают в ней и не ломают ее. Я спотыкаюсь и смотрю на отца.

- Что случилось с травой?

- Дело не в траве, - говорит он. – Дело в тебе. Тебе пока рано здесь быть. Ты еще не достаточно крепка для этого пути, но если бы ты выбрала это направление... - он кивает в сторону восходящего света, что, по идее, должно быть востоком, но это действительно полностью другое направление... - ты бы становилась сильнее с каждым шагом, пока не приблизилась бы к горам.

- А что бы произошло, приблизься я к горам?

- Ну, тебе предстоит это выяснить, когда придет время, - загадочно говорит он.

- То есть, когда я умру.

Он не отвечает. Он смотрит в сторону гор и поднимает руку, чтобы показать на что-то. – Я привел тебя сюда, чтобы ты увидела.

Я скашиваю глаза в сторону света, прикрывая их рукой, дыхание перехватывает. Я вижу фигуру человека. Женщина в белом платье без рукавов, длиннее до щиколотки.

Оно похоже на то летнее кружевное платье, что я надевала под мантию вчера на выпускном. Она повернута к нам спиной, и она идет, почти бежит в сторону гор. Ее длинные золотисто-каштановые волосы свободно развиваются за спиной.

- Мам, - выдыхаю я. – Мамочка!

Я пытаюсь бежать к ней, но не могу двигать ногами в этой каменной траве. Это больно, как идти босиком по гравии. Мне удастся сделать лишь несколько шагов, прежде, чем я, задыхаясь, сдаюсь.

- Мам, - снова зову я, но уже знаю, что она не услышит.

Отец подходит ко мне. – Милая, ты не догонишь ее, не сейчас. Я привел тебя сюда, потому что думал, что тебе пойдет на пользу увидеть ее. Но это и все. – Этого не достаточно, думаю я, но это все, что у меня есть. Это подарок, который он преподнес мне, лучшее из того, что он мог сделать. Доказательство, что моя мама где-то в безопасности, тепле и свете. Что где-то она еще существует.

- Спасибо, - шепчу я.

Отец протягивает мне руку, и я принимаю ее. Так вместе мы стоим и смотрим на нее, эту божественную фигуру, которая является моей мамой, находящуюся на пути в высокие страны. Она уходит от меня, но она идет к сиянию. Она идет к свету.

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

ПЕРЕВОД ПОДГОТОВЛЕН СПЕЦИАЛЬНО САЙТОМ

WWW.FALLENARCHANGEL.RU

**Материал предоставлен в ознакомительных целях и не преследует коммерческой выгоды.
Сразу после прочтения удалите данный файл с жесткого диска вашего компьютера.**